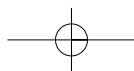

Вольная Русь

АЛЕКСАНДР СКИРДА

Вольная Русь

От веча до советов
1917 года

Перевод со второго французского издания 2000 года
под редакцией автора

ГРОМАДА
Париж
2003

ПУБЛИКАЦИИ ТОГО ЖЕ АВТОРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Нестор Махно, казак свободы 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921, Изд. Громада, Париж, 2001.

Индивидуальная автономия и коллективная сила: обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г., Изд. Громада, Париж, 2002.

Славяне любят свободу, они не терпят абсолютных властителей, и заставить их подчиниться нелегко.

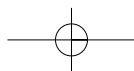
Византийский император Маврикий (539-602),
Стратегикум, гл. X.

Славяне – народ свободный, не терпящий никакого подчинения.

Византийский император Леон (с 813 по 820),
Tactica seu de re militari, гл. XVIII.

Русский народ, как, впрочем, все остальные народы, не знал в начале своей общественной жизни ни хозяев, ни рабов; он видел в этой дикой и неограниченной свободе самое ценное благо человека.

Г.К. Лукомский,
Русские, Париж, 1929, с.10.

I

Традиции демократии и равенства в древней Руси

Начиная с самых древнейших времен, Славяне жили в демократии; они обсуждали свои дела на народных собраниях, или вечеах.

Прокопий, византийский историк VI века,
Gothica seu bellum ghoticum, гл. XIV.

Ход событий и фактов в мире хаотичен и бессвязен в понимании тех, кто ограничивается рамками современности, а не рассматривает их в соотношении с перспективой прошлого. Так, например, как объяснить крах так называемой советской системы, безраздельно господствовавшей в России и зависимых от нее странах на протяжении более трех четвертей столетия, не соотнеся его с тем, что случилось в 1917 году? Многие пытаются вот уже десяток лет разобраться в этом, выкапывая документы, затерянные в тайных архивах режима и, в особенности, публикуя то, что было издано на протяжении этой эпохи вне пределов страны. За этим скрывается подспудная идея, что единственно свободная мысль и, так сказать, правда о системе могла быть выражена именно в них. Народ, не имеющий памяти, не имеет будущего, сказал Джордж Оруэлл вместе со многими другими, и, можно бы добавить, еще меньше достойного настоящего. Действительно, не зная, откуда мы при-

шли, на какой стадии мы находимся, как можно выбрать свой путь в будущее?

Однако, если получение наиболее точной информации является необходимой и неотложной задачей, то должна быть и возможность самостоятельно и критически осмыслить ее. Судя по публикациям – в книгах и прессе в современной России, к сожалению, это далеко не так. С одной стороны, умы которым на протяжении десятилетий препятствовали работать, не могут сразу же начать нормально действовать. С другой стороны, поскольку все прежние идеологи фактически остаются на своих местах, нужно время и смена поколений, чтобы начали стираться следы страшной психологической обработки и были освобождены заклиненные умственные тормоза.

Как бы там ни было, какая катастрофа! Какая людская неразбериха! Какое всеобщее бедствие! В 1917 году начать все с таких надежд и иллюзий, чтобы закончить теперь такой ведьмовской вакханалией! Приведем по этому поводу высказывание большого знатока русского народа Пьера Паскаля, члена французской военной миссии в России в 1916 году, перешедшего на сторону большевиков, затем оставившего их и вернувшегося во Францию в 1928 году. Вот как он воспринял революцию 1917 года: «Это величайший бунт против всяческого проявления неравенства, угнетения, жестокости, лицемерия, против огромного скандала войны, величайшее стремление к счастью всех людей. Всемогущие будут свергнуты со своего трона, и бедные будут возвышены. Да здравствует мир во всем мире!»¹

Эта русская «вера в тысячелетнее Христово царство», однако, не упала с неба и была лишь выражением настоящей и скрытой истории народа, на протяжении столетий повергнутого в рабство шайкой разбойников и шарлатанов, «мечом и кропилом». Разумеется, русские академические историки и тем более западные представляют дело совсем по иному. Для них важнее всего перечень царствующих династий, их дел и злодеяний, их бесконечных войн, расширение их могущества, замаскированное под строительство «великой державы», короче говоря, их взгляд гипно-

тически привлекает лишь пена реального жизненного потока. Подобное отношение к истории хорошо подтверждается следующим суждением из *Истории русской революции* Льва Троцкого: «Цивилизация превратила крестьянина в осла, который тащит свою ношу. Буржуазия, в конечном счете, только изменила форму этой ноши. Крестьянство, которое еле терпели на пороге национальной жизни, осталось за порогом науки. Историк обычно интересуется им так же мало, как театральный критик может интересоваться неприметными персонажами, которые подмечают сцену, подпирают своими плечами небо и землю и чистят костюмы артистов. Участие крестьян в революциях прошлого остается до сегодняшнего дня еле раскрытым»².

Мы попытаемся именно «раскрыть» участие «неприметных персонажей». Обнаружить и показать изначальные принципы, определившие их эволюцию.

Сразу же уточним, что существуют постоянные черты человеческого поведения, начиная с самых его корней, на всех географических широтах: в частности, власть над другими, над себе подобными, обусловленная или сопровождаемая преимуществами или привилегиями, всегда осуществлялась при помощи грубой силы, хитрости или лукавого ума ее зачинщиков. Редко случалось так, если вообще когда-либо случалось, чтобы мудрость, органически присущая человеческому роду, то есть действительно входящая в его настоящие интересы, не могла устойчиво утвердиться до наших дней. Поэтому еще большую весомость приобретает рассмотрение на специфическом примере русских явлений, ситуаций, в которых коллективная мудрость проявила себя. Не составит особого труда найти подобные примеры в истории обществ априорно отличающихся, за исключением некоторых нюансов или форм.

Вече: прямая демократия, самоуправление и принцип выборности

То, что сегодня называется Россией, представляет обширную территорию, расположенную на краю северо-вос-

точной Европы, и заселенную до IX века. Восточнославянские племена, носившие эти названия, населяли территорию современной Украины, а именно: древляне – восточную Волынь, поляне – земли с центром в Киеве, северяне – левобережье Днепра с центром в Чернигове. Территорию России населяли племена радимичей, кривичей, вятичей и ильменских славян (на рубеже VIII-IX вв.).³ Они получили название руссов, по-видимому, от имени скандинавского племени, которое финны называли *руотси* (от скандинавского слова *росс*, имевшего значение «грести», вероятно, содержавшем намек на их драккары, древние суда с веслами – *кнорр* на скандинавском). Это были суда с низкой осадкой, позволявшие выгрузку вне портов и в особенности пригодные для движения по рекам, так как их можно было передвигать по суше волоком между двумя реками. Известные под именем норманнов, что значит «северные люди», или варягов, они сочетали в себе качества грозных воинов, замечательных мореплавателей и ловких купцов. Хорошо известны их опустошительные рейды на Западную Европу, которые не мог остановить даже Карл Великий, завоевание ими Сицилии и Англии, их нападения на Константинополь и, наконец, открытие ими Северной Америки за пять столетий до Христофора Колумба. Русские историки с давних пор называли их варягами, не желая признавать роль иностранцев в своей истории и приписывая им иногда даже славянское происхождение, тогда как на самом деле речь идет о шведах, превратившихся из обычных пиратов в купцов, торговавших с дальними странами. Для торговли с Византией и Востоком они использовали речной путь с Балтийского моря в Черное. Одновременно они нанимались на военную службу в славянские города, расположенные на этом пути, превращали эти города в укрепленные крепости и развивали в них торговлю⁴, как, например, в Новгороде и Киеве, которые властвовали над входом и выходом на «пути из варяг» в Константинополь, называвшийся *Царьградом*.

Согласно легенде, распространившейся благодаря самой древней русской летописи, написанной Нестором в XII веке, три шведа – братья Рюрик, Синеус и Трувор, чьи скандинавские имена обозначают Тихий, Победитель и

Верный, в сопровождении дружины (от слова *друг*), группы воинов, сходной с королевской дружиной франков – трест, призвали княжить у себя славянские и финские племена, якобы неспособные примириться между собой. Вскоре два последних брата умерли, и Рюрик (в Испании времен визиготов этому имени соответствует Родриг) остался один и имел многочисленное потомство – Рюриковичей – имя, которым гордились последующие князья. Более вероятно, что они были призваны в качестве наемников, в роли, в которой они часто выступали в Византии и в других местах. Как бы там ни было, именно эти шведы, называвшиеся руссами, дали свое имя населению, жившему на территории, обозначаемой словом «Русь» (точно так же, как это было в случае франков, давших свое имя Римской Галлии, а затем ее жителям).

Это вовсе не значит, что руссы – так мы будем называть в дальнейшем эти славянские племена, были неспособны защитить себя. Предположительно 150 их племен объединялись в союзы в случае опасности и успешно отражали набеги азиатских кочевников и даже викингов, но все летописцы единодушно подчеркивают, что они были глубоко мирным и гостеприимным народом, как и все славяне, и не любили воевать. Красноречивое свидетельство тому – русская пословица «худой мир лучше доброй драки». Вероятнее всего, славянские племена взяли на службу шведов как наемную военную силу, необходимую для защиты против других завоевателей и охраны купеческих судов и караванов, направлявшихся в Византийскую империю, и, одновременно, нейтрализовали их этим как возможную опасность.

В одном из своих исследований Г.К. Лукомский характеризует руссов как народ, «который, как, впрочем, и все остальные народы, не знал в начале своей социальной жизни ни господ, ни рабов; он видел в этой дикой и неограниченной свободе самое главное благо человека»⁵. Византийские аналитики VI и VII веков Прокопий и император Маврикий говорят о них, как о народе, находящемся в постоянном движении: «Они живут в лесах и на берегах рек в небольших селениях и всегда готовы поменять место жительства». Он им приписывает также «чрезмерную» любовь к свободе⁶. До поклонения небесным явлениям хрис-

тианства руссы обожествляли лес и деревья, цветы, воды, огонь, души умерших и духов вещей⁷. Их жизнь следовала погодному и солнечному циклу. Поскольку они находились почти на одном и том же уровне цивилизации, варяги легко перенимали религиозные верования славян, поскольку они не отличались по существу от их собственных. Это была религия без предписаний, без догм, без таинства и без церковного сословия. Если сравнить Палладу-Афину у греков, на Руси ей соответствует Мокошь. Вместо Юпитера и Нептуна, вечно воевавших между собой и против людей, здесь находим Велеса, хранителя стад, и Перуна, владевшего громом и молнией, но не имевшего воинственных склонностей. Если в верованиях руссов и появляется кровожадное существо, человекоубийца, это не бог и не богиня, а «нечистая сила». В сказках того времени, былинах, на смену воинам приходят землелашцы, люди мирного труда⁷. Филологические исследования приносят нам подтверждение этой тенденции: почти все военные термины имеют иностранное происхождение, будь-то *князь*, восходящее к *конунгу* викингов, как и *витязь*; богатырь восходит к тюркско-монгольскому *батыр* или *богатур* (не говоря уже о военных терминах русской регулярной армии в XVII и XVIII веках, полностью заимствованных из французского и немецкого). Отметим, что известное слово *кнут* также скандинавского происхождения, а слово *раб* заимствовано из болгарского, и от него образовано слово *работа*.

В этом исследовании нас особо интересует стремление к наибольшему равенству, которое в высшей степени характерно для славян вообще и для руссов в частности. Оно проявляется в выборах и отзыве князя и всех главных руководителей на общем городском сходе, называемом *вече*. Сущность этого широко распространенного древнего общественного установления систематически искажалась. Большинство русских историков, равнодушных к этому золотому веку свободы в стране, находившейся веками во власти тирании, в лучшем случае кратко упоминали о нем в нескольких сбивчивых строках. Поэтому, в отличие от них, мы остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Главным источником сведений по данной проблеме является содержательное исследование В.И. Сергеевича,

русского историка XIX века, придерживавшегося правых взглядов. Он разобрал и подверг систематическому анализу достаточно большое число анналов, хроник и грамот, сохранившихся с той средневековой эпохи⁸.

Вече происходит от *вещать*, то есть говорить (по псковскому говору «кричать») и соответствует в некотором роде сейму, главному органу политической власти города. В нем могли участвовать все вольные мужчины, на добровольных началах, без какого-либо принуждения. Глава семьи представлял на нем свою жену и несовершеннолетних детей или даже совершеннолетних, если они проживали совместно. Вдовы также имели право участия. Созвать вече имел право любой, даже простая женщина, при условии, чтобы повод для собрания был достаточно важным. Вече собиралось по сигналу колокола, звон которого был далеко слышен, или же специальные глашатаи разносили сообщение о нем всем жителям. «Звук этого колокола новгородское ухо хорошо отличало от звона церковных колоколов» (Ключевский; II, 87). На вече присутствовали все социальные классы: бояре⁹, знать, включая купцов, ремесленники, *смерды*, «чернь», то есть самые бедные люди. Оно происходило в присутствии князя и его дружины, хотя это не было обязательным. Участвовать в вече можно было только лично, представительство через другое лицо, насколько известно, не существовало. При обсуждении не было председательствующего, первое слово предоставлялось тому, кто созвал вече. Обыденные дела рассматривались только в порядке исключения, зато на вече выносились все основные вопросы, в частности, избрание князя. Вече происходило под открытым небом на главной площади города, иногда в самой большой церкви, в неотложных случаях вне города. Люди сидели на скамьях, иногда на лошадях (например, в Киеве), и выступали на специальной трибуне - ступень, возвышавшаяся над площадью. Бояре и знать старались занять лучшие места, чтобы быть в центре обсуждения, но это вовсе не значит, что они пользовались большими правами, чем остальные присутствующие: «все имели равные права, и каждый говорил или молчал по своему усмотрению» (Сергеевич, с. 61).

Не велись никакие протоколы, но принятое решение, записывалось и скреплялось подписями (в особенности, если речь шла о грамоте, скреплявшей отношения между городом и избранным князем). Исполнение решений возлагалось на князя, определенных лиц или на само вече. Решения не принимались простым большинством голосов: для этого по древнему славянскому обычаю требовалось единогласие или подавляющее большинство. Вече могло не собираться на протяжении более года, затем заседать неделю или две, до тех пор, пока не были рассмотрены все вопросы и переубеждены несогласные. Если не удавалось достичь согласия в течение длительного времени, а решение следовало принять очень важное, прибегали к «божьему суду», то есть к физическому столкновению двух сторон. В Новгороде бывали случаи, когда таким образом побеждало меньшинство! Кроме подобных исключительных обстоятельств, принцип веча свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с учреждением, воплощавшем наибольшую прямую демократию и совершенное самоуправление. Борцу за русскую демократию Сергею Степняку принадлежит заслуга в том, что он уже в 1887 году обратил внимание на вече, мир и самоуправление в русской традиции¹⁰. Он считает, что самоуправление здесь было большим, чем в республиках античного мира и средневековья, которые, по его мнению, являлись лишь «ограниченными республиками или, так сказать, конституционными демократиями, подчинявшими по-прежнему волю народа контролю и ограничениям со стороны других социальных сословий. Наши старые русские республики были, напротив, абсолютными и неограниченными демократиями. Народ в них располагал действительным суверенитетом, каждый гражданин имел равное право голоса в управлении страной, и ни правящий князь, ни какой-либо общественный чиновник не располагал контролем над народным собранием. Вече могло отменить в целом или частично любое их решение [...], таким образом, вече было не только верховным органом, но и единственной властью, управлявшей всем, решавшей все. Не существовало никакой организации, разветвления или разделения власти.

Вече говорило от имени народа, волю которого оно выражало».

Выборными городскими должностями были посадник (бургомистр), тысяцкий, начальник ополчения, полиции и одновременно мировой судья. В некоторых княжествах эти начальники назначались избранными князьями. Сами князья избирались по традиции среди потомков Рюрика, что было в некоторой степени их наследственной особенностью. Поскольку эта должность давала существенный доход, зависевший от важности и богатства города, желающих занять ее было много. Киев и Новгород пользовались наибольшей популярностью. Если князь добивался признания и удовлетворял своих подданных, его сын или сыновья могли быть приглашенными на престол после него. Избранный князь и избиратели должны были целовать крест перед всем вечем, чтобы скрепить символически договор, который их теперь объединял. Выбор князя в зависимости от права наследования, определявшего взаимоотношения между князьями, часто отступал перед волей веча, навязывавшего свой собственный выбор: «Народ не принимал наследование престола по прямой или боковой линии, считая его неуместным и оскорбительным» (Сергеевич, с. 72). Из пятидесяти киевских князей до монгольского нашествия четырнадцать были избраны таким образом – непосредственно вечем. Договор между тем, кто был избран, и городом скреплялся особой грамотой (рядом), устанавливающей его права и обязанности с некоторыми ограничениями. Если князь вызывал недовольство города плохим руководством, злоупотреблениями или неподобающим личным поведением, вече его судило и изгоняло, «указав ему свободный путь», а нередко его могли арестовать и заключить в тюрьму, в качестве предупредительной меры во избежание возможных ответных действий с его стороны.

В Новгороде, в те времена объединившемся с Псковом и Ладогой, в 1132 году был изгнан князь Всеволод Мстиславский, после чего он устроился в Пскове, а впоследствии был вновь призван на княженье. Такая же участь постигла князя Ярослава Ярославича, однако без возвращения на

должность. Известный историк В.Ключевский в своем *Курсе Русской истории* вопреки его сдержанному подходу к веча, признает что: «Вместе с успехами самоуправления общественная жизнь Новгорода принимала все более беспокойное, шумное течение и делала положение новгородского князя все менее прочным, так что князья иногда сами отказывались править своевольным городом, даже тайком ночью бегали из него. Один князь в XII в. сказал другому, позванному править на Волхове: “не хлопочи о Новгороде; пусть управляются сами, как умеют, и ищут себе князя, где хотят”» (II, 73). На протяжении одного столетия тридцать князей сменили, таким образом, друг друга в городе, носившем имя «Господин Великий Новгород» и занимавшем вместе со своими колониями территорию, простиравшуюся на 500 километров с востока на запад и на 700 километров с юга на север и достигавшую Урала и Сибири. Его «младший брат» Псков отделился от него в 1348 году и стал независимой республикой, которая считается еще более демократичной: князь в ней был отодвинут на задний план двумя выборными посадниками. Ключевский интересно замечает, что: «В псковских нравах и заключалась нравственная сила, смягчавшая действие противоречий, какие мы заметили в политическом быту Новгорода, хотя элементы их были налицо и в Пскове: князь, то призываемый, то изгоняемый, влиятельное и зажиточное боярство, руководившее управлением, торговый капитал, способный угнетать рабочую массу, и народное вече, давшее рабочей массе возможность угнетать капиталистов. Но в Пскове эти элементы не разрастались чересчур, сохраняли способность ко взаимному соглашению и дружному действию и тем выработали некоторый политический такт, эту нравственную силу, обнаруживавшуюся в настроении общества и в складном соотношении общественных классов, в гуманных и благовоспитанных нравах, которые замечали в псковичах иноземные наблюдатели». Примерно, один из последних, Герберштейн, «собиравший свои наблюдения и сведения о России немного лет спустя после падения вольности Пскова, с большой похвалой отзывался о благовоспитанных и человеческих нравах псковичей, говоря, что “они

в торговых сделках отличались честностью и прямоотой, не тратя лишних слов, чтобы подвести покупателя, а коротко и ясно показывая настоящее дело”» (II, 118-119). Псков занимал территорию 200 на 400 километров. Республика Вятка, расположенная на северо-востоке, находилась в зависимости от Новгорода, затем в начале XIII века отделилась от него и даже обходилась вовсе без князя на протяжении 278 лет, до тех пор, пока в 1489 году Москва ее не покорилась при помощи военной силы. Тем не менее, пять веков спустя один из историков отмечает, что у ее жителей до сих пор еще можно найти «какую-то особую энергию, силу в работе и личной инициативе, красивые остатки героического времени этого города»¹¹.

В Киеве в 1147 году князь Игорь Олегович был даже убит, потому что не хотел уйти. Посадник и тысяцкий также зависели от вече как высшего судебного органа и могли быть смещены, наказаны изгнанием с конфискацией имущества или даже осуждены на смерть. Вече устанавливало свои «обычаи», назначая налоги в пользу князя и города, специальные налоги в случае войны, для которой требовалось его согласие, также как и для заключения мира. Численность ополчения, собиравшегося в случае войны, могла достигать, например, в Новгороде, 20 000 человек, тогда как княжеская дружина, состоявшая из наемников, насчитывала там от 300 до 3000 воинов. Чтобы удержать в своем распоряжении дружину, князь был склонен привлекать ее походами, обещавшими богатую добычу: излюбленной целью зачастую становился Константинополь, который много раз осаждался и вынужден был платить дань. Киевский князь Олег предпринял против него поход, в котором участвовало 90 000 воинов и несколько сотен кораблей. Только хитрость помогла византийскому императору выстоять против него. Сергеевич перечисляет сорок девять русских городов, имевших своей политической основой вече и выборного князя и разбросанных по теперешней территории России, Белоруссии и Украины: Смоленск, Полоцк, Чернигов, Рязань и т. д.; каждый из городов осуществлял контроль над своей областью, наиболее важным был Киев, «мать городов русских».

Князь, оплачиваемый городом наемник вместе со своими товарищами по оружию, в этом общественном устройстве выступал как организатор внутренней и внешней обороны. Он удовлетворял потребности своей дружины, наиболее выдающимися членами ее были бояре, которым он передавал свои административные, судебные, налоговые или торговые функции. Узкий круг избранных среди них составлял его думу, своего рода совет, помогавший ему. Ни он, ни его дружина не пользовались правом гражданства. Они не могли принимать участие в голосовании и не имели права, например в Новгороде, владеть землями или торговать с немцами. Жалование князя, как и его право на рыбную ловлю и охоту, были очень тщательно оговорены. Князь является приглашенным и остается таковым, ничто не должно привязывать его к городу. Его пост более схож с выборной республиканской должностью, чем с постом монарха. После введения христианства в Новгороде стали также выборными должности епископа и архимандрита, которых по случаю могли и изгнать. Хотя члены дружины и были вассалами, они оставались свободными людьми и могли оставить своего князя и даже вступать в открытые разногласия с ним по некоторым вопросам. Таким образом существовало некоторое равновесие между различными составляющими власть, но главной инстанцией оставалось вече, имевшее общим правилом принцип выборности. Последний систематически применялся во всех кварталах и на всех улицах города, а также в зависимых землях и отдаленных колониях. Местные веча также придерживаются этого принципа. Ему без труда можно найти соответствие в итальянских республиках Средневековья или в других местах.

Историк В.А. Мякотин дает очень четкое обобщение отношений между князем и вечем:

«Даже пригласив или приняв князя на основании договора, вече не отказывалось от своего права вмешиваться в государственные дела. Когда князь предпринимал поход, нуждавшийся в поддержке народного ополчения, вече обсуждало и решало, оказать ему эту поддержку или нет. Иногда вече требовало от князя предпринять тот или иной

военный поход, иногда же, напротив, принуждало его примириться со своими врагами. Вече участвовало во внутренних делах княжества, принимало иногда решения законодательного характера, требовало от князя отозвать какого-либо нежелательного управляющего или судью и даже решало по согласованию с князем вопросы подобные созданию нового епископата. Действительно, не было такого вопроса внутренней или внешней политики, который не мог бы обсуждаться на вече и не обсуждался на нем на самом деле.

Однако политическая роль вече чувствуется в том, что оно собиралось только в случае потребности и что на нем обсуждались только вопросы, выдвинутые князем или навязанные общественным мнением в какой-то период. Князь не мог руководить городом без поддержки вече, ни, тем более, против его воли, точно так же, как он не мог править без своей думы и дружины, но даже если вече могло ограничивать власть князя и направлять его по более или менее определенному пути, в большинстве случаев, оно не навязывало ему никакой узаконенной формы. Вследствие этого его роль и его отношения с князем на протяжении XI и XII веков менялись в каждом регионе и зависели от обстоятельств. Постоянным оставалось лишь сосуществование этих двух властей, князя и вече, отношения между которыми определялись двусторонним договором»¹².

Считалось, что другие города, рассматривавшиеся как зависимые или пригороды, представлены на вече главным городом. Главный город был также подразделен на кварталы и улицы, сотский и десятский подчинялись тысяцкому, староста был главным в своем квартале или старшим для нескольких улиц. Горожане были организованы также по профессиональному признаку: купцы объединялись в сотни и в ряды во главе со старостами, ремесленники имели свои корпорации и цеха. Судопроизводство осуществлялось на основании обычного славянского права с примесью скандинавского и византийского права. Оно нашло свое концентрированное выражение в кодексе Ярослава, известном под названием *Русская правда*.

Медленное разрушение подрывало эту систему. В первую очередь принцип наследования викингов, общий для всех германских народов, который состоял в разделе имущества между всеми детьми покойного (как во Франции во времена меровингов и каролингов), а власть должна была переходить к старшему представителю рода (право старшинства). Это противоречие между правом старшего в роду и правом наследования приводило часто к междоусобной борьбе некоторых князей, их дружин и городов, вступавших иногда в союз с кочевниками и неславянскими народами. Отсюда появление многочисленных пленников, обращенных в рабов. Сергеевич пространно описывает распри между князьями: дядьями и племянниками, братьями и двоюродными братьями. После смерти князя Ярослава и раздела должности между его пятью сыновьями междоусобные войны периодически следовали одна за другой на протяжении целых восьмидесяти лет, что привело к всеобщему ослаблению Руси. Вместе с тем, распри между князьями привели к усилению власти веча. Политический распад Руси усугубился упадком торговли Киева с Византией, завоеванной в 1204 году в результате четвертого франкского крестового похода, изменившего направление своего удара по требованию Венеции. Латинская империя в Константинополе продержалась лишь шестьдесят лет, но следствием ее существования стало изменение торгового пути на Восток, который с тех пор больше не пролегал «из варяг в греки». Центр экономической тяжести переместился к Новгороду, который стал процветающим городом и поддерживал отношения с сорока девятью городами Ганзейской гильдии.

Все это привело к разрушению традиционного славянского общества. Между тем, викинги, чтобы снискать благосклонность Византии, перешли в христианскую веру и стремились привести в нее славянское население. Этот процесс шел не без трудностей: на протяжении двух столетий новую церковь представляли на Руси только болгары и греки. Был введен православный календарь: 862 год, год пришествия Рюрика, таким образом, стал годом 6370, якобы с начала сотворения мира по византийскому летоисчис-

лению. Введены также каноническое право и византийские законы. Византийское законодательство оказало определенное влияние на деятельность гражданских и княжеских судов. Исключение составили только республики северо-запада. Лучшим примером явился псковский свод законов, составленный на основе существовавших обычаев и введенный в 1397 году. Церковь, напротив, приложила усилия к тому, чтобы заменить принцип выборности принципом власти милостью божьей (разумеется, при ее посредничестве¹³). Чтобы овладеть умами, она сумела выдать себя за покорную и послушную, скрывая при этом в византийском мракобесье свои огромные амбиции и безграничную нетерпимость. Несмотря на все это, республиканская демократия и принцип выборности кое-как сохранились до катастрофы XIII века, вызванной захватом и опустошением Руси (современной Украины) и центральной России татаро-монголами. До их появления одна из летописей того времени отмечала уже более пятидесяти нашествий кочевников (главным образом половцев) между 1060 и 1210 годами, то есть в среднем одно нападение в три года, не считая мелких набегов и грабежей. Все они были отражены, но в этот раз силу татаро-монголов недооценили. Объединенные в союз русские княжества составили бы непобедимую силу, но соперничество между князьями, которые вели друг с другом постоянные междоусобные войны, привели к их падению. Татары устроили поголовную резню жителей и щадили только некоторых женщин и детей, чтобы увести их в рабство. Постоянные междоусобные войны привело к большой потере населения на Руси и к массовой эмиграции в другие части территории. Только Новгород, Псков, Вятка и западные княжества избежали монгольского ига. Хотя со своей стороны им также пришлось приложить много усилий, чтобы отразить нападения других захватчиков и претендентов на завоевание. Два советских историка подсчитали, что с 1142 по 1446 год Новгород и его «часовой» Псков вынуждены были сражаться со шведами двадцать шесть раз, с тевтонскими рыцарями и немецкими крестоносцами одиннадцать, с литовцами четырнадцать, с норвежцами пять раз! Русские княжества – республики, таким

образом, были вынуждены противостоять могущественным врагам и завоевателям с двух сторон: татарам на востоке, немцам, скандинавам и литовцам на западе. В конце концов, в XV и XVI столетии они пали под натиском двух соперничавших держав: католической Литвы и православной Москвы. Религия служила только прикрытием экспансионизма той и другой.

Прямому татарскому правлению на Руси сопутствовал упадок вече. Князья не опасались прибегать к помощи татар, чтобы навязать свою волю вече в своем городе, кроме того, они создавали города, в которых вече было запрещено. В целом соотношение сил изменилось в их пользу. Сергеевич объясняет это, прибегнув к поговорке: «Где сила, там и власть». Вначале князь вынужден был считаться с вечем, так как все горожане были вооружены. По мере того, как его дружина превращалась в значительное и постоянное формирование, подменившее собой народное ополчение в качестве вооруженной силы, возрастала его власть. Кроме того, две соперничавших державы – Литва и Польша захватывали соседние княжества и упраздняли в них вече: в Смоленске и Полоцке, которые перешли под власть Литвы, вече перестали существовать соответственно в 1440 и в 1470 году. Великий князь московский Иван III играл на общности языка и веры, в чем его поддерживала православная церковь, и добился присоединения вначале Тверского и Рязанского княжеств, потом Новгорода, предательски захватив его послов и запретив вече. Затем в 1478 году он конфисковал городской колокол, много товаров и выселил 8000 семей, заменив их верными себе людьми. Так московский деспот воплотил свою родовую ненависть к новгородцам, считая их «вечниками крамольниками». В 1510 году его сын Василий Иванович завершил начатое дело, конфисковав городской колокол Пскова, упразднив, таким образом, его вече и выселив точно так же 300 семей. Его преемник Иван Грозный, кровавый безумец, последовал за ними, прибегнув к еще более ужасной резне: в 1571 году, чтобы окончательно искоренить вече, он уничтожил несколько десятков тысяч новгородцев. Свободная Русь отжила свое, рабство, унаследо-

ванное от татарского ига и используемое теперь Москвой, начало свое разрушительное действие. Тем не менее, вече остается до нашего времени основным ключом для понимания глубинного образа мышления русского народа. То, что называют «русской душой», является, несомненно, в своей сущности неосознанной тоской по изначальной свободе, утерянной несколько столетий назад.

Татары, привыкшие к широким просторам и чувствовавшие себя неуютно в лесистой местности завоеванной страны, довольствовались взиманием дани и поручали собирать ее московскому князю. Именно таким образом он приобрел превосходство над другими княжествами края, пока не стал достаточно могущественным, чтобы избавиться от опеки своих хозяев и осуществлять свою собственную абсолютную власть. Он претендовал на роль «собираателя земель русских», получив благословение на это от церкви, которая в соответствии со своей иудейско-христианской монотеистической верой стремилась посадить на трон единого и абсолютного монарха, представителя всемогущего небесного бога на земле, а, в особенности, защитника ее непрестанно растущих земельных угодий.

Татарское иго, продолжавшееся почти два с половиной столетия, оставило после себя около двух десятков слов в русском языке¹⁴ и вечную неприязнь ко всему, что приходит из Азии. Причиной этому были постоянные бесчинства и набеги, захват в плен женщин и детей – «неверных» – осуществлявшиеся татарами, которые в середине XIII столетия приняли ислам¹⁵.

Что касается московских князей, которые за это время сами провозгласили себя великими князьями, затем царями (от *цезарь*), после падения Константинополя в 1453 году они постепенно стали наследниками монголов, унаследовав так называемую систему восточного деспотизма, и осуществляли неделимую ни с кем власть в качестве «хозяев земли русской», рассматривая всех жителей как своих слуг и рабов. Они считали также, что им принадлежит вся русская земля, что было губительным принципом, поскольку впоследствии они распоряжались ею, как хотели, раздавая имения вместе с жителями преданным им лю-

дям и фаворитам, превращая их в помещиков. В довершение всего они захватили также духовную власть в качестве руководителей православной церкви, присвоив себе титул самодержцев, то есть правителей, которые обладали безраздельной властью (после бога). Это не могло не вызвать недовольства многочисленных прямых потомков шведа Рюрика (точно так же, как во Франции в случае франков¹⁶) и его товарищей по оружию – бояр. За это противостояние расплачивалось все население славянского происхождения, то есть простой народ, угнетаемый с еще большей жестокостью.

Отметим последнее изменение принципа выборности: чтобы покончить с периодом смуты, вызванным кончиной последнего представителя московской династии, Земский Собор, собрание бояр, купцов и духовенства, жалкое подобие веча, в 1613 году избрал одного из своих, Михаила Романова, на трон царя, самодержца всей России.

Итак, мы видим, как система, изначально основанная на демократии и равенстве, под двойным влиянием временной военной власти и господствующей духовной власти пришла к вырождению. Это не было специфичным для России явлением, но здесь оно приобрело крайние формы из-за особых геостратегических условий.

Царизм: самодержавие и рабство

Чтобы лучше утвердить свою власть и ослабить власть бояр, московские цари приближали к себе всяких иностранных наперсников, которые были им всем обязаны и поэтому особо преданными. Так, среди их прислужников, получивших у историков наименование «государственные чиновники» и составлявших знать, большинство были инородцами: к концу русского средневековья, то есть в XVI и XVII веках насчитывалось 168 семей, принадлежавших к династии Рюриков, 233 польско-литовского происхождения, 120 – татарских корней (например, Юсуповы и Толстые), 36 – из других восточных народов, 97 – неизвестного происхождения и только 42 – русского происхождения¹⁷.

Это были «служивые люди», феодалы, которые получили в качестве платы земельные наделы и должны были поддерживать государство, хотя на самом деле наживались, выжимая соки из живших на них крестьян. Каждый дворянин обязан был отдать долг царю своей личной военной службой, поставлять ему вооруженных солдат в случае войны, в зависимости от размеров своего состояния. А войн было предостаточно: они, так сказать, составляли неотъемлемую часть системы завоеваний и присоединений, заключенных и редко соблюдаемых договоров с сегодняшними врагами, а завтрашними друзьями. Только на протяжении XVIII и XIX веков две трети, то есть сто двадцать восемь лет и четыре месяца были посвящены вооруженным конфликтам. С русской стороны *в них участвовало 10 миллионов человек, треть из которых погибла*¹⁸.

Петр Великий внес глубокие изменения в эту систему, максимально усилив ее самодержавную сторону: он сам провозгласил себя императором и одновременно главой церкви по лютеранскому примеру. Он превратил дворян в пожизненных чиновников страны. Разделенные на четырнадцать чинов как в армии, часто не обладая никакой компетентностью, они составили архетип пресловутой русской бюрократии. Для ее усиления новый император приглашал всяких иностранцев, раздавая им аристократические титулы на европейский манер: баронов, графов и т. п. Но самое главное, он признал за дворянами право на полную собственность поместий, которыми они до сих пор лишь управляли от его имени.

Изначально земельная собственность, а тем более индивидуальная, на Руси не существовала. Земля принадлежала тому, кто ее обрабатывал, на все то время, пока он ее обрабатывал. Как только грунт истощался, уходили дальше, корчевали лес и сеяли. Крестьяне, таким образом, могли свободно идти, куда хотели. Все занимались поочередно сельским хозяйством, охотой, рыбной ловлей или торговлей, в зависимости от времени года, условий местности и потребностей. Все изменилось с момента появления крепостного рабства, ставшего юридическим источником частной собственности: «Эта земля принадлежит мне,

потому что мои люди ее обрабатывают», вот как обосновывалось право собственности. Раньше раб не был таковым в античном смысле: военнопленный или неплатежеспособный должник, с ним хорошо обращались, и он мог вновь обрести свободу по истечении некоторого времени. Теперь князья и бояре стали первыми собственниками земли, к которым вскоре присоединилась церковь и ее многочисленные монастыри. Татарское иго превратило их в сборщиков налогов для оплаты дани. Как следствие, они все более стремились заставить крестьян жить оседло. Несмотря на все, крестьяне сохраняли свободу передвигаться и работать то у одних, то у других. В 1597 году, начиная с Бориса Годунова, им запретили передвигаться и закрепили за помещиком, отняв у них право покидать свои места в Юрьев день (26 ноября) каждого года. Из арендаторов они превратились вначале в крепостных, а затем просто в рабов. Наставник одного из последних отпрысков Рюриков, сам татарского происхождения, Борис Годунов захватил трон и, желая обеспечить себе поддержку бояр-собственников, отдал им крестьян.

Второй Романов, Алексей Михайлович, усугубил этот акт, узаконив его в 1649 году. Крестьянин был не только прикреплен к земле, но и к своему владельцу, для которого он стал вещью, вместе со своей семьей. Его закрепощение было наследственным, со всеми вытекающими отсюда различными злоупотреблениями. В это время около миллиона крестьян сбежали и нашли пристанище в казачьих республиках Дона и Украины. На Волге произошло большое по своему размаху восстание крепостных, поднявшихся на призыв «землю и Волю». Донской казак Стенька Разин возглавил сильнейший бунт в центральной России (1670). Тем, кто обещал ему императорский скипетр, он ответил: «Я не хочу быть царем над православным народом, я хочу быть братом для всех людей»¹⁹. Почти постоянно вспыхивали восстания против московских порядков в самой России или у казаков Дона и Украины. Петр I прибег к ужасающим репрессиям, повесив 9000 запорожских казаков после победы над ними под Полтавой. Еще 40 000 запорожцев погибли при строительстве «Северной Ве-

неции», Санкт-Петербурга (построенного также на костях их и тысяч пленных шведов). Он ввел подушный налог на крестьян и усугубил их рабское положение. Несмотря на это, им продолжают любоваться учебники истории, восхваляя за то, что он «принес» в страну европейскую цивилизацию!

«Семирамида Севера», «просвещенный деспот», Екатерина II упразднила обязательную государственную службу для дворян, чтобы обеспечить себе их поддержку в узурпации власти и отдала – с еще большим размахом – им на милость закрепощенных крестьян. Это вызвало огромное восстание под предводительством Емельяна Пугачева, продолжавшееся несколько лет и заставлявшее дрожать трон. Чтобы положить конец любой новой опасности, Екатерина ввела крепостничество в областях, где оно еще не существовало, как, например, на Украине. Она задаривала землями и крестьянами своих любовников и фаворитов: так, она им раздала 800 000 крестьян, в среднем по 23 000 в год. Ее сын Павел I следовал примеру матери и оказался еще более щедрым: он раздавал около 120 000 крестьян в год, что составило в целом 530 000. Среди прочего он ввел крепостничество в Крыму и на Кавказе²⁰.

Испуганная Французской революцией, «друг философов» Екатерина отправила в ссылку в Сибирь Радищева, автора *«Путешествия из Петербурга в Москву»*, в котором он предлагал некоторые неотложные реформы: освобождение крестьян, упразднение привилегий знати, свободу печати, свободу совести. Она сочла проект Радищева настоящим «призывом к восстанию против помещиков» (в 1790 г.) и заявила, что нет «во всем мире судьбы лучше, чем судьба наших крестьян у хорошего помещика»! Пылкий поборник просвещения среди народа Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, его книжные магазины и типографии закрыты. Историк Эжен Шкафф, у которого мы позаимствовали эти сведения, отмечает: «Внешний блеск эпохи Петра Великого и Екатерины II не может скрыть от нас страданий сельского населения, его постоянного голода, болезней, страшных лишений. Именно на этих неисчислимых бедах были построены процветание и слава имперской России»²¹.

За два с половиной столетия, начиная с XVII века, когда большая часть крестьян была еще свободной, на огромной территории нашей планеты было установлено настоящее рабство для «белых негров», если можно осмелиться сравнить это с торговлей «черным товаром», и это произошло в то время, когда крепостное право исчезало по всей Европе. Закрепощение крестьян достигло такой степени, что в 1855 году, в канун их общего освобождения, осуществленного Александром II, в России насчитывалось 46 миллионов крепостных на 60 миллионов населения²². Все это служило для того, чтобы содержать целую пирамиду паразитов, состоявшую из 100 000 семей помещиков. Такова была действительность, но ученые историки вам будут долго объяснять, что это составило величие Святой Руси, великой державы, которая играла основную роль в содружестве народов на протяжении двух последних столетий! Приведем один исторический анекдот, очень показательный, когда речь идет об интернационале тиранов: когда Наполеон Бонапарт, или Наполеон I, каковым он сам себя провозгласил, в 1812 году начал свою кампанию против России, его советники, принимая во внимание социальное положение в стране, подсказали ему провозгласить освобождение крепостных, в противном случае было бы непонятно, зачем пришел туда бывший друг братьев Робеспьеров (настолько близкий, что даже попал в тюрьму в эпоху термидора). Наполеон им ответил, что не станет отдавать порядочную русскую знать в руки этих диких мужиков. Он объяснился по этому поводу по возвращении во Францию, заявив 20 декабря 1812 года перед сенатской делегацией: «Я мог бы вооружить большую часть населения России против нее самой, провозгласив освобождение рабов. Многие деревни меня об этом просили, но когда я узнал о грубости этой столь многочисленной части русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы на смерть, ограбление и самые жестокие пытки многие благородные семьи»²³. Действительно, войдя в семью королей в 1810 году, благодаря своему браку с дочерью австрийского императора, он провозгласил «солидарность корон» и проповедовал великий «культ порядка»! Так, впоследствии он

напомнил Александру I о своем «хорошем поступке» в одном из писем, требуя от него в какой-то степени признания! В действительности, не столь уж благородная (для сердца) причина привела его в Москву, вовсе нет, это была попросту личная месть: он не мог смириться с тем, что русский император когда-то отказался отдать замуж за него свою сестру.

Несмотря на некоторые усовершенствования, система самодержавия просуществовала только до 1917 года. Последний царь Николай II заявил в своей тронной речи в январе 1897 года перед представителями народа: «Я знаю, что в последнее время можно было слышать на некоторых собраниях некоторые голоса, пускавшие в бессмысленные мечтания по поводу участия представителей земств в политической власти. Пусть знают все, я посвятил все свои силы счастью народа, но так же твердо и решительно, как мой незабываемый отец, я считаю своим долгом поддерживать самодержавие»²⁴. Впоследствии, чтобы подчеркнуть слабость его характера, некоторые монархисты дадут его режиму определение «самодержавие без самодержца». Следует отметить также его инородное происхождение: в его жилах текла лишь одна сто двадцать восьмая часть русской крови (Петр Великий), если бы не это, он был бы чистым немцем²⁵. Он не был даже Романовым, эта фамилия исчезла вместе с Петром Великим. Его настоящее имя было Хольштейн-Готторп, унаследованное от призрачного предка Петра III, убитого собственной супругой Екатериной II, безвестной немецкой княгиней Софией Цербст Анхальт²⁶. Впрочем, самые высокие должности в государстве всегда занимали балтийско-немецкие бароны или прусские аристократы, потомки немецких крестоносцев XIII века. Эти люди разговаривали между собой на немецком, французском или английском языке, но только не на русском, который они очень часто не знали. Разумеется, они испытывали только самое большое презрение к мужикам, всегда беспечным, если не ленивым и грязным. До упразднения крепостного права часто можно было услышать: «Мужиков можно найти сколько угодно, а хорошие лошади попадаются редко и стоят дорого»²⁷. Некоторые по-

мещики доходили до того, что заставляли крестьянок кормить грудью своих щенков! Не следует удивляться, что московская татаро-византийская империя в то время пользовалась репутацией самой презренной страны во всей Европе²⁸.

Сельская община: мир²⁹

В 1847 году в небе европейских социалистов и утопистов прогремел гром: такой эффект произвела публикация работы вестфальского барона Августа фон Гакстгаузена «Этюды о России»³⁰. Они узнали, что общество их мечты, которое они собирались построить в миниатюре далеко в Америке, в виде колоний или фаланстеров, существовало уже вблизи от них, в стране, считавшейся самой деспотической на континенте: сельская община, или по-русски мир. Действительно, в этой империи, опиравшейся на закрепощение народа, сохранилась в крестьянской среде независимая социальная и экономическая структура, община, основанная на коллективной собственности на землю и разделе продуктов совместного труда. Она существовала на основе коллективного самоуправления членов *мира*, само название имеет в русском языке очень символическое тройное значение: «община», «мир» и «вселенная».

Хорошо известная также у всех славянских народов, русская сельская община сохранилась, несмотря на все превратности прошедших веков и была достаточно известна некоторым русским, поддерживавшим связи с крестьянской действительностью. Радищев, затем декабрист Пестель говорили о ней как о зародыше нового свободного общества. Славянофил Хомяков представлял ее как козырь страны, противопоставляя ее западной коррупции. Гакстгаузен, пользуясь поддержкой и пониманием официальных властей, которым недоставало точной информации о своих подданных, провел систематическое исследование по всей стране. Пытливый ум исследователя привлек факт сохранения сельских общин также в Пруссии и он пытался проверить, не находились ли они под влиянием своих сла-

вянских соседей. Это опередившее свое время социологическое и этнографическое исследование было опубликовано в 1847 году, в трех объемистых томах, одновременно на немецком и французском языках.

Автора поразили дух совершенного равенства и справедливости, определявший постоянный раздел земли между всеми членами общины: «Принцип, на котором зиждется раздел земель между крестьянами, состоит в том, что все мужское население представляет собой коллективное единство, соответственно все земли, как пашня, луга и пастбища, так и леса, кустарники, озера и пруды образуют одно земельное целое, принадлежащее не отдельным членам, из которых состоит община, а коллективному единству, представленному всеми крестьянами вместе. Каждый мужчина имеет право требовать для себя такой же надел земли, как и у любого другого члена. Леса, пастбища, право на охоту и рыбную ловлю не подлежат разделу, остаются целостными и отдаются в пользование всем»³¹. Исследователь особо восхищен работой землемеров, точностью измерений и разнозначностью устанавливаемых участков, которые разделялись по жребию. Попутно он произносит пламенную обвинительную речь против крепостничества, считая при этом, что существование в России общины ограждает страну от создания нищенского пролетариата, как это произошло на западе, и, следовательно, от всякого риска революции. Он считает, что община символизирует патриархальную систему, воплощением которой является сам царь! Согласно комментарию одного из библиографов, несмотря на все, «впервые представитель запада сделал попытку показать самобытность русской цивилизации, систематически изучая некоторые ее аспекты»³². Еще более хвалебна следующая оценка: «Гакстгаузен был первым, кто детально описал функционирование сельскохозяйственной общины, которую даже сами русские до него знали неопределенно и эмпирически. Он раскрыл внутренний механизм этого сложного и оригинального общественного образования. Он стал Колумбом этой клеточки аграрного устройства России, о которой все говорили, не имея о ней четкого представления»³³.

Александр Герцен, изгнанник и первый русский революционер, немедленно откликнулся на труд Гакстгаузена в своем очерке о *Развитии революционных идей в России*, назвав его «очень интересным, но неистово реакционным»³⁴. Он стал страстным защитником революционного потенциала общины, которая «спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе»³⁵.

Он восхвалял обычное право, действовавшее в общине, за то, что оно противостояло римскому праву, что было равносильно противостоянию коммунистической собственности и индивидуального присвоения. Этот «мужицкий коммунизм» был настоящим «счастьем для России».

Вслед за ним все русские революционеры защищали мир как основу социального обновления: Чернышевский, Бакунин, Лавров и Михайловский, если называть только самых влиятельных. Даже Карл Маркс – о, какая неожиданность, если учесть его русофобию и ненависть к крестьянству, – выступил сторонником общины в предисловии к русскому переводу *Коммунистического манифеста* в 1882 году и в своем знаменитом письме Вере Засулич: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития. [...] эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы, прежде всего, устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»³⁶.

Со стороны Маркса это была удивительная эволюция, если вспомнить его недавнюю русофобию, но случилось так, что первый перевод *Капитала* вышел в России в 1872 году, имел там множество читателей и получил высокую

оценку. Это заставило Маркса посвятить себя тщательно-му изучению ситуации, он даже выучил русский язык, и вложить в это всю свою энергию³⁷. После его кончины его alter ego Энгельс, несколько злоупотребляющий наслед-ником, вернулся к более ортодоксальной концепции истори-ческого материализма и заявил, что Россия должна неми-нуемо пройти через стадию капитализма, и, следователь-но, коллективная собственность должна уступить место ин-дивидуальной собственности. Это стало лейтмотивом его эпигонов, самый известный из которых Владимир Ленин прославился, посвятив большое исследование развитию капитализма в России, принесшего научный прогресс, ко-торый должен был привести к созданию промышленного пролетариата, «мессии» марксистской вульгаты.

Мир, образовавшийся с незапамятных времен, был эко-номическим и социальным соответствием веча, древнего политического учреждения, рассмотренного выше. Он ши-роко изучался множеством историков и экономистов второй половины XIX и начала XX века, на которых мы бу-дем ссылаться, чтобы внимательно исследовать его ха-рактеристики и функционирование.

Мир соответствовал чаще всего одной деревне, но мог включать до тридцати деревень, составлял одну волость и объединял многие тысячи жителей. Он являлся единствен-ным собственником земли, и все его члены были только ее пользователями. Каждый из них, однако, имел собствен-ное жилье (избу) и окружающий участок (усадьбу). Мир нес коллективную ответственность по налогам и внешним обя-зательствам. В нем были свои выборные управители: ста-роста (мэр), сотский (сельский полицейский), пятидесят-ский и десятские, на которых опиралось его функциониро-вание. Собрания мира (сходы) регулярно происходили в трапезной приходской церкви или в специально обустроен-ном для этой цели доме, где оставался сторож. По истече-нии определенного времени земля, разделенная на рав-ные по количеству и качеству участки, распределялась между всеми теми, кто имел необходимую рабочую силу, в соответствии с количеством едоков в семье. Леса и паст-бища оставались неразделенными. Луга косили совмест-

но, а сено делили на всех; иногда их делили каждый год и раздавали заново, так что каждый участник владел ими по очереди. Распределение всегда осуществлялось по жребию. Мир был обязан обеспечить определенную долю земли каждому индивиду, способному ее обрабатывать, нетрудоспособных брала на содержание община. Произведенные продукты были общим достоянием. Чтобы никто не пострадал от несправедливости при разделе, землю делили на три типа участков, иногда больше, принимая во внимание качество грунта, его освещенность солнцем, наличие склона, близость к домам, дорогам, ручьям. Отсутствие ограничений подчеркивало дух равенства и солидарности членов общины. Когда какой-то участок земли подвергался значительной мелиорации, его могли исключить из раздела, и он оставался у хозяина на более продолжительное время. Анатолий Леруа-Болье, автор фундаментального исследования *Царская империя и русские*, посвящает многие страницы миру и отмечает его положительные стороны:

«Мужик, долгое время закрепощенный, сохранил это традиционное самоуправление, эту сельскую и деревенскую автономию, по всей видимости, благодаря коллективной собственности. Все права, все нравы и обычаи общины вытекают из этого источника.

Одним из естественных следствий этой общности земель было равенство всех членов общины и, следовательно, равное участие всех во всех делах мира. Отсюда появился в деревнях Великороссии демократический строй в своей самой простой и самой чистой форме, без посредничества и представительства, строй прямой демократии, где каждый принимает личное участие во всех обсуждениях, во всех решениях, [...] никакой наследственной власти, никакой индивидуальной или олигархической власти в миру не существовало»³⁸.

Леруа-Болье считает, что эта система, где управители прямо избираются крестьянами, слушают их указы и подчиняются их воле, находясь под их непосредственным и постоянным контролем, может существовать только на ограниченном пространстве. Он не осмеливается распространить ее на политический строй целой страны, так как и в

этом случае дающие полномочия должны бы также иметь контроль над уполномоченными: тогда это было бы социальной революцией, сторонником которой он не мог себя объявить, занимая высокое положение во французском обществе. Отметим, однако, его оценку мира, как «монады» русского народа, единственного его органического учреждения.

И под монгольским игом, когда князья превратились в татарских откупщиков, и при московском крепостничестве мир не изменился. Угнетатели были довольны тем, что им не приходилось управлять его делами, но зато они обложили его огромными налогами (оброками) и принудительными работами (барщиной).

Мир выработал у крестьян две привычки, без которых любая свобода бесплодна: привычку самим решать свои дела и привычку объединяться с себе подобными. Во время его собраний решения принимались по старинному славянскому обычаю все решать единогласно или очень сильным большинством, как и на вече. Сергей Степняк, которого мы уже цитировали, функционирование мира описывает глазами очевидца:

«Мир в центральной России или громада в южной России (Украине) составляет в представлении крестьянина высшую власть, которая призвана беречь общественное добро всей общины и имеет право требовать беспрекословного повиновения от каждого своего члена. Он может собраться по требованию даже самого смиренного из своих членов в любое время и в любом месте в территориальных пределах своей деревни. Власти общины должны отвечать почтительно на требование о собрании, и если они не выполняют свой долг, собрание может сместить их без предупреждения всех вместе или поодиночке или же оставить на своих должностях на неопределенное время.

Собрания деревенской общины происходят, как происходили вначале собрания земельного совета в швейцарских кантонах, на открытом воздухе, «под открытым небом», перед домом старосты, перед трактиром или в другом подходящем месте. Первое, что поражает того, кто присутствует впервые на одном из таких собраний, это ка-

жущаяся крайняя неразбериха, которая царит на них. Никакого председательствующего, никакого порядка в обсуждениях. Спор характеризуется внешней суетою. Сознавший сход излагает мотивы собрания. Сразу же после этого каждый бросается в борьбу, все высказывают одновременно свое мнение, иногда это становится похожим на кулачный бой. Чтобы получить слово, надо уметь его взять и удержать. Если выступающий нравится, присутствующие сами устанавливают тишину и пресекают мешающих. Если то, что он говорит, не имеет значения, на него не обращают внимания, и любой может заставить его замолчать. Если речь заходит о наболевшем вопросе, который волнует всех присутствующих, все говорят одновременно, и никто не слушает. Очень часто разделяются на мелкие группы, которые продолжают обсуждение, каждая со своей стороны и для себя. Все вопят, с разных сторон раздаются крики, оскорбления, язвительные замечания, вызовы. Стоит неопиcуемая суета, которая, кажется, не может привести ни к какому положительному результату.

Однако эта внешняя неразбериха не имеет никакого значения. Это необходимость, нужная для того, чтобы достичь цели. На наших сельских собраниях нет никакого тайного голосования, никакое решение не принимается большинством голосов. Все вопросы решаются только на основе единогласия. Вследствие этого общее или частное обсуждение продолжается до тех пор, пока не будет выдвинуто предложение, которое удовлетворит по мере возможности интересы всех и к которому присоединят свои голоса все члены мира. Очевидно, что для того, чтобы найти выход, каждый вопрос глубоко обсуждается и рассматривается со всех сторон, и ясно, что для того, чтобы одержать победу над отдельной оппозицией, ораторы, которые защищают противоречивые мнения, должны стать лицом к лицу и могут решить свои споры только в личном поединке.

Представленный выше способ обсуждения является характерной чертой русского мира. Сход не заставляет меньшинство принять решения, с которыми оно не согласно. Каждый вынужден идти на уступки ради общего блага, мира и процветания общины. Большинство не извлекает ни-

какой выгоды из своего количественного преимущества. Мир не господин, это любящий отец, который одинаково заботится обо всех своих детях. Это основное качество автономии наших деревень объясняет большое чувство человечности, являющееся отличительной чертой наших сельских нравов, взаимопомощь на полевых работах, помощь бедным, сиротам, страждущим. Вот те черты, которые вызвали пылкое восхищение любого, кто имел возможность наблюдать нашу деревенскую жизнь. Той же причиной объясняется и безграничное доверие русского крестьянина к миру. «Чего хочет мир, того хочет бог», говорит народная мудрость»³⁹.

Степняк поражен также полной свободой слова и дискуссии, царившей на общинных сходах, как по отношению друг к другу, так и по отношению к внешним административным властям и к «священной особе» императора. В их глазах она не представляет собой бунта или неподчинения, это попросту их естественный способ бытия.

Это описание было бы идиллическим, если забыть об абсолютной зависимости мужиков (буквально «маленьких мужей») на протяжении более чем двух с половиной столетий от помещиков, бар и знати, навязанных Москвой, которые владели землями и «душами»⁴⁰. Их судьба была самой бедственной. Хуже всего приходилось тем, кто оказался оторванным от земли, следовательно, исключенным из мира и предоставленным полнейшему произволу. Иногда их продавали на торгах как скот или по мелким объявлениям (очевидно, что американские негры, которыми также торговали, не были в исключительном положении). Разумеется, их держали в полном невежестве – у них не было права на образование. Это объясняет их недоверие к грамотности, оставшейся тайной для них и ставшей уделом господ, чиновных взяточников и сутяг. Они все решали, таким образом, между собой, живым голосом, «по-братски».

Срок пребывания на должности составлял три года, за исключением сборщика податей, самой неблагоприятной должности, на которую избирали на один год, так как тот, кто имел несчастье быть избранным на нее, прибегал ко всяким способам и поводам, чтобы от нее освободиться:

он опасался поссориться с другими членами общины. Ни одна из этих должностей не была бесплатной, хотя большинство из них требовали всего нескольких часов работы, и обязанности можно было выполнять в свободное время. Должностные лица освобождались от налогов и обязательных работ, требуемых местной властью. Несмотря на эти преимущества, крестьяне всегда пытались от них уклониться, и часто только сельский сход заставлял их согласиться. Избранные очень добросовестно исполняли свои обязанности. Староста был только исполнителем решений сельского схода. Он носил в качестве знаков своей власти бронзовую цепь и медаль. Он управлял школами, кассами, приютами, магазинами, готовил жребии и определял, что сеять. Он присматривал за сборщиком податей, занимался призывом в армию и состоянием полевых дорог, под контролем волостного старшины. Один выполнял экономическую функцию, другой – административную. Следует подчеркнуть, что, как в Англии, обычное право общины обходилось без помощи и руководства со стороны писаного права. Это было «живое установление, естественная жизненная сила которого» позволяла ему без этого обойтись⁴¹. После упразднения крепостного права в 1861 году, принесся в жертву автономии мировой общины, царская власть ввела в нее чиновников извне: писаря, исправника, старших по чину урядника и начальника, зачастую лиц достаточно тупых, способных причинить только неприятности и вызвать конфликты между крестьянами.

Эти «республиканские села» составляли свой замкнутый мир, удаленный от городов, мест обманной жизни, кишевших чиновниками, торговцами и всеми паразитами государственной власти. Это явление воплотилось в создании царизмом до конца XIX века 540 новых городов, которые присоединились к 300 уже существовавшим до московской централизации. Тем не менее, многочисленные сельские ярмарки круглый год объединяли деревенский мир.

Степняк отлично характеризует это противостояние: «Крестьяне живут, закрывшись в своих лилипутских республиках, в своих общинных деревнях, как улитки в своих

ракушках. Для них официальная Россия, то есть мир чиновников, военщины, полицейских, представляет собой только банду чужеземных завоевателей, которые обрушились на страну и время от времени посылают своих сборщиков в села, чтобы выбить дань в деньгах и кровью в виде податей, которые нужно платить в царскую казну, и рекрутов, которых следует отдать в царскую армию»⁴².

Действительно, начиная с московских царей, два общества существовали, наложенные друг на друга: общество настоящей страны, крестьяне, живая сила, производящая блага, и общество государственной власти и всего собирающего ее хищников, бесстыдно эксплуатирующих чужой труд. Старая мудрость мужиков «Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала» как нельзя лучше обобщает это положение.

До отмены крепостного права помещик отдавал крестьянам почти половину пашни и оставлял себе вторую, которая обрабатывалась крестьянскими руками благодаря барщине: крепостной должен был у него отработать три дня в неделю, прежде чем заниматься своим собственным наделом. Обработка земли велась вначале по трехпольной системе, то есть, например, треть яровых или озимых зерновых, ржи или пшеницы, треть овса, льна, гречихи или картофеля и треть оставалась под паром. Такая система видоизменялась в зависимости от области и просуществовала до введения в конце XIX века четырехпольной системы и использования удобрений. Каждое поле подразделялось на коны, чтобы каждый мог распределить культуры по своим потребностям. Поле насчитывало обычно от семи до десяти конов, иногда больше, они в свою очередь подразделялись на участки.

Когда юноша достигал двадцати лет, он автоматически получал право на надел. Подати и обязанности распределялись в зависимости от количества душ, для крестьян, выходцев из имений, принадлежавших короне (царю) и уделов (принадлежавших царской семье), или в зависимости от тягла (очага) и количества находившихся на содержании. Распределение велось самым справедливым способом. Некоторые общины использовали совместную об-

работку земли, они именовались общинами-артелями. Распределение по жребию происходило каждые девять-десять лет, но не более двенадцати лет, по мере потребности или в зависимости от последней переписи. Принятый в 1894 году закон попытался установить одинаковый срок в двенадцать лет, но он применялся не повсюду. В глазах крестьянина любая попытка освободиться от уз общины, отдав свой надел или не выполняя свою функцию, считалась дезертирством, кражей, преступлением, которое нельзя простить.

Чтобы увеличить свои скромные доходы, многие крестьяне объединялись в подвижные общины, артели, включавшие иногда сотни людей из разных деревень, занимавшихся разными ремеслами: каменщиков, плотников, столяров, рыбаков и т. п. Они объединялись на определенный период, например, на год, для осуществления определенной работы или задачи. Члены объединения избирали своих руководителей, сообща делали закупки и делили заработки. При этом они не теряли связь с родной общиной. Эта форма объединения существовала задолго до того, когда на западе родилась идея кооперативов, но, несомненно, можно найти под разными широтами вплоть до наших дней другие подобные примеры в разных странах. До 1917 года наблюдается тенденция к вырождению артели, на смену объединению приходит капиталист, который заключал договор с рабочими и платил им постоянный заработок. То же произошло с кустарями, объединениями ремесленников, занимавшихся домашним и деревенским производством и часто специализировавшихся в зависимости от области.

Спор о мире

Уже до отмены крепостного права в 1861 году многие земельные собственники осознали низкую продуктивность рабского труда, и некоторые из них поддались соблазну, сохранив за собой собственность на землю, освободить своих крепостных с тем, чтобы превратить их в оплачиваемых.

мых рабочих. Они натолкнулись на категорический отказ крестьян, которые отвечали, что их личности принадлежат помещикам, поскольку те находятся на царской службе, но земля, напротив, принадлежит им самим, крестьянам, так как они ее обрабатывают с незапамятных времен. Поражение России в Крымской войне 1854 года против французов и англичан, пришедших на помощь Османской империи, ярко высветило пороки царского режима. Поэтому новый царь, Александр II, принял решение провести в стране реформы «сверху, пока это не началось снизу», по его собственным словам. Закон от 19 февраля 1861 года отменил, таким образом, крепостное право, но обязал при этом общины выкупить обрабатываемые ими земли у прежних собственников. Крестьяне оказались обобранными во всех отношениях: их заставляли выкупать отнятые у них земли, причем по недоступной цене, и, что стало отягощающим обстоятельством, помещики сохраняли за собой в ущерб крестьянам лучшие земли. Государство выплачивало помещикам аванс и принимало на себя обязательство получать с крестьян ежегодные платежи на протяжении сорока девяти лет. Впоследствии, в 1906 году, сумма выкупа была снижена наполовину, затем упразднена, поскольку социальная буря стала слишком сильной. Внешнюю подправку режима дополнило создание земств, территориальных собраний, объединявших представителей всех социальных групп, разумеется, крестьянские общины в них были представлены недостаточно. В выигрыше оказались, конечно, земельные собственники, которые получили за сорок два года в два с половиной раза больше стоимости своих земель, сумму, которую они растратили на ненужные расходы, а не на повторное инвестирование, как могли наивно думать некоторые экономисты. Вследствие этого крестьяне оказались без достаточного количества земли и были вынуждены наниматься в батраки к помещикам или же арендовать у них землю. Новый закон также способствовал тому, что червь индивидуальной собственности проник в общинный плод, позволяя некоторым выйти из мира, при условии, что две трети общины дают на это свое согласие. Очень немногие смогли

или захотели воспользоваться этой возможностью, но благодаря уловкам внешних мошенников – торговцев, кабатчиков, продажных чиновников, одним словом, мироедов – некоторые продали свои наделы. Таким образом, общины потеряли значительные участки земли. Этими новыми собственниками были те, кого впоследствии стали называть «кулаками» («зажатый кулак» в русском языке – символ жадности). Это медленное разрушение осталось, тем не менее, по тем временам незначительным.

Именно в это время среди революционных теоретиков возник основной спор о русском пути к социализму и роли, которую в нем должна сыграть община. Все были согласны признать в ней пережиток так называемого первобытного коммунизма, стадии, которую прошли все человеческие общества, начиная с древнейших времен. Были известны ее современные эквиваленты: немецкая марка, украинская громада, сербская задруга, швейцарские и южногерманские аллемнды, яванская десса, индусское селение и другие, менее совершенные формы. Одним словом, эта стадия была характерна для всех обществ, которые переходили от кочевого и пастушеского состояния к земледелию. При этом большинство стран и обществ развивались, упраздняя частную собственность, и это рассматривалось как проявление прогресса. Некоторые экономисты, в особенности эпигоны Маркса, несмотря на приведенное выше мнение их учителя, считали, что община препятствовала экономическому развитию и ей на смену должна была прийти частная капиталистическая собственность. Следовательно, на их взгляд, этот пережиток феодальной эпохи должен был исчезнуть и уступить место сельскохозяйственной капиталистической эксплуатации, которая в свою очередь создаст сельский пролетариат и так далее, следуя классической механистической марксистской схеме. Некоторые даже рассматривали общину как изобретение царизма из-за существовавшей в ней коллективной административной и налоговой ответственности (круговой поруки)!

Петр Кропоткин легко опроверг эти взгляды в своем фундаментальном исследовании *Взаимная помощь*, в котором он приводит многочисленные факты существования

деревенских и сельских общин в разных странах и цивилизациях на протяжении истории и приходит к следующему выводу: «Одним словом, мы не знаем ни одной человеческой расы, ни одного народа, которые не прошли бы в известном периоде через деревенскую общину. Уже один этот факт опровергает теорию, в силу которой деревенскую общину в Европе старались представить порождением крепостного права. Она сложилась гораздо ранее крепостного права, и даже крепостная зависимость не смогла разбить ее. Она представляет всеобщую ступень развития человеческого рода, естественное перерождение родовой организации, – по крайней мере, у всех тех племен, которые играли, или до настоящего времени играют какую-нибудь роль в истории»⁴³.

Преобладающее большинство русских революционеров были убежденными сторонниками сохранения и усовершенствования общины, доверяя коммунистическому инстинкту мужиков. Достаточно было избавиться от ее патриархальности, предоставить большую свободу ее членам и улучшить методы хозяйствования. Приведем по этому поводу мнение самого известного русского экономиста того времени Максима Ковалевского: «Мы первые заявляем, что считаем ее жизнеспособной, то есть в состоянии приспособиться к требованиям ведения менее экстенсивного сельского хозяйства, способного удовлетворить требования не только местного потребления, но и международного рынка. Но для этого потребуются заменить систему периодических разделов коммунистическим производством. Ее ростки мы видим в этой совместной обработке земли, иначе говоря, в обычае оставлять неразделенными некоторые земли для того, чтобы иметь возможность обрабатывать их усилиями всех сельчан. [...] Владея орудиями труда и осуществляя совместное производство при условии разделения урожая на равные части между всеми ее членами, община в конечном счете стала бы осуществлением, по крайней мере, частичным, мечты об идеальном современном обществе»⁴⁴.

Каковы причины трудностей, с которыми сталкивалась община? В 1905 году французский экономист Жорж Аль-

фасса, поддерживавший идею общины, дает следующий их перечень:

- «1. Маленькие размеры наделов и участков;
2. Отсталый характер сельского хозяйства - кризис того времени в России, – отсутствие сельскохозяйственных кредитов;
3. Слишком высокие налоги и солидарный принцип их оплаты;
4. Неконтролируемая власть мира над всем, что касается раздела земель, и соперничество богатых и бедных семей; вытекающие из этого злоупотребления: захват земли первыми в ущерб вторым;
5. Медленное и постепенное исчезновение мелкого домашнего производства»⁴⁵.

Из этого перечня видно, что две причины предопределяют все остальные: маленькие размеры наделов и слишком высокие налоги. Действительно, рост населения повлиял на сокращение площадей, подлежащих разделу, и в особенности большая часть земель, пригодных для обработки, зачастую наилучших, оставалась во владении прежних собственников, царской семьи и церкви. Кризис того времени был вызван обесцениванием бумажного рубля и падением мировых цен на зерновые. Это вызвало величайшие лишения и голод на протяжении 1890 годов. Приток золота франко-русских займов был использован для промышленности и железных дорог, не считая того, что им набивали карманы люди, близкие к привилегированной прослойке общества. Власть не уделяла должного внимания сельскому хозяйству, но не забывала выжимать последние соки из общин. Приведем по этому поводу мнение Жюль Юрэ, автора увлекательной книги *Исследование социальной проблемы в Европе (Enquête sur la question sociale en Europe)*, вышедшей в 1897 году. Автор с наилучшими намерениями отправился в Россию, чтобы «проводить наблюдения и сравнивать» непосредственно на месте. Его свидетельство настолько красноречиво, что заслуживает более подробного рассмотрения. В Санкт-Петербурге его поразило повсюду «то же ощущение глубокой печали, то же

спокойствие, та же чудовищная тоска в голубых глазах и на бесстрастных лицах». Он попытался прочесть те несколько французских газет, которые пропускали в Россию, и нашел в них целые полосы, закрашенные огромными прямоугольниками черной краски, и узнал, что это здесь называется «замазать черной икрой». Когда он зашел на почту, его попытались заставить снять головной убор перед портретом царя. Во время посещения большой ткацкой фабрики его сопровождал «любезный и умный инженер», который ему объяснил, что «мужик – это большой ребенок, смирившийся ребенок, апатичный и в глубине души безразличный ко всему, неспособный на бунт». Этот инженер разговаривал с рабочими и мастерами таким «слегка ворчливым, слегка покровительственным и слегка отцовским тоном», как все «знаменитые врачи» разговаривают в больницах с выздоравливающими. Он обращался к ним на ты и не гнушался при случае дать им «подзатыльник».

Хозяин и директор предприятия принял Жюля Юрэ очень любезно, но когда узнал о цели визита, то заявил напрямик: «Здесь нет никакого социального вопроса, и быть не может», русский рабочий очень доволен своей судьбой. Впрочем, в России, собственно говоря, нет или почти нет рабочих, поскольку «это крестьянин, которому хозяйствование на земле не дает достаточно средств на жизнь и оплату налогов и которому приходится каждый год с осени до весны бросать свою деревню, свою общину и идти в город работать на заводе, [...] это существо, мозг которого питается только идеей о боге и царе, и у которого нет, как у ваших западных рабочих, потребности в перемене, в движении, в недовольстве... Вы меня понимаете, месье? Это примитивное существо, дикарь, если хотите, но в его инстинктах нет ничего жестокого, его отличает простодушие и открытость ума, но он невежествен и благодарен, кроме всего прочего». Этот милейший человек объяснил ему, что рабочий зарабатывает 4 рубля в неделю, работая при этом по тринадцать-четырнадцать часов в день, и что «никто не жалуется». Забастовки запрещены законом, а нарушители караются тюремным заключением. При этом он все время негромко смеялся и производил впечат-

ление «счастливого директора процветающего пансиона, который как будто развлекался, рассказывая о мелких грешках невинных и хорошо воспитанных учеников». Юрэ, тем не менее, заметил одного рабочего, который ему показался более несчастным, чем остальные, и спросил, чем он так озабочен. Рабочий, теребя в руках картуз, объяснил ему, что он приехал из деревни, что его земля становится все более бесплодной и не приносит ему достаточно средств ни для того, чтобы прокормить семью, ни чтобы уплатить налоги, за их неуплату он был наказан кнутом. «Как! Вы не знали об этом обычае?» – воскликнул гид-переводчик Юрэ, широко раскрыв глаза от удивления⁴⁶. Юрэ продолжил свое исследование и поехал в самую глубинку России, чтобы увидеть деревенскую общину. Староста на его вопрос о том, что следовало бы сделать, чтобы улучшить положение, ответил: «Вокруг нашей общины слишком много хороших земель, у господ их больше, чем у всех крестьян вместе взятых... надо бы расширить общинные земли... И потом... и потом... – он перешел на шепот, как будто устыдился того, что он говорил, – много налогов... много налогов...»⁴⁷.

Как удивляться судьбе этих «милейших» людей, которые не остерегались «тихой воды» и нисколько не заботились о судьбе своих ближних? Нельзя не провести в этом случае параллель с другими временами и политическими режимами.

Как мы видели, противостояние между бедными и богатыми разжигалось царской властью. Что касается кустарного производства, оно, не имея капиталов, всецело зависело от жадных заводчиков.

Недовольство крестьян этой ситуацией стало проявляться в 1901-1902 годах, а затем с еще большей силой вследствие русско-японской войны 1904 года, в нападениях и поджогах («красных петухах») помещичьих усадеб и имущества, которые часто разрушались дотла, чтобы их хозяева и остатки проклятого прошлого исчезли навсегда из деревенской жизни. Обеспокоенная этими бунтами самодержавная власть, считавшая до сих пор мир опорой своей системы, решила исправить положение, попросту устранив

его. Это были известные столыпинские законы 1906 года⁴⁸, которые позволяли каждому члену общины потребовать свой надел в полную личную собственность. До 1914 года около 2 400 000 семей, то есть одна десятая общего числа, вышли, таким образом, из сельской общины. Следует уточнить, что около миллиона из них продали свои наделы, главным образом общине, и ушли в город, уехали в Сибирь или в другие места. Те 1 400 000 семей, которые оставили свои наделы и относительно разбогатели, пополнили ряды «кулаков». Следует отметить тот факт, что значительная часть крестьян впоследствии до 1914 года и, в особенности, во время войны 1914-1916 годов попросилась обратно в общину. Привычка к солидарности оказалась сильнее, чем якобы существующий инстинкт частной собственности и присущая ему страсть к наживе. Для многих крестьян, вышедших из общины, одной из причин, подтолкнувших их к возвращению, была передача земли детям. Действительно, в случае раздела, если детей было много, они рисковали оказаться с наделом, меньшим, чем тот, который они получили бы автоматически, достигнув 20 лет, оставшись в общине. Таким образом, столыпинская реформа не смогла победить общину, которая по-прежнему владела четырьмя пятими крестьянских земель, что составляло около 20 000 000 крестьянских хозяйств при 4 600 000 индивидуальных. По данным международного статистического ежегодника 1913 года, в европейской части России насчитывалось 395 192 443 десятин (десятина = 1,1 гектара) пашни, лугов, лесов и т. д. Из этого общего количества 25,8% составляли земли, находившиеся в частной собственности (больше половины которых принадлежало знати, одна десятая – кулакам), 35,1% составляли земли, находившиеся в общинной и коллективной собственности, и 39,1% принадлежали царской семье, церкви и различным учреждениям. По официальной статистике сельское население составляло 86% из 180 миллионов всего населения страны, из них 100 миллионов крестьян жили в 240 тысячах сельских общин (180 тысяч только в России). Знать в 1914 году насчитывала только 1 200 000, то есть едва 1% населения (из которых 100 000 человек, принадлежавших к выс-

шей знати, были крупными земельными собственниками). Промышленных рабочих насчитывалось около 3 миллионов, менее 2%. Городское население, включая буржуазию, составляло около 10%. Эти цифры говорят сами за себя и позволяют лучше понять положение в стране накануне 1917 года⁴⁹.

Теоретик либертарного коммунизма Петр Кропоткин отмечает, что общинная система находила сторонников даже там, где не было никаких общинных традиций, в частности в менонитских немецких колониях на Волге, и расширяла свою сферу на Украине, где преобладала частная собственность. Забегая несколько вперед, рассмотрим, какая судьба ожидала общину во время русской революции и большевистской диктатуры. Сошлемся на свидетельство Пьера Паскаля: «Пришлось признать, насколько могущественными были учреждения, подобные сельской общине: все мелкие индивидуальные хозяйства, хутора, созданные десяток лет назад в силу столыпинских законов, сразу же исчезли, так же окончательно, как и большие земельные владения, которые были поглощены общинами. Что-то вроде крестьянской демократии распространилось к 1917-1919 годам по всей России. Но это продолжалось недолго. Партия, которая захватила власть, имела совершенно другой идеал: внедрение в России индустриального и механизированного общества. Для нее крестьянская культура была лишь варварством и глупостью: она провозгласила ей войну не на жизнь, а на смерть. Эта война, как нам кажется, сегодня завершилась исчезновением самого крестьянина как независимого элемента»⁵⁰.

Большевистскому режиму удалось то, что не удалось Столыпину и самодержавию!

Бунтовщики и отверженные: беглецы, мятежники и казаки

В противоположность некоторым предрассудкам о якобы существовавшем атавистическом предрасположении русской ментальности к легкому и почти естественному

приятию сильной власти, покорность и послушание достигались там всегда ценой огромных и ужасных жестокостей и истребления. Если присмотреться внимательнее, история страны была только непрерывной цепью войн, бунтов, репрессий и истребления, как, впрочем, и история многих других уголков планеты. Единственная разница состояла в широком масштабе, в котором все это осуществлялось и из-за которого русская судьба оказалась одной из самых тяжелых в истории человечества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что там постоянно существовал дух бунта и мятежа, и что там никогда не привыкли жить на коленях. То, что называли фатализмом крестьянина, не было проявлением покорности, а просто отражало его бессилие перед внешними факторами, которые были вне его власти: набеги татар, отчуждение земель по решению царской власти. Придворный в награду за свою угодливость мог получить 10 000 крепостных, которые до того были свободными крестьянами. Нечестный предприниматель мог легко разорить тысячи мелких ремесленников (кустарей). Барин насиловал жену и дочь мужика. Крестьянин имел репутацию кроткого и миролюбивого, но когда это переходило всякие границы, реакция была буйной: половина помещиков, убитых крепостными крестьянами, – от 60 до 70 в год – становились жертвами собственных сексуальных подвигов. Судовые процессы были редкостью, судьи оставались глухими к жалобам крестьянина, тогда ему оставался топор и «замечательная ловкость, с которой он им пользовался» (Герцен), и он это знал. Он никогда ничего не забывал, его память хранила все, и если представлялся случай, месть соответствовала нанесенному оскорблению. Это был страшный «русский бунт», безжалостный и сметающий все, что могло напомнить о господах. Однако его первая мысль, чтобы избежать своей тяжелой судьбы, была взять жену и детей и бежать подальше в степи, на «дикое поле», на пограничье Кавказа или Урала, иногда дальше, в Сибирь. Так происходило в XIV и XV веках, когда татары и их московские последователи установили невыносимое иго. Жители русских республик Новгорода, Пскова, Вятки и других, которые бежали от губительного разгула уг-

нетателей, присоединялись к воинским общинам казаков Дона и Украины, где продолжали придерживаться своих демократических обычаев. Поменялось только название: вместо веча теперь был круг.

Иностранцы, оставившие свидетельства о русской жизни XVII века, удивляются наличию в то время большого количества людей без профессии и определенного социального статуса, это были беглые крестьяне, отпущенные крепостные, горожане, которых потрепала судьба, профессиональные бродяги и нищие и вообще вольные люди, не принадлежавшие ни к какому социальному сословию и жившие ценой всяческих ухищрений.

Установление в это время крепостничества снова вызвало массовое движение беглых на земли Дона, Днепра и Урала. Бегство достигло такого размаха, что царь Алексей Михайлович в 1658 году завел специальных людей для розыска беглецов, что впоследствии вызвало столкновения и восстания казаков против Москвы, так как многие из них были беглыми, и все казаки из принципа отказывались их выдавать. В период между началом XVII и концом XVIII века насчитывается в целом четыре крестьянские войны большого размаха: восстание Болотникова во времена смуты (1606-1609), бунт Стеньки Разина (1666-1670) и восстание донских казаков; Булавин и новое восстание донских казаков (1707-1708) и, наконец, восстание Емельяна Пугачева (1773-1775), уральского казака, к которому присоединились многочисленные казаки Дона и других мест. Каждый раз в рядах восставших насчитывались десятки тысяч бойцов, они разбивали регулярные части, расправлялись без суда и следствия над тысячами помещиков и московских прислужников, но из-за нехватки оружия и недостаточного владения «военным искусством» в конечном счете терпели поражение. Следует отметить, что каждого из этих предводителей предали и выдали Москве его же боевые товарищи, чаще всего казацкая старшина, которые, почувствовав перемену ветра, хотели купить себе таким путем прощение. Расправы были безжалостными и соответствовали тому испугу, которому подверглось самодержавие: десятки тысяч бунтовщиков подвергали пыт-

кам, пороли кнутом, им рубили головы, вешали, бросали в тюрьмы и отправляли в Сибирь, не говоря уже о страшной захватнической войне против независимой республики украинских запорожских казаков, предпринятой Петром Великим (которого следовало бы называть Петром-Злодеем) под предлогом, среди прочего, того, что они давали убежище русским беглым крестьянам.

Восстания постоянно продолжались на протяжении всего периода крепостничества. За время царствования Николая I, с 1826 по 1854 год, их было 556! Некоторые из них пришлось подавлять военной силой, при помощи пушек и расстрелов, в то время как восставшие почти не имели огнестрельного оружия. С 1855 по 1861 год произошло 474 восстания. При объявлении освобождения крестьян их вспыхнуло 784, 337 из них были подавлены войсками в 2304 селах. В 1867 произошло еще 338 бунтов в 793 деревнях. Затем наступило затишье до 1902 года⁵¹. Сила войск, тюрьма, ссылка в Сибирь, палки и кнут стали единственными аргументами, которыми ответили царские сатрапы на требование восстановить свободы и возвратить конфискованные земли.

Следует подчеркнуть, что все восстания, бунты и мятежи неизменно были направлены против московских властей и помещиков, но редко лично против царя. Действительно, крестьяне, как это ни парадоксально, сделали из него настоящий объект культа. Он не мог нести ответственность за расправы, которые проводились от его имени, он не только, должно быть, ничего не знал, но и был жертвой своего окружения и своих злонамеренных чиновников. В их глазах это был «хозяин земли русской», последняя надежда против их злой судьбы, батюшка народа «матушки России». Надо было дожидаться кровавого воскресенья 1905 года, когда тысяча человек, которые пришли умолять царя Николая II вмешаться и помочь им, были расстреляны императорской гвардией, чтобы эта легенда о «добром» царе развеялась! (Заметим, что то же повторилось с диктаторами Лениным и Сталиным и продолжается, к сожалению, в наши дни: по-прежнему народ ищет «спасителя свыше».)

Другим проявлением бунтарского духа русского крестьянина стали бесчисленные пословицы и поговорки, настоящие жемчужины поэзии и жизненной философии: «Белые руки чужой труд любят», «На чужой спине берем легко», «Крестьянскими мозолями и бары сыты живут», «Богатые раньше нас встали да все и расхватали», «Барская хворь – мужицкое здоровье» – об отношении к барину; «На деле прав, а на бумаге виноват», «Не бойся суда, бойся судьи (*прибавка*: не бойся барина, бойся слуги)», «В суд пойдешь – правды не найдешь», «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет» – о произволе и продажности правосудия; «Без денег в церковь ходить грех», «Молебен пет, а пользы нет», «Душа божья, тело государево, а спина барская», «Поп, то клоп», «У попа руки что грабли: все берут, все гребут», «Ищи храбрых в тюрьме, мудрых – в кабаке, а глупых – в полах» – о религии и церковниках, которые должны «спасти душу» мужика и очистить его кошелек и которые стали любимой мишенью народного юмора, полного шуток и каламбуров. Русский филолог Даль подготовил к изданию в 1861 году 30 000 терпеливо собранных пословиц, поговорок и песен; 8000 из них были признаны подрывными и вычеркнуты цензурой⁵².

Религиозные диссиденты: мистические секты и общинные движения

Несмотря на все превратности судьбы, в мужицком духе сохранялось негибкое стремление к временно утраченной свободе. У мужика отняли землю и волю, но не отняли душу: он жил своей собственной жизнью, относясь с недоверием к миру помещиков, питая к ним глубокое презрение в ответ на их постоянное презрение к нему. Он терпел их как завоевателей, чужестранцев, каковыми они были на самом деле в большинстве случаев, как было отмечено выше. Зато он яростно сохранял свое человеческое достоинство. Он находил убежище в своем собственном мире предрассудков и обычаев, сохранившихся с языческих вре-

мен. Он праздновал свои собственные праздники, пел свои песни, создавал свои собственные легенды, в которых Зло было объектом осуждения и чаще всего оказывалось побежденным чудесными и сверхъестественными силами. Его стремление к Добру было неистребимым, и это его возвышало. Его искания Правды и Справедливости были неустанными и помогали ему преодолеть обыденную жизнь, которая скрашивалась этими поисками и надеждами.

Эта тенденция проявилась в феномене сект. Уже в XIV и XV веках в Новгороде и на севере России появились раскольнические православные секты. Задолго до апостолов реформы стригольники отрицали власть официальных церковников. Под влиянием ученого еврея Схария (Захария) на свет появилась новая религия, так называемых жидовствующих. В ней отрицался догмат Святой Троицы, божественность Иисуса Христа, святые, таинства, религиозные церемонии, а также монашеская жизнь, несовместимая с человеческой природой. У нее появились приверженцы среди официальных священников и части придворных, она также распространилась в народе, которым пришлась по вкусу своей простотой и ясностью.

Впоследствии члены ее преследовались московской властью, руководители были осуждены на смерть, а последователи сосланы в дальние края, где иногда они вновь собирались вместе и способствовали созданию новых ересей.

Сектантские движения, известные под именем Раскола, особенно распространились после введения крепостного права и его законодательного закрепления Алексеем Романовым и после реформ Петра Первого. Последователей этих движений объединяли под общим именем старообрядцев. Они выступили против изменений, внесенных патриархом Никоном в святые книги, против нового крестного знамения тремя пальцами вместо двух, против запрета носить бороду, против введения обязательного паспорта для крестьян, означавшего фактически запрет на любое передвижение, против указа царя, освобождавшего священника от неразглашения тайны исповеди по требованию гражданских властей, против введения подушной подати, про-

тив изменения календаря (с началом года 1 января вместо сентября) и против римского титула императора, принятого Петром Великим. Самого Петра считали Антихристом и изображали как Сатану, сына Вельзевула (его отца Алексея), в сопровождении развратной женщины, олицетворявшей официальную церковь, а судьи, законы и власти представлялись как его сатанинские сообщники.

По утверждению Леруа-Болье⁵³, посвятившего целый том своего исследования религиозному вопросу, Раскол был «требованием свободы души, человеческого достоинства, направленным против помещика, против государства, против церкви». Следует отметить, что он определяет сектантов как инакомыслящих и подразделяет их на мистиков и рационалистов, размещавшихся соответственно на севере России, на территории бывшей Новгородской республики, а также на юге в степях среди свободных казаков, по его мнению, самых непокорных в стране. Эти старообрядцы, число которых в 1860 году оценивалось в 10 миллионов, подразделялись почти поровну на «поповцев» и «беспоповцев», то есть имевших или нет своих священнослужителей.

Следует также отметить, что это явление не было единственным в то время в Европе, можно найти ему соответствие в английских пуританах, катарах, гуситах, анабаптистах, моравских братьях и других схизматиках официальных церквей. Это вполне естественно при такой церкви, которая проповедовала подчинение установленному порядку и примирение с несчастьями народа, благословляя при этом царя, вводя молитвы за него и его ближних - и помещиков. Это была церковь господ, постоянно обогащавшаяся их подаяниями для «искупления» их же преступлений и грехов, для того, чтобы она молилась «за спасение их душ»! А мужики, пребывавшие в материальной и моральной нищете, отвечали тем, что искали правду, истинную веру, настоящего Бога.

Не желая уступать ничего из своей власти и своих привилегий, гражданские и церковные власти яростно преследовали инакомыслящих, отлучая их от церкви, бросая в тюрьмы, подвергая наказаниям кнутом (автор лучшего ис-

следования на эту тему Цакни приводит пример, когда человек, получивший триста ударов палками, после такого наказания, считавшегося смертельным, выжил только благодаря своим убеждениям⁵⁴!) и ссылая их в отдаленные и суровые края. Многие схизматики сжигали себя, чтобы избавиться от этих преследований. В конце XVII века имела место целая эпидемия самоубийств: 20 000 человек покончили собой с 1672 по 1691 год⁵⁵. Леруа-Болье рассказывает также о тысячах несчастных, которые совершили «настоящие подвиги веры» в Сибири и в предгорьях Урала, подвергнув себя самосожжению (красная смерть).

Рассмотрим основные характерные черты этих движений, как тех, которые относятся к разряду мистических сект, так и тех, которые можно бы скорее определить как общинные. Наиболее значительной была секта бегунов, которые уходили в леса или степи, чтобы избавиться от обязательств, навязываемых им правительством, обществом или семьей. Они образовывали настоящие подпольные организации по всей стране, с прибежищами и общинами, спрятанными в глубине лесов. Их дома тогда строились особому, с множеством дверей, с комнатами, соединенными подземным ходом с другими домами или выходящими в поле или в лес. Эти лабиринты служили для того, чтобы убежать в случае обысков полиции. Секта бегунов принимала всех без разбору: крестьян, дезертиров, беглых каторжников, разбойников и т. д. Ее члены должны были обязательно уничтожить свой паспорт и бумаги, удостоверявшие их социальное положение, как сатанинское исчадие. Любые религиозные церемонии были исключены, каждый должен был молиться тайно.

Секта божьих людей, которых называли иначе кресты или хлысты, считала каждого из своих членов божественным и исповедовала, таким образом, внутренний культ. Чтобы на них снизошел святой дух, члены секты, среди которых было много женщин, предавали себя долгим истязаниям и самобичеванию, которые заканчивались иногда сексуальными оргиями. Некоторые авантюристы пользовались подобной ситуацией, самым известным среди них стал впоследствии Распутин. Представители секты, проти-

вопоставлявшей себя хлыстам, скопцы, доходили в своем аскетизме до сексуального уродования, чтобы избавиться от телесных соблазнов. Эти две секты были самыми малочисленными в раскольническом движении. Большинство старообрядцев буквально следовали евангелию и отрицали церковь и государство. Их можно бы сравнить с протестантами на западе, с которыми у них много общего. В целом они проповедовали аскетизм, умеренность в еде, запрещали алкоголь, табак (дьявольскую траву), ругательства и сексуальные отношения вне брака.

Самыми интересными, с рассматриваемой здесь точки зрения, были так называемые рационалистские секты, являвшиеся, по сути, общинными движениями и возникшие в конце XVIII века, такие как духоборы (180 000 членов по официальной переписи 1888 года), которых можно бы сблизить с американскими квакерами. У них существовала коммунистическая собственность на имущество, слова «мое» и «твое» считались изобретением дьявола. Продукты производства и потребления распределялись по потребностям всех членов. Упомянутый выше Гакстгаузен, обнаруживший в 1843 году общину духоборов, утверждает, что «нашим сен-симонистам и их последователям социалистам, коммунистам и т. д. полезно было бы на некоторое время пойти поучиться на практике у этих простых крестьян»⁵⁶.

Женщина у них считалась свободной и равной мужчине, супружеский союз основывался на абсолютной свободе и исходил из «взаимной симпатии и гармонии». У донских казаков до 1850 года бракосочетание состояло в том, что мужчина и женщина сообщали всей собравшейся общине, кланяясь на все четыре стороны, что они избрали друг друга, они обнимались, принимали поздравления присутствующих, и свадьба скрепляла всеобщую радость. Этого было достаточно для придания законности браку. Подобным же образом сообщали о разводе. Религия, таким образом, отступала перед миром.

Радикальное движение, получившее название «нетовцев», проводило в жизнь полный уравнительный коммунизм. Равенство у них существовало не только между по-

лами, но и между поколениями, Цакни приводит в своей книге содержание допроса следователем супружеской пары отрицателей и их дочери:

«Это твоя жена? – спросил следователь. – Нет, это не моя жена. – Но ты с ней живешь? – Да, но она мне не принадлежит, она принадлежит себе самой. – Это твой муж? – спросили у жены. – Нет, это не мой муж, – ответила жена. – Ну, тогда, кто же он? – удивленно спросил следователь. – Он мне нужен, и я ему нужна, вот и все. Но каждый из нас принадлежит самому себе, – ответила женщина. – А эта девочка, она ваша? – продолжил следователь. – Нет, она нашей крови, но она нам не принадлежит, она принадлежит самой себе. – Вы что, с ума сошли? – воскликнул судья, потерявший терпение. – Тулуп, который ты носишь твой? – Нет, он не мой, – ответил сектант⁵⁷. – Тогда почему ты его носишь? – Я его ношу, потому что ты его у меня не отнял. Этот тулуп был на спине у барана, теперь он на моей, завтра, возможно, он будет на твоей. Откуда мне знать, кому он принадлежит? Ничто мне не принадлежит, только мои мысли и мой ум, и т. д.»

Цакни добавляет от себя, что слова «закон, власть, собственность» внушали им глубокое отвращение. Если повинуешься закону, «убиваешь свою индивидуальность, которая должна опираться только на свое собственное сознание и свои личные убеждения»⁵⁸. Само собой разумеется, они были за упразднение денег и обобществление всего имущества.

Существовало еще одно общинное объединение под названием «Общие», где, напротив, действовал патриархальный и авторитарный коммунизм, родственный Икарии французского коммуниста Кабэ. Другие общины создавались по примеру колоний немецких меннонитов на Украине, применявших также экономический коммунизм: штундисты. Шалопуты в Екатеринославле также отказывались от священных книг и заменяли их морализаторскими книгами, которые читались и обсуждались сообща. Молокане, получившие это прозвище за то, что они пили молоко во время официального поста, пошли дальше духоборов, из которых они вышли, запрещая всякую иерархию, призна-

вая только власть своего сознания и свободного рассмотрения (200 000 зарегистрированных членов в 1900 году). У них также главной инстанцией была община. Молоканские женщины отличались кротостью, простотой и красотой благодаря хорошему питанию и общинной жизни. Все эти движения были, естественно, противниками насилия и отказывались от военной службы, что неминуемо влекло за собой неприятности со стороны государственных властей. Зато их простота, скромность и моральная твердость способствовали процветанию их предприятий, что играло немалую роль в привлечении новых сторонников. Наконец, все сектанты и члены общин называли друг друга «братьями» и «сестрами». Знаменитый писатель граф Лев Толстой испытал на себе влияние сектанта-коммуниста Сутаева, открывшего ему новое понимание жизни, которое он не только принял, но и развил и систематизировал в учение, получившее название толстовства. Леруа-Болье пишет, что Толстой стал в некотором роде «Платоном деревенского Сократа Сутаева».

Относительно причин развития сект в то время в России мы разделяем вывод Ж.-Б.Северака, автора монографии о секте «Божьих людей»: «Подводя итог, отметим, что обильное образование религиозных сект в современной России может, по-видимому, быть объяснено социальными и психологическими соображениями. Мы видим в этом результат недовольства самого обездоленного класса, и до самых последних лет почти единственное сколько-нибудь широкое проявление протеста русского крестьянина против условий своей жизни»⁵⁹.

Чтобы охарактеризовать общую направленность этих сект и движений, укажем, что их цель была построить счастливую и гармоничную жизнь, которую религии описывали как рай, с той только разницей, чтобы это было на земле и уже сейчас. Они хотели только посвятить себя собственному моральному совершенствованию. Леруа-Болье считал, что эти коммунистические наклонности существовали «в народе и, так сказать, в глубине». Составляя меньшинство по отношению ко всему населению русской империи, эти инакомыслящие насчитывали примерно 12-15

миллионов в 1888 году и до 35 миллионов (из которых 25 миллионов староверов) в 1926 году, то есть после захвата власти большевиками⁶⁰. Насильственная коллективизация 1929-1934 годов, проведенная Сталиным, уничтожила их общины и подвергла репрессиям их членов.

От мира к совету

Прежде всего, следует высказать определенные предостережения по поводу употребления термина «утописты», часто используемого по отношению ко всем диссидентам, выдвигающим идею альтернативных обществ. Мы считаем, что в таком употреблении имеет место фальсификация: эти люди жили в непосредственной действительности, а не в каком-то химерическом будущем, их начинания были вполне реалистичны, и называть их таким образом равносильно преуменьшению их значения. Это достаточно классический прием историков «реальной политики», убежденных в обоснованности преобладающих систем, раболепными писателями которых они являются. Утопия состоит как раз в том, чтобы верить, что все это может продолжаться, как оно есть, тогда как все нам доказывает обратное. Эти люди привыкли смотреть на крестьян глазами помещиков, для которых они были только темными невежами, которые годились только на то, чтобы на них работать. Ж.-Б.Северак отмечает эту разницу в отношении, «которая бросается в глаза человеку с запада, путешествующему по России. Мы считаем, что нет никакого преувеличения, когда говорим, что ему часто кажется, что мужик для значительного числа представителей высших сословий принадлежит к более низкой расе, чем их собственная»⁶¹. Добавим к этому, что слово *мужик* всегда воспринималось в русском языке как оскорбление, с тем же значением, что «дурак», «кретин», или, в лучшем случае, как обозначающее человека невоспитанного или неграмотного, лишенного всяких положительных качеств, в некотором смысле неличность. Этот предрассудок, свойственный городской буржуазии и интеллигенции (мы уже ознакомились выше с

мнением дворян по этому поводу), свидетельствует не только об их полном незнании крестьянского мира, но и, в особенности, об их недоверии, если не о презрительной враждебности. Эта предвзятость выродилась затем в патологическую ненависть у Ленина и его приближенных, которые видели в крестьянине только потенциального кулака, маленького земельного собственника, их злейшего врага. Ленин не мог отступить от суждения Маркса о сельской Франции, которая привела к власти Наполеона III и раздала впоследствии парижских коммунаров. По этому поводу можно бы заметить, что сравнение еще не доказательство, а русские крестьяне отличались от французских мелких земельных собственников конца XIX века, как это признавал сам Маркс. Такое отношение легло, к сожалению, в основу самой большой трагедии XX века: «окончательного решения» вопроса крестьянства путем истребления миллионов его представителей при помощи оружия, депортации или организованного голода на протяжении гражданской войны и принудительной коллективизации 1929-1934 годов.

Подводя итог этому рассмотрению традиций демократии и равенства в истории России, нельзя не отметить прямую наследственную линию веча, мира и артели с созданием советов во время первой русской революции 1905 года и затем взрывом 1917-го. Это соответствует значению слов, так как в древнерусском языке *совет* и *вече* были синонимами, и, тем не менее, насколько мы знаем, такая связь устанавливается здесь впервые. Она была полностью затемнена всеми историками как бывшего СССР и теперешней России, так и западными, которые являются авторитетами в этом вопросе. Возьмем в качестве примера отличное в остальных отношениях исследование Оскара Анвейлера *Советы в России, 1905-1921*⁶², опубликованное в 1958 году: в нем нет ни слова о вече, ни о мире, ни об артели. Удивительно, что эти понятия отсутствуют и у анархиста Волина, автора книги *Неизвестная революция*⁶³, который был одним из создателей первого совета в 1905 году в Санкт-Петербурге. Можно, конечно, возразить, что первые советы были городскими и состояли из рабочих, но это

означало бы забыть, что рабочими они стали недавно и сохраняли почти всегда связь с общиной, из которой они вышли, нравы и обычаи которой они хорошо знали. Черты сходства в их функционировании были значительными: постоянные, чтобы не сказать регулярные общие собрания, избрание делегатов, которых вначале называли «старостами», затем «депутатами», и которые находились под прямым контролем и отзывались в случае неудовлетворительной работы.

Так было в 1905 году в случае первых русских советов рабочих, солдат и крестьян, и затем в 1917. Советы не были детищем какого то неожиданного поколения, они не появились из небытия, они представляли собой городскую форму мира, наилучшим образом приспособленную к новой ситуации. Впрочем, в дальнейшем мы рассмотрим судьбу общины после захвата власти большевиками и до ее уничтожения Сталиным. Как это не удивительно для многих, она выжила в гражданскую войну и продолжала функционировать как прежде. Действительно, если крестьянство было устранено из русской революции, это случилось, на наш взгляд, потому, что его отождествляли с царским самодержавием, которое определялось как феодальный режим, и вследствие этого рассматривалось как «отсталое» и исключалось из «прогрессивной» истории, захваченной государственной властью, городской по определению. Как объяснить претензии написать историю страны, принимая во внимание только руководящую касту и исключая из нее народ? Пусть читатель сам судит об этом.

Как бы там ни было, нет сомнений в том, что общинные привычки и вековые чаяния сыграли главную роль в рождении революции 1917 года, как это смог предвидеть Сергей Степняк, которому мы предоставим заключительное слово по этому вопросу:

«Для русского крестьянина, который имеет свою сельскую общину с коллективной собственностью на землю, свой мир или свою громаду, общинное собрание, которое безраздельно управляет всеми делами коммуны, идеи научного коллективизма и федерализма являются лишь вполне естественным логическим выводом из интуитивных

представлений, к которым он привык за столько столетий.

Это факт, что ни в какой стране мира у крестьян нет такого благоприятного предрасположения к тому, чтобы принять федеральный социализм, как в России»⁶⁴.

ССЫЛКИ

1. Pierre Pascal, *Civilisation paysanne en Russie*, Lausanne, L'âge d'homme, 1969, ? 131 (книга написана в 1946 году).

2. L. Trotsky, *Histoire de la révolution russe*, Paris, 1934, T. IV, с. 7.

3. Название *славянин* происходит, в понимании славян, несомненно, от слова: «тот, который говорит», тогда как *немец*, «немой», то есть не говорящий по-славянски, значит «чужой» и, в особенности, «германец».

4. Во времена царизма некоторые аристократические семьи, напротив, гордились своим «варяжским» происхождением, хотя слово «варяг» имело первоначальное значение «купец», что выглядит значительно менее «благородно».

5. G.R. Loukouski, *Les Russes*, Rieder, Paris, 1929, с. 10.

6. Приводится Максимом Ковалевским: M.Kovalewsky, *Institutions politiques de la Russie*, Paris, 1903, с. 11.

7. Ср. Francis Conte, *L'Héritage païen de la Russie. Le paysan russe et son univers symbolique*, Paris, Albin Michel, 1997. Автор подробно описывает указанные выше верования.

8. В.С. Сергеевич, *Вече и князь. Организация и управление государством на Руси в эпоху Рюриковичей*, Москва, 1867, 414 с. Сокращенный и более ясный вариант текста опубликован в кн. *Юридические древности России*, Санкт-Петербург, 1893, том 2. Мы использовали также работы М.Дьяконова, *Очерк социального и государственного порядка древней Руси*, Санкт-Петербург, 1912, сс. 123-125, А.Карелина, *Исследование древней свободной Руси*, в ежедневной газете *Рассвет*, выходившей на русском языке в Нью-Йорке, № 188, 14 января 1925 года и В.Ключевского, *Курс русской истории*, Москва, 1906, т. II, сс. 64-128. На французском языке можно обратиться к следующим источникам: Alexandre Eck, *Le Moyen Âge russe*, Paris, 1933, 574p; Karel Kadlec, *Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves*, Paris, 1933, 328 с.; Marc Szeftel, «La participation des assemblées populaires dans le gouvernement central de Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIIIe siècle», in *Gouvernés et gouvernants. Bas Moyen Âge et temps modernes (II)*, Bruxelles, 1965, с. 339-345. Что касается современных французских и «советских» историков, ради приличия лучше их не упоминать: они автоматически заводят эту тему в тупик.

9. Слово болгарского происхождения, от единственного числа которого *боярин* позже образовалось слово «барин».

10. S.Stépniak, *La Russie sous les tsars*, Paris, 1887, с. 3-32.

11. Louis Skarzynski, *L'Alcool et son histoire en Russie*, Paris, 1902, с. 19.

12. Milioukov, Seignebos et Eisenmann, «Les pays russes, des origines à la fin des invasions tatars» in *Histoire de Russie*, Paris, T. 1, с. 104-105.

13. Точно так же, как и во Франции при Гуго Капетинге, избранном при поддержке Римской церкви королем Франции. Затем короли из династии Капетингов добивались избрания сына еще при своей жизни. Так продолжалось до тех пор, пока не был признан принцип монархии с наследованием по первородству, которая стала монархией «по праву божьему».

14. Среди других: *деньги, таможня, казна, и чай* (единственный приятный термин). Приводится по Louis Leger, «Les origines de la Russie», *Le Monde slave*, 2e série, 1902, с. 196-197.

15. Именно к этому времени относится ослабление социальной роли женщины у русских, так как ее закрывают, прячут от татарских похитителей, вследствие этого она все реже присутствует на общественных собраниях.

16. Символизировавшие пресловутую «голубую кровь», на самом деле германскую.

17. Kadlec, *цит. соч.*, с. 168.

18. Grégoire Alexinsky, *La Russie et l'Europe*, Paris, Flammarion, 1917, с. 60.

19. Eugène Schkaff, *La question agraire en Russie* (contribution à l'histoire de la propriété foncière, Paris, Rousseau et Cie, 1922, с. 29.

20. Там же, с. 58, и K.Waliszewski, *Le fils de la Grande Catherine, Paul Ier*, Paris. 1912, с. 238, приводит цифру 550 000. Относительно подарков Екатерины II см. Milioukov, Seignobos, Eisenmann, *Histoire de Russie*, Paris, 1932, T. II, с. 631-633. Эти подарки лежат в основе большинства больших земельных владений в России в XIX веке.

21. *Цит. соч.*, с. 60.

22. Georges Alfassa, *La crise agraire en Russie*, Paris, Giard, 1905, с. 13. В это число входили 24 миллиона крепостных, принадлежавших помещикам и 22 миллиона – короне (т. е. были личной собственностью царя) и уделам (собственность членов царской семьи). Эти цифры систематически скрывались русскими историками или же они приводили число «душ», то есть крепостных мужчин, опуская женщин и детей! Что это, стыд за прошлое или неуместная скромность, чтобы не дискредитировать еще больше русское самодержавие? Это просматривается даже у советских историков, которые, конечно, предпочитали не настаивать, чтобы не вызвать досадные

сравнения со своим собственным режимом. Любопытно заметить, что до 1861 года цензура запрещала говорить и писать об «освобождении крестьян», следовало употреблять выражение: «улучшение состояния крестьян»! Отсюда видно, что деревянный язык пропаганды не сегодняшнее изобретение в России.

23. Цит. по Louis Madelin, *Histoire du consulat et de l'empire. Catastrophe de Russie*. Paris, Hachette, 1949, с. 133.

24. Приводится Кадлеком, *цит. соч.*, с. 177.

25. Сравним: последний французский король Людовик XVI имел только одну шестьдесят четвертую французской крови от своего берарнского предка Генриха IV! В противном случае он мог бы претендовать на престол короля Европы (Италии, Испании, Австрии и немного Польши)!

26. Романовы происходили из немецкого рода, обосновавшегося в Москве в XIV веке. Друзья Кропоткина подшучивали над ним, говоря, что он имеет больше прав на трон, чем Романовы, поскольку он был князем и прямым потомком Рюрика. Мать Александра Герцена была немкой. Бакунин имел отдаленное венгерское происхождение. Зато Ленин не имел почти ни капли русской крови: его предки были немцами, калмыками, евреями и шведами. Ср. Дмитрий Волкогонов. *Ленин*, Москва, 1994, Т. 1.

27. Приведено в Brian Chaninov, «L'Eternelle Russie», *la Revue Universelle*, 1.05.1926, с. 303.

28. Kadlec, *цит. соч.*, с. 171.

29. Мир является органом управления общиной.

30. *Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie*, par le Baron August de Haxtausen, Hanovre, 1847, для двух первых томов и Berlin, Paris, 1852, для третьего.

31. *Там же*, Т. I, с. 112-1.

32. Michel Cadot, *La Russie dans la vie intellectuelle française 1839-1856*, Paris, Fayard, 1967, с. 103.

33. Charles Corbet, *L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894)*, Paris, Didier, 1967, с. 255.

34. Опубликовано на французском языке, которым автор прекрасно владел, в Лондоне, 1853, с. 140 (в приложении о сельской общине в России). По-русски: А.И. Герцен. Москва, 1956. *Сочинения*. Т. 3, с. 510.

35. Русский текст в: А.И. Герцен. *Избранные философские произведения*, Москва, 1946, Т. II, с. 143.

36. К.Маркс и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Москва, 1961, Т. 19, с. 305 и там же, с. 251.

37. Он умер, оставив после себя две тонны документов и статистических данных о России, что подтолкнуло Энгельса к обвинению России в причастности к преждевременной кончине его друга.

38. A.Leroy-Beaulieu, *L'Empire des tsars et les Russes, 1883-1886*, в 3 томах, Т. 2, с. 9-10.

39. *Цит. соч.*, с. 5-7.

40. Русское слово *душа* в то время употреблялось как официальный термин только для обозначения крестьянина мужского пола, женщины и дети в счет не принимались.

41. D.Mackensie Wallace, *La Russie, le pays – les institutions – les mœurs*, Paris, 1877, Т. I, с. 176-177.

42. *Цит. соч.*, с. 1.

43. П.Кропоткин, *Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса*, Петербург-Москва, 1922, с. 126.

44. Maxime Kovalevsky, *Le régime économique de la Russie*, Paris, 1898, с. 156-157.

45. G.Alfassa, *La Crise agraire en Russie*, Paris, 1905, с. 109

46. Начиная с монгольского завоевания, были введены телесные наказания для всех подчиненных, вначале с князьями включительно, они были упразднены только после 1905 года. Ср. Жбанков, *Когда же наконец прекратятся телесные наказания в России*, Ростов-на-Дону, 1906.

47. Jules Huret, *Enquête sur la question sociale*, Paris, 1897, с.185-205.

48. Принятые думой, в которой господствовали дворяне и помещики, избранные 30 тысячами основных выборщиков при населении 150 миллионов!

49. Н.Рémézov, *La question agraire en Russie*, Lausanne, 1917-1918, с. 14-15 и N.A. Roubakine, *Qu'est-ce que la révolution russe? Faits, statistiques*, Genève-Paris, без даты (1917?).

50. *Цит. соч.*, с. 25 (написано в 1936 году).

51. Н.Рémézov, *цит. соч.*, с. 6. Pierre Pechoux, в *Le Statut des paysans libérés du servage 1861-1961*, recueil d'articles, Paris, La Haye, Mouton, 1963, с. 128-166, приводит цифры из архивов СССР: 1826-1834: 148; 1835-1844: 216; 1845-1854: 348 отмеченных сельских волнений.

52. Пословицы русского народа. Сборник В.Даля, Москва, 1957, и P.Pascal, *цит. соч.*, с. 18.

53. *Цит. раб.*, Т. III, с. 357.

54. N.Tsakni, *La Russie sectaire (sectes religieuses)*, Paris, Plon, 1888, с.180. Автор книги – русский, был членом кружка Чайковского вместе с Кропоткиным в 1873 году.

55. L.Heller et M.Niqueux, *Histoire de l'utopie en Russie*, Paris, 1995, с. 34.

56. *Цит. раб.*, том 1, с.332.

57. Как диалектик. *Примеч. автора.*

58. *Цит. раб.*, с.175-176.

59. J.-B.Séverac, *La secte russe des Hommes-de-Dieu*, Paris, 1906, c. 144.
60. M.Niqueux, *Histoire de l'utopie*, *Цит. соч.*, с. 51.
61. *Цит. раб.*, с. 153.
62. Paris, Gallimard, 1972.
63. Paris, 1947.
64. Stépniak, *La Russie souterraine* (Подпольная Россия), Paris, 1885, с. 455.

II

Русские анархисты: от Бакунина до 1917 г.

Но наш коммунизм не есть коммунизм фаланстера или коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это – коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это – синтез, т. е. соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической.

Петр Кропоткин,
Хлеб и Воля (написано в 1892 г.),
2-е издание Петербург-Москва 1922, с. 43

Либертарный потенциал русского крестьянства не остался незамеченным основателем революционного анархизма Михаилом Бакуниным. Он видел в крестьянстве движущую силу социальной революции, призванную разрушить все бюрократическое здание царизма. Он делал ставку, прежде всего, на все непокорные системе элементы: людей вне закона, разбойников или, по крайней мере, рассматривавшихся властью как таковые, свободных казаков, подобных их предшественнику Стеньке Разину, разного рода религиозных инакомыслящих – странников и бегунов. Все они должны были стать участниками всеобщего огромного бунта мужиков. Целью молодых горожан, членов привилегированных или других классов, стремившихся

искупить вину своих родителей, должно было стать желание служить своему народу. Для этого им следовало приблизиться к нему. Именно Бакунин положил начало движению, названному народническим: «идти в народ». Тысячи молодых людей, юношей и девушек, оставят все и пойдут работать среди крестьянства. Таким образом, будет построен мост между закрытым миром крестьян и внешним миром. В условиях отсутствия немедленного бунта распространение образования и социальная и экономическая поддержка будут способствовать освобождению мужиков от опеки со стороны чиновников и помещиков. Их инстинктивный равноправный коммунизм найдет впоследствии свое выражение во время революционных событий 1905 и 1917 годов. Но Бакунин был интернационалистом, и когда в сентябре 1873 он обратился к русским революционерам, напомнил о программе революции, предупреждая уже тогда об опасности «революционной диктатуры»:

«У нас нет родины. Наша родина – это мировая Революция. У нас нет другого врага, кроме господства во всех его формах: религиозной, доктринерской, политической, экономической, социальной.

Мы хотим создать человеческий и свободный мир, основанный на труде, равенстве, солидарности всех людей. Мы считаем необходимым:

1. упразднить все религиозные, политические, юридические, экономические и социальные учреждения, составляющие существующий буржуазный строй;

2. на руинах государственной системы, соблюдая полную независимость и свободу, организовать раскрепощенные массы.

Что касается революции, мы враги всего, что так или иначе связано с самодержавным строем, всего, что стремится править народом. Следовательно, мы, прежде всего, враги так называемой революционной диктатуры временного правительства. Мы убеждены, что любая власть такого рода, какой бы революционной она не была, непременно закончит предательством народа и будет стремиться продлить свое существование на неопределенное время. Революции осуществляются народом. Революция яв-

ляется настоящей только в среде народа. Любая власть, довлеющая над народом, неминуемо враждебна ему.

Мы питаем абсолютное доверие к инстинктам народных масс, и под *революцией* мы понимаем организованное неистовство того, что называется революционными страстями, и упразднение того, что на буржуазном языке обозначается словами *социальный порядок*.

Мы за анархию, выражение жизни и чаяний народа. Из анархии должно родиться, посредством свободы, настоящее равенство всех человеческих существ, новый порядок вещей, основанный на всестороннем развитии всех людей и на свободно организованном труде»¹.

Относительно действия, оно должно быть двойным – повстанческим и подготовительным, – осуществляемым «самостоятельной организацией революционных групп», состоящих в международном масштабе и объединяющихся между собой в «революционных коммунах». В революционной организации, действительно вышедшей из народа, являющейся защитницей свободы и прав, должно иметь место только коллективная мысль, воля и действие. Крестьяне не должны оставаться в стороне, а соединить свои усилия с усилиями фабричных рабочих и трудовой интеллигенции, чтобы вместе бороться против собственников и самодержавного государства.

Так, незадолго до своей кончины, выдающийся революционер теоретически обобщил, предвосхищая будущее, все свои раздумья и личный опыт в международном революционном движении². Это было его завещание, адресованное русским товарищам по ссылке, находившимся за рубежом, в особенности в Швейцарии, единственной стране, принимавшей изгнанников, въезд которым был запрещен во все другие страны Европы. Оно дошло до русской молодежи. Их движение в деревне привело многих народников к судебным процессам, на одном из которых, процессе «пятидесяти», 9 марта 1877 года обвиняемая Софья Бардина заявила: «Слово *анархия* вовсе не означает беспорядок и произвол. Как раз наоборот, анархизм стремится установить гармонию и порядок во всех социальных отношениях. Он отрицает только власть, которая угнетает и подавляет любое свободное развитие общества»³.

В 1878 году, на другом чудовищном по своему размаху суде, получившем название «процесса ста девяноста трех», Мышкин, обвиненный в издании подрывных текстов, воспользовался трибуной, чтобы подробно изложить свои убеждения:

«Мы хотим придти к новому социальному порядку, к федерации автономных экономических коммун. Основой этой социальной революции является земля, которая должна обрабатываться совместно. Этот социальный порядок может быть установлен только путем революции, поскольку государство никогда не хотело и не захочет лишиться своих прав и прерогатив. [...] В особенности следует попытаться предостеречь народ против попыток более или менее ловкого увливания, в которых европейская буржуазия достигла такой высокой степени совершенства, воспользовавшись кровью, пролитой на баррикадах. [...] Крестьяне очень хорошо поняли, что, если они перестали быть крепостными помещиков, они стали рабами чиновников»⁴.

Эти слова являются доказательством того, что послание Бакунина было услышано и понято. В особенности молодым Петром Кропоткиным, членом кружка Чайковского, который написал в 1873 году небольшой доклад, основанный на принципах, выдвинутых Бакуниным.

Пропагандистская кампания народников в деревне вскоре показала свои пределы, и некоторые из них стали использовать более прямые средства борьбы, организовав несколько громких покушений на царских сановников, венцом которых стало убийство царя Александра II в 1881 году. Это была тактика отчаяния, вызванная нежеланием режима уступить что-либо из своих привилегий, как это показывают требования организации Народная Воля, вдохновительницы покушения. В своем письме от 12 марта 1881 года исполнительный комитет этой группы требовал:

«1. Амнистия всем политическим заключенным.

2. Созыв представителей всего народа для рассмотрения наилучших форм социальной и политической жизни, в соответствии с потребностями и желаниями народа. Свободные выборы и предвыборная пропаганда; полная свобода печати, слова, собраний»⁵.

Это было равносильно требованию гражданских свобод и минимальных политических прав, которыми пользовались большинство развитых стран в Европе и во всем мире, но те, кто всегда говорил от имени России, всегда утверждали, что это особая страна и что ей нужна «сильная» власть, в противном случае наступит анархия (и, разумеется, конец их привилегий!). Как бы там ни было, существовал разрыв между этими чаяниями и бакунинскими тезисами. Общий ствол движения 1870 годов, таким образом, был расколот на заговорщиков и террористов якобинского толка, течение, находившееся под влиянием марксизма, и либертарное движение. Это три главных течения русского революционного движения, из которых в начале XX века образуются соответственно социалистическая революционная партия, рабочая социал-демократическая партия, выступавшие за превращение царского самодержавного государства в парламентскую республику, воплощением которой было создание Учредительного собрания, и анархистское повстанческое движение, заинтересованное в немедленной социальной революции. Эта ситуация может быть объяснена, если принять во внимание две априорно взаимодополняющие друг друга, а, в действительности, антагонистические концепции: представительскую демократию и прямую демократию. Это приведет к конфликту 1917 года между советами фабрично-заводских комитетов и сторонниками Учредительного собрания, который будет разрешен неожиданным третьим гостем-разбойником: партией-государством.

Единственным ответом власти стало усиление репрессий – тюремные заключения, ссылка, казни через повешенье (в 1886 году старший брат Ленина), – благодаря чему удалось обуздать почти на два десятилетия революционные порывы внутри страны. Революционеры могли высказываться и действовать только из-за границы. Так, после сенсационного бегства в 1876 году, Кропоткин прожил около сорока лет за пределами своей страны. Это не помешало ему принимать активное участие в международном либертарном движении и, в особенности, будучи ученым, разработать теорию либертарного коммунизма,

или коммунистического анархизма (оба названия сосуществуют с 1881 года), основанную, в отличие от марксистской, на индуктивном, а не на дедуктивном методе. В ней он развил и систематизировал идеи Фурье, Прудона и Бакунина. Экономика должна опираться на небольшие производственные объединения (он избрал в качестве образца мир и артель). Промышленность должна гармонически сочетаться с сельским хозяйством, производство – с потреблением, следуя потребностям и способностям каждого, а умственный труд -- с физическим. Не последней его заслугой был отказ от Дарвинской пресловутой теории «естественного отбора» путем безжалостной борьбы, в которой выживают самые сильные. В своей книге Взаимная помощь он показал, наоборот, что никакое общество не способно выжить без взаимной поддержки и солидарности своих членов. Его труд, как основательный и авторитетный, стал обязательной ссылкой для анархистов всего мира (вплоть до наших дней).

Первые анархистские публикации на русском языке появились только в 1890-1900 годах. Они были изданы в Женеве, попали подпольно в Россию, где под их влиянием в 1903 году были основаны первые анархистские группы. В противоположность ожиданиям, они возникали главным образом не в европейской части России, а на окраинах империи: в Польше, Литве, Белоруссии, Украине, на Кавказе и, конечно же, в эмиграции, которая впоследствии служила им в некотором роде тыловой базой для фронта борьбы – в Женеве и Лондоне, где обосновался Кропоткин. Он развернул там активную пропагандистскую деятельность, организовывал конференции и съезды. В 1904 году он предложил даже создать анархистскую партию, не в политическом и избирательном смысле, а для большего сплочения разрозненных групп. Короче говоря, Кропоткин был не только всемирно признанным кабинетным ученым, но и замечательным пропагандистом.

Парадокс состоял в том, что среди анархистов русской империи, число которых быстро росло вследствие русско-японской войны 1904-1905 гг. и последовавшей за ней первой революции, самыми многочисленными оказались не

крестьяне, хотя они были хорошо представлены, а ремесленники, студенческая молодежь, интеллигенция и рабочее. Средний возраст мужчин и женщин, достаточно многочисленных, составлял от 18 до 24 лет, по уровню образования начальное, среднее и высшее представлены в убывающей прогрессии. Среди национальностей самыми многочисленными были евреи – до 50% в некоторых регионах; украинцы составляли около 35% и оставались в меньшинстве на Украине; русские – 41% из 7000 активистов, зарегистрированных между 1903 и 1910 годом. Анархистское движение возрастало в геометрической прогрессии: в 1903 насчитывалось 12 организаций в 11 городах; в 1904 – 29 групп в 27 населенных пунктах на северо-западе, юго-западе и юге страны; в 1905 – 125 групп и федераций в 110 городах и местностях; в 1906 – 221 группа в 155 городах, а в 1907, когда движение достигло апогея, – 255 образований в 180 местностях. В целом, за период 1903-1910 гг. деятельность анархистов отмечена в 218 населенных пунктах, 51 губернии и 7 областях, покрывавших три четверти территории империи. Федерации существовали одновременно с группами и кружками, объединяя соответственно от многих сотен до нескольких десятков членов. Имелось три значительных центра: Белосток, Одесса и Екатеринослав⁶, но группы и федерации были распространены по всей территории страны.

После первых крестьянских бунтов, когда по помещичьим усадьбам гулял «красный петух» и были осуществлены первые акции террора в деревне, анархисты решили перейти к террору против буржуазии, то есть направить его против хозяев и приказчиков, в общем, против всех, кто жестоко измывался над рабочими. Первое покушение произвело сенсацию: Нозель (Низан) Фарбер, молодой 18-летний булочник, убежденный анархист, испытавший многочисленные аресты и побои в тюрьме, в день Йом Киппура (Великого прощения у евреев), на ступенях синагоги в Крынке (Белосток) набросился с ножом на хозяина ткацкой фабрики Абрама Когана и нанес ему тяжкие ранения. Этот капиталист особо отличился в преследованиях рабочих, нанял штрейкбрехеров, чтобы сломить забастовку и выбросил на

улицу сотни человек. Символическое значение поступка Фарбера, который сам был еврей, произвело сильное впечатление и послужило примером для сотен других еврейских анархистов, ринувшихся без оглядки в борьбу против хозяев, полицейских и всех, кто угнетал пролетариев. Многочисленные перебежчики из Бунда, еврейской социал-демократической рабочей партии, присоединились к Черному Знамени, местной анархистской организации. Фабер погиб через несколько недель при попытке бросить бомбу в полицейский участок в отместку за разгон рабочего митинга⁷.

Вследствие кровавого воскресенья 9 января 1905 года, когда сотни рабочих и жителей Санкт-Петербурга стали жертвами преторианской гвардии царя, 250 000 рабочих города объявили забастовку, поддержанную таким же количеством рабочих в остальной части страны. Весь год был полон бунтов и репрессий, среди которых октябрьская забастовка, заставившая царя согласиться на принятие конституции и создание Думы (палаты депутатов) в империи. Кульминационным моментом стала неделя декабрьского восстания 1905 года в Москве, в котором самыми яростными бойцами проявили себя анархисты. Одновременно произошли восстания, повлекшие баррикадные бои в других местах империи, в частности, в Одессе – бунт на «Потемкине» (организатор которого Афанасий Матюшенко вскоре стал анархо-синдикалистом), на Украине и др. В то время вооруженная борьба не была единственно достоянием анархистов, к ней прибегали почти все социалистические партии – эсеры, социал-демократы, Польская социалистическая партия. Количество жертв покушений против сторонников самодержавия, организованных анархистами и эсерами, оценивается в четыре тысячи человек, таково же приблизительно число жертв репрессий.

Это было время «экспроприаций» – нападений на банки и т. д. – с целью получения средств, необходимых для приобретения оружия, создания мастерских по изготовлению бомб и подпольных типографий для издания революционной литературы. Однако после царского указа о конституции и думе партии эсеров и большевиков умилили свой пыл с тем, чтобы принимать участие в избирательной игре.

Тем более, что разразилось несколько громких скандалов, замаравших их репутацию: руководитель боевой организации эсеров Эвно Азеф оказался агентом царской тайной полиции – Охранки, а большевик Валах-Литвинов (ставший при Сталине министром иностранных дел) был арестован в западной Европе при попытке сбыть украденные в России ценности.

Что же касается анархистов, они продолжали социальную войну, насколько это было возможно, до тех пор, пока противник не подавил. Громкие акции были проведены международной боевой группой анархо-коммунистов в Украине: Сергей Борисов, бывший эсер, присоединившийся к анархизму, в 1907 году организовал побег осужденных на смертную казнь матросов с броненосца «Потемкин». Петр Аршинов, в будущем историк махновского движения, осужденный на смертную казнь, был освобожден товарищами-анархистами вместе с другими заключенными во время пасхального богослужения. Анархистское движение кипело в Украине, в Екатеринославе, где действовала многочисленная и мощная организация (только за 1906 год она взяла на себя ответственность за семьдесят террористических актов). О Гуляйпольской группе, в которой сделал свои первые боевые шаги Нестор Махно, появились подробные сообщения в либертарной прессе за рубежом⁸.

Когда проходил суд над Борисовым и тридцатью одним членом международной боевой группы, обвинительный приговор занимал около тридцати страниц! Борисов был повешен в возрасте 27 лет вместе с четырьмя другими товарищами 14 января 1905 года в Екатеринославе. По Одессе только за 1907 год имеются статистические данные о 170 анархистах, осужденных по приговору местного военного трибунала, около тридцати из которых были повешены, среди них Матюшенко, матрос с «Потемкина».

Хотя среди крестьян преобладало влияние эсеров, был создан Крестьянский анархистский союз, объединявший две главных на Украине федерации – в Полтавской и Киевской губерниях. Он пропагандировал идею свободной коммуны, какой когда-то был мир. Из этих семян выросло повстанческое движение 1917-1921 года.

По сути анархистская борьба в России отличается только размерами страны и крайними проявлениями насилия. В остальном она следует во всем за французской моделью: террор «безмотивников» из белостокского Чёрного Знамени черпал свое вдохновение непосредственно из опыта французских террористов предшествующего десятилетия – Эмиля Анри, Равашоля, Этьевана и Вайяна. Все русские анархо-коммунисты были сторонниками взглядов Кропоткина, принятых либертариями всего мира. Столкнувшись с чрезмерным террором и экспроприациями, они отреагировали переходом к революционному синдикализму того типа, который был свойственным ВКТ того времени, с той разницей, что для более полного отличия от других профсоюзов с 1907 года они приняли новое название – анархо-синдикалисты. На Украине, по их собственным подсчетам, было около пяти тысяч членов. В методах своей борьбы они непосредственно черпали вдохновение у теоретика профсоюзного движения Эмиля Пужэ: прямое действие, саботаж, всеобщая забастовка как цель, и т. д.⁹ В Соединенных Штатах их организация насчитывала в 1910 годы около десяти тысяч членов среди многочисленных русских эмигрантов. В России и за рубежом между 1904 и 1917 годом появилось в целом двадцать три либертарных публикации. Следствием репрессий стало сокращение числа анархистских групп в русской империи со 108 в 83 городах до 57 в 44 местностях в 1909 г. В следующем году осталась только 21 группа, в 1912 – 12, в 1913 – 9, а накануне войны 1914 г. – только 7. Зато в эмиграции, где встретились многие участники движения, были сделаны усилия к объединению: в 1908 году в Женеве состоялась конференция, на которой слились группы и редакции журналов *Буревестник* и *Хлеб и Воля* (кропоткинский орган). Затем последовали другие встречи: в Брюсселе (декабрь 1908), в Лондоне (апрель 1910), затем пять конференций, начиная с 1913 года, в разных городах Западной Европы. Лондонская конференция, проходившая с 18 декабря 1913 по 1 января 1914, приняла решение об основании Федерации анархо-коммунистических групп за границей с собственным органом *Рабочий мир*. На ней также было принято ре-

шение о создании анархистского Интернационала и о созыве съезда русских анархо-коммунистов в августе 1914 года в Лондоне, одновременно с международным съездом, который должен был состояться там же. Война помешала осуществлению этих планов, но движение преодолевало недостаток сплоченности и единства. С началом войны в движении вновь наступил кризис, вызванный позицией, занятой шестнадцатью (в действительности пятнадцатью) видными анархистскими деятелями, среди которых был Кропоткин, в поддержку франко-англо-русского союза против немецкого милитаризма и империализма. Этот факт взволновал многих анархистов во всем мире и снова разделил либертарное движение. В этом не было ничего оригинального, поскольку то же явление имело место и среди других социалистов¹⁰.

В последующем наблюдается осязаемое возрождение анархистских групп в России: в 1915 году их было 8, в следующем году – уже 15 в 7 городах. Им удалось издать на гектографе 11 листовок и два номера журнала *Анархия*¹¹. По данным современного русского историка Кривенко, специально изучавшего архивы, число участников движения достигало 250-300, особенно много их было в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах. Это были в основном рабочие и некоторое количество студентов.

В остальной части революционного движения состав участников также значительно сократился, большинство активистов были брошены в тюрьмы, сосланы в Сибирь или находились в изгнании. Из-за чрезмерной жажды власти в ловушку выборов попали социалисты и, в особенности, социал-демократы, меньшевики и большевики, по-прежнему расколотые благодаря усилиям царской полиции. Действительно, Охранке удалось внедрить своих агентов в ближайшее окружение Ленина, который как полемист и постоянный фактор раздора оставался ее предпочтительной целью. Так, в 1912 году благодаря агенту Охранки Житомирскому вышла газета *Правда*. Лидер большевистской фракции в Думе рабочий Малиновский являлся одновременно баловнем Ленина и лучшим агентом Охранки (об этом трижды, но напрасно, предупреждали Владимира

Ильича). Что касается эсеров, они все еще находились под впечатлением огромного скандала, вызванного тем, что их боевая организация, как обнаружилось, находилась под управлением Охранки. Терроризм оказался полностью дискредитированным.

Вопреки последующим статистическим подделкам большевиков, страна находилась в состоянии невиданного экономического расцвета, благодаря, в основном, иностранным капиталовложениям, которым благоприятствовала кажущаяся прочность царского строя. Производство пшеницы выросло на 80% с 1898 по 1913 год, а по общему показателю развития страна соперничала с Соединенными Штатами. Но это не препятствовало наличию социальных конфликтов – число забастовок постоянно возрастало. Государство, воплощением которого был царь и его придворная клика, в которой главенствовал Распутин (принадлежавший к секте хлыстов), стало посмешищем для общественного мнения. Оно держалось только на эффективности полиции, силе своей преторианской гвардии и нерушимой поддержке церкви.

В стране наблюдался невиданный демографический рост: треть населения была моложе 21 года. Руководящая каста благосклонно восприняла войну в надежде, что она поможет излечить все внутренние проблемы страны. Впрочем, подобный энтузиазм наблюдался и в центрально-европейских империях и во Франции, которой не терпелось «вернуть» себе Эльзас и Лотарингию. Все надеялись решить соответственно свои трудности безобидной маленькой войной. Самым абсурдным в этом было не то, что все воюющие монархии находились между собой в тесном родстве, а то, что самодержавная Россия оказалась союзником республиканской Франции и Англии, с которыми она воевала шестьдесят лет назад по той же причине, которая двигала ею и сейчас: овладение Константинополем и проливами, находившимися под контролем турков.

Как сказал Гойя, «сон разума порождает чудовищ». Народом открылись ужасы, скрывавшиеся за внешними украшениями: цвет европейской молодежи погиб на полях сражений. Эта война оказалась, кроме того, самоубийст-

венной для большинства ее главных участников, в особенности для больших империй, кроме Британской, и выпустила из ящика Пандоры тоталитарные режимы XX века.

Революция 1917 года

С русской стороны война 1914 года велась из ряда вон плохо – можно сказать, как всегда. Царские генералы и военачальники, преуспевшие в подавлении бунтов безоружных крестьян, перед мощно вооруженной и хорошо организованной немецкой армией показали все свое неумение и пороки. Бросая армию в наступление по отчаянным настояниям французского командования (как это случилось в битве на Марне), не согласовав по-настоящему совместные действия из-за соперничества чинов, они пожертвовали жизнями сотен тысяч своих лучших бойцов уже в первые месяцы. Некоторые успехи были достигнуты только на восточном фронте в боях с турками и австро-венграми, и то только потому, что среди солдат славянского происхождения в армии последних многие не хотели воевать и сдавались в плен.

Вместо «бодрой и радостной», война обернулась несчастьем для страны и усилила всеобщее недовольство царским режимом. Голодные бунты в Петрограде вскоре, в феврале 1917 года, переросли в революцию, опрокинувшую карточный домик империи. На основе комиссии четвертой Думы было образовано Временное правительство, в которое вошли эсеры и близкие к ним группы, меньшевики и либералы. Эта коалиция просуществовала восемь месяцев, до ленинского октябрьского переворота. Одновременно с этим по всей стране образовалось множество советов и создалось двоевластие. Главнейшими вопросами на повестке дня были, прежде всего, выход России из войны и организация новой социальной и экономической жизни. Эсеры и их союзники во временном правительстве прибегали к уверткам: они хотели оставаться верными союзу с Францией и Англией и откладывали решение вопроса о земле до созыва Учредительного собрания, выборы в которое они все время откладывали, ожидая конца войны.

Вот в каком контексте анархистам пришлось продолжать борьбу. Получив подкрепление благодаря освобождению сотен активистов из тюрем и сибирской каторги, а также благодаря возвращению многочисленных изгнанников из Европы и Америки, их ряды быстро росли: в июне 1917 анархистская федерация Москвы объединяла 60 групп. Количество членов анархо-коммунистической федерации Петрограда (новое «негерманское» название Санкт-Петербурга) достигло в октябре 18 000. Она занимала просторный особняк, принадлежавший Дурново, бывшему губернатору Москвы во время революции 1905 года, и находившийся в рабочем квартале Выборг. Федерация организовала там читальни и клубы, помещения для различных организаций и профсоюзов, а также детский сад, располагавшийся в парке. 9 июня в Петрограде на конференцию собрались делегаты 95 заводов и воинских частей; два дня спустя 150 их представителей основали Временный революционный комитет, в который направили своих делегатов вначале даже большевики, и только после вмешательства центрального комитета партии они вышли из него. Временное правительство хотело выселить анархистов из особняка Дурново. Оно напрасно обратилось к ним с просьбой покинуть особняк добровольно. Переговоры длились несколько месяцев, до тех пор, пока, воспользовавшись отъездом Керенского на фронт, его коллеги по правительству попытались покончить с этим, применив силу. Был предпринят штурм, повлекший многочисленные жертвы с обеих сторон. Этим объясняется стремление петроградских анархистов перейти в рукопашную с Временным правительством в июле 1917 года. Отметим, что Керенский, вернувшись с фронта и узнав о случившемся, высказал своим коллегам резкое недовольство. В частности, он заявил, что не желает проливать кровь революционеров. Такое отношение делает ему честь, но, вместе с тем, объясняет его слабость и слабость всех остальных революционеров царских времен, не хотевших «братоубийственной» борьбы против большевиков, которые со своей стороны не были так щепетильны в этом отношении.

Движение быстро ширится по всей России; в канун октября существует уже 40 либертарных организаций в 21 городе, объединяющих, по данным Аршинова, от 30 до 40 тысяч членов¹². По словам советского историка доперестроечного времени Канева, анархистское движение достигло наивысшей точки в начале 1918 года, когда оно охватило 73 города бывшей русской империи¹³. Анархо-синдикалисты контролировали некоторое количество заводских и фабричных комитетов, профсоюзы булочников, металлистов, портовых рабочих и др. Они проповедовали там непосредственное и прямое овладение всем производством со стороны самих трудящихся. Такой контроль отличался от того, за который ратовали большевики, тем, что он должен быть организован снизу, а не государством.

Между 1917 и 1921 годом выходило много анархистских газет; Анатолий Горелик (автор краткой истории анархизма в российской революции) насчитывает их около сотни. Самыми значительными среди них были ежедневные газеты *Анархия* (с которой сотрудничали конструктивисты Малевич и Альтман) в Москве; *Коммуна*, изменившая затем название на *Свободная коммуна*, и *Буревестник*, печатавшийся вначале тиражом 15 тысяч экземпляров в Петрограде. В июне 1917 года в Россию вернулся Петр Кропоткин, которого с энтузиазмом встретила шестидесятитысячная толпа. Глава Временного правительства социалист Керенский предложил ему пост министра образования и государственную пенсию, но Кропоткин сухо отклонил эти предложения. На официальной конференции в августе он предложил провозгласить федеративную республику, не дожидаясь Учредительного собрания. Это было сделано в следующем месяце. Однако он все настаивал на продолжении войны с германским милитаризмом, из-за чего от него отвернулись многие члены движения. Впоследствии, оказавшись под давлением ЧеКа, он посвятил все свое время написанию книги-завещания под названием *Этика*. Во время своих бесед с Лениным, который питал к нему большое уважение (последней настольной книгой Ленина стала книга Кропоткина *Великая французская революция*,

которую он распорядился издать тиражом в 100 тысяч экземпляров¹⁴), Кропоткин напрасно пытался убедить его поддерживать производственно-потребительские кооперативы. Ему удалось, несмотря на все, передать с английской делегацией *Письмо трудящимся Западной Европы*, в котором он высказал мнение, что попытка «построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры, в конце концов, потерпит банкротство»¹⁵.

Наступление на фронте, начатое Керенским по настоянию союзников, привело не только к беспорядочному бегству русской армии, но и вызвало мощные демонстрации протеста. Демонстрация в Петрограде, организованная в июле кронштадтскими матросами, требовавшими закончить войну и свергнуть временное правительство, была подавлена войсками, верными Керенскому. Главную роль в ней сыграли анархисты Ефим Ярчук и Блейхман. Приведем отрывок из выступления последнего на митинге первого пехотного полка, отборной воинской части, расквартированной в Петрограде и ставшей в эти дни ударным отрядом: он призывал «взять в свои руки всю власть, землю, заводы, фабрики, дома буржуев». Большевики, проповедовавшие сдержанность, были освистаны¹⁶.

Среди вожаков, возглавивших самые решительные действия, были матросы-анархисты Устин Жук и Анатолий Железняков. Жук – один из пяти руководителей собрания инициативной группы по созданию красной гвардии, состоявшегося 2 августа. В ответ на проволочки большевиков он заявил: «Нам нечего ходить вокруг да около. Мы не можем ждать, надо немедленно ударить по буржуям»¹⁷. Во время взятия Зимнего дворца он командовал отрядом 200 красногвардейцев шлиссельбургской верфи. После штурма Железняков был назначен комендантом. В работе повстанческого штаба Военно-революционного комитета, созданного петроградским советом, принимали участие четыре анархиста: анархо-коммунист Блейхман, анархо-синдикалисты В.Шатов и Ярчук и независимый анархист Богатский.

6 ноября 1917 года, в канун большевистского мятежа в Петрограде, Федерация анархистских групп Москвы напечатала в газете *Анархия* свой Манифест, в котором излагались неотложные задачи анархизма. Манифест напоминал, что «анархисты не верят в созидательность государственной власти, даже если она искренне революционна»; это может быть достигнуто только благодаря «независимой деятельности свободных организаций трудящихся». Народу нужен не парламент и не учредительное собрание. Нужен немедленный мир и организация экономики снизу доверху на федеративных принципах, объединяющих все комитеты фабрик, заводов, учреждений, железных дорог. Всеми средствами производства и продуктами потребления надлежит распоряжаться городским экономическим советам. В деревне комитеты крестьянских союзов должны взять в свои руки землю, сельскохозяйственные орудия и скот. Согласовав свои действия вначале на провинциальном уровне, советы и комитеты должны слиться в рамках всей страны в общерусское объединение труда. Тем не менее, во всем, что касается обработки земли, индивидуальной, коллективной или общинной, полная свобода должна оставаться за самими крестьянами, однако без использования наемной силы. Следует организовать обмен сельскохозяйственными продуктами и продукцией заводов и фабрик. От этого будет зависеть судьба революции¹⁸.

Потребность в большей организованности и создании общерусской анархистской организации ощущалась всеми, и общерусский съезд анархистов был назначен на 15 января 1918 года в Москве, затем отложен на 30 января и перенесен в Петроград, так как многие из самых активных местных участников движения были ранены или погибли в ходе недельных боев, произошедших в Москве во время государственного переворота. Вторая региональная конференция состоялась в Петрограде с 26 по 28 ноября, на ней присутствовало 88 членов и делегатов. На повестке дня стояло обсуждение позиции, которую следовало занять по отношению к общерусскому съезду анархистов, к участию в рабочих и солдатских советах, в Военно-революционном комитете, в фабрично-заводских комитетах и

профсоюзах. Было принято решение отправить четырех делегатов в городской совет и работать в заводских комитетах, поскольку они все больше попадают под влияние большевиков¹⁹. 13 декабря состоялось общее собрание федерации, на котором выступил Александр Гэ, отметивший, что народные массы отвернулись от большевистской власти. Он указал также на необходимость для анархистов, влияние которых все более возрастало, приступить непосредственно к организации клубов и анархистских групп на местах, которые должны как можно теснее слиться с массами рабочих, солдат, матросов и крестьян. Следует также развивать деятельность издательств и организовывать школы агитаторов и пропагандистов для распространения идей и методов анархистской борьбы. Это должно происходить во время лекций, чтений, коллективных бесед и, главным образом, благодаря усилиям газеты *Буревестник*. Делегаты от кораблей и полков сообщили, что многие из них вначале склонялись к большевикам, но, разочаровавшись, они примыкают теперь все больше и больше к анархизму. Было создано консультативное бюро для связи между фабрично-заводскими комитетами, а также подразделениями армии и флота.

18 декабря газета *Буревестник* обратилась с призывом созвать общерусский съезд рабочих, чтобы взять в свои руки заводы и фабрики. Была тщательно разработана повестка дня этого общерусского анархистского съезда. Моряки Хельсинфорса заявили о своей поддержке анархистов и направили в Федерацию резолюцию, в которой сообщали, что они решили служить «идеалам анархизма, не только на словах, но и действиями», так как они убеждены, что только анархизм указывает «настоящий путь выхода из тупика, куда нас завели государственные мужи»²⁰. Несколько дней спустя они создали Хельсинфорскую анархистскую группу, в состав которой вошли представители 28 кораблей и воинских частей, и направили резолюцию, восторженно приветствовавшую общерусский анархистский съезд, который, по их мнению, должен состояться в Петрограде, центре революции. Первые стычки гражданской войны и не вполне ясная общая ситуация повлекли за собой отсрочку съезда.

Многие анархисты не хотели откладывать на более позднее время строительство общества своих мечтаний и, чтобы облегчить нехватку продовольствия, принялись за создание либертарных трудовых коммун, временных или постоянных, в первую очередь сельскохозяйственных, на свободных землях в городе или в сельской местности. В экспроприированных домах создавались кухни и приюты для бедных. Эта работа была очень четко организована под патронатом Федерации анархистских групп Москвы, которая объединяла на основе согласия различные профессии и осуществляла координацию коммун в рамках Союза трудовых коммун²¹. Для теоретического обоснования всех этих инициатив был разработан проект анархо-коммунистической конституции.

Среди московских анархистов велась интенсивная внутренняя организационная работа, скрепленная федеративным договором всех анархистских групп, различавшихся по своим тенденциям: анархо-коммунистами, анархо-синдикалистами и другими²². Самой значительной и самой опасной инициативой для Кремля, где окопался Ленин со своим правительством, получившие подкрепление благодаря тому, что к ним присоединилась фракция так называемых левых эсеров, стало создание черной гвардии, параллельно с красной гвардией большевистского режима.

Черная гвардия создавалась из членов, рекомендованных: 1) местными группами; 2) тремя членами Московской анархистской федерации; 3) фабрично-заводскими комитетами; 4) окружными советами. Указывалось, что эта гвардия не может выполнять полицейские функции, свойственные красной гвардии, а именно производить обыски, аресты и т. д. На конфискацию домов и зданий давала разрешение специальная комиссия, созданная из представителей местных групп. Всеобщее собрание групп, входящих в Федерацию, было назначено на воскресенье 14 апреля. Черная гвардия скоро стала насчитывать около 2000 членов, разделенных на пять десятков отрядов с общим штатом. Скандал разгорелся тогда, когда она потребовала у власти оружия, считая себя равной красной гвардии. По-

чувствуя опасность, Ленин и его сторонники поспешили опередить ее, как мы это увидим позже.

На протяжении нескольких месяцев анархисты и большевики оставались плечом к плечу в борьбе против Временного правительства Керенского, совместно выдвигая требования: мир – народам, заводы – рабочим, землю – крестьянам. Все это объединялось в общий призыв: «Всю власть местным советам и центру». Отношения начали портиться с момента создания «советского» правительства – Совета народных комиссаров (Совнаркома), самочинно назначенного Лениным и Троцким, выразившими таким образом свою претензию управлять всем и монополизировать победу над буржуазией. Станет ясно, что месяцы борьбы и общий опыт не развеяли старый антагонизм между сторонниками централизованной и авторитарной революционной власти, с которой отождествлял себя Ленин, и сторонниками взятия в свои руки, непосредственно и коллективно, социальной и экономической жизни главными заинтересованными лицами, а именно – трудящимися, посредством основных структур, которые родились вместе с революцией: советами рабочих, служащих и солдат, фабрично-заводскими комитетами, крестьянскими советами и комитетами, квартальными комитетами, производственно-потребительскими кооперативами. Ленин сумел понять все эти чаянья и приспособиться к ним; впрочем, это не важно, главное для него было захватить и удержать власть, он об этом заявлял уже много месяцев назад, но никто, даже среди его товарищей по партии, не воспринял его всерьез. Все годилось для того, чтобы достигнуть своих целей, оппортунизм и демагогия являлись лучшим оружием в его стратегии захвата власти. Едва провозгласив себя, это «советское» правительство 26 октября издало декреты о мире, о передаче земли крестьянам, хотя само еще не имело никакой власти в стране и никаких средств для проведения в жизнь этих решений. Зато оно запретило сразу же после этого так называемую буржуазную прессу и направило вооруженные патрули из верных себе людей для организации «аутодафе» этих журналов, на что не отважился ни разу даже царизм.

Как бы там ни было, любопытно, что оно сотрудничало с анархистами, столь сильные были в нем социал-демократические взгляды. Историк периода брежневского «застоя» в СССР Канев, как истинный дипломированный ленинолог (вся его книга буквально напичкана цитатами великого учителя), установил, что из 270 брошюр, статей и других документов, написанных и опубликованных вождем большевиков с марта по октябрь 1917 года, около двадцати содержат критику анархизма²³.

Вначале Ленин считал, что перед его партией стояла следующая дилемма: «Или большевики станут во главе революционных действий в готовящейся битве, или же сами массы возьмутся «по-анархистски» за старый порядок». Он добавлял, что «анархизм представляется как наказание за грех оппортунизма, его обратная сторона, реакция против парламентского кретинизма». Поскольку его партия завоевала большинство в советах Петрограда и Москвы, он советовал также овладеть властью, не ожидая II съезда Советов, «в противном случае теперешняя волна анархизма может стать сильнее нас». Позже, оценивая те же факты в ином свете, он писал: «Опасность анархизма все еще возможна в революции», и «от анархизма до контрреволюции один шаг»²⁴. В тот момент, конечно же, он не нуждался в анархистах, чтобы чужими руками жар загребать. Тем не менее, следует иметь четкое представление о том, кто мог внушать мысль, что Ленин отказался от традиционного марксизма.

Ленин анархист?

Вернувшись в пресловутом «опломбированном вагоне» в Петроград, Ленин выступил к общему удивлению своих коллег по партии с «Апрельскими тезисами», ставшими вехой в его отходе от классического марксизма, в котором он до сих пор находил вдохновение. Именно этим моментом датируется предпринятое им «оплодотворение» марксистской доктрины. Он начал открыто проповедовать свержение временного правительства, имея при этом целью за-

хват власти советами, которые должны были создать «не парламентскую республику, возврат к которой после советов рабочих депутатов был бы шагом назад, а республику советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» (тезис 5). Эти тезисы обозначали для большевистской партии «поворот на сто восемьдесят градусов» (О.Анвейлер). Один из соперничавших с ним социал-демократов обвинил его даже в желании занять «свободный вот уже тридцать лет трон Бакунина²⁵», поскольку эта позиция совпадала с позицией анархистов после революции 1905 года.

Ленин воскрешал здесь Маркса антигосударственника и ярого сторонника коммунаров времен *Обращения о гражданской войне во Франции (1871)*. Выставив напоказ весь свой незаурядный тактический оппортунизм, он хорошо почувствовал, что соотношение сил, созданное двойственностью власти – внешне власть принадлежала Временному правительству, но возрастающая действительная власть была в руках Петроградского совета, всех советов, фабрично-заводских комитетов – неизбежно обернется в пользу трудящихся. Приведем по этому поводу оценку Оскара Анвейлера: «Цели крайне левых в 1905 году – государство по образцу Коммуны, передача фабрик рабочим, упразднение бюрократии, армии и полиции, революция на востоке Европы как пролог мировой революции – были кратко сформулированы, по мнению Ленина, в лозунге “власть советам”, который как бы повторял программу анархистов, а, по сути, помогал большевикам завоевать массы»²⁶.

В действительности, сами массы не терялись в догадках о возможности коалиции правительства с буржуазией или начала пролетарской революции в Германии. Они действовали. В глубине. Это признается большинством современных исследований и анализов периода с апреля по сентябрь 1917, которые особо привлекают внимание к «ползучему октябрю», имевшему место в виде «всеобщей экспроприации экспроприаторов».

Это чрезвычайное ускорение истории, приведшее за несколько месяцев от царизма к социальной революции,

требует, однако, некоторых пояснений. Если, как это утверждает Анвейлер, Ленин позволил большевикам завоевывать массы при помощи анархистской программы, это случилось так потому, что сами массы были к этому расположены. Кроме того, работали и анархисты.

Следует отметить, что важны не столько расхождения или схождения между анархистами и большевиками, сколько соответствие тех и других воле и целям трудящихся в революции в этот период. Случилось так, что в этом плане установилось взаимное отождествление, начиная с лета 1917 и до первых послеоктябрьских дней. Ведь зачастую считается хорошим тоном противопоставлять Ленина 1917 года или времен *Государства и Революции* (работа написана в 1917 году, но издана в 1918) Ленину более позднего времени, в той мере, очевидно, в какой он рассматривается как вдохновляющая сила и воплощение политики своей партии. Кое-кто зашел так далеко, что провозгласил его либертарием в этот первый период. Канев резко нападает на «буржуазных историков», заявляя: «Изучение истории борьбы марксизма-ленинизма против анархизма, в частности против его русской разновидности, имеет большое значение для идеологической работы Коммунистической партии. Следует отметить, что современные буржуазные историки проявляют большой интерес к анархизму. Стремясь подорвать(!) влияние марксизма-ленинизма на рабочий класс, на широкие массы трудящихся, они утверждают, что большевистская партия во время Великой октябрьской социалистической революции и в последовавший затем период строительства социализма якобы проводила в жизнь анархистские принципы. Подобные фальсификации истории искажают политику В.И. Ленина и большевиков»²⁷.

Тем не менее, Канев довольствуется этим утверждением, не внося никаких дополнительных объяснений. В чем Ленин мог бы считаться либертарием до и после Октября? В своем стремлении к бланкистскому заговору во имя советской власти, столь далекому от принципов «научного социализма», перепрыгивая при этом через все этапы, предусмотренные марксистскими схемами социальной ре-

волюции? В то время еще открыто не стоял вопрос о диктатуре пролетариата или партии. Своим критическим анализом буржуазного государства в работе *Государство и революция*, в которой он реабилитирует определенную разновидность революционного марксизма²⁸, противопоставляя себя, безусловно, реформизму и оппортунизму Каутского, Бернштейна и Плеханова, но в такой же степени и анархистам? Об этом можно судить по следующему высказыванию: «[Анархисты...] совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и чем заменить ее? анархизм не дал»²⁹.

О какой истине идет речь? Поскольку для бывшего ученика Каутского оппортунизм был предметом относительно хороший или плохой в зависимости от обстоятельств и его переходящего вдохновения приспособиться к нему; различные «истины» его партийной жизни красноречиво свидетельствуют об этом. С другой стороны, если анархисты ничего не поняли в анализе Маркса, сам Ленин ничего не понял, или не захотел понять в анархизме, утверждая, что анархисты не знали, следует ли ломать государственную машину и чем ее заменить. Прочтя несколько старых строк из Кропоткина, он мог бы, однако, просветить себя по этому вопросу: «Мы утверждаем, что социальная революция должна осуществиться через освобождение общин, и что только общины, совершенно независимые, освобожденные от опеки государства, смогут нам дать среду, необходимую для революции, и средство для ее осуществления. [...] Община завтрашнего дня будет знать, что она не сможет допустить ничего более возвышенного; что выше нее могут быть только интересы Федерации, свободно созданной ею самой в согласии с другими общинами. Она знает, что третье не дано: или община будет абсолютно свободна в создании тех учреждений, которые она захочет иметь, и в осуществлении всех реформ и революций, которые она сочтет необходимыми, или же она останется тем, чем была до сих пор, простым отделением государства, скованным во всех своих движениях, всегда на грани

конфликта с государством, и уверенным в своем поражении в борьбе, которая завяжется. Она знает, что должна сломать государство, заменить его Федерацией, и будет действовать в соответствии с этим»³⁰.

Анархисты определяли себя всегда как коммунисты, исходя именно из этой концепции.

Вернемся к утверждению Канева и его несовместимому объединению воззрений Ленина «до и после Октября». Оно представляет собой грубое искажение анализа тех, кто выдвинул это положение, так как они принимают во внимание только то, что Ленин был распространителем лозунгов в поддержку советов, которые, впрочем, грешили неясностями, как это было замечено впоследствии. В крайнем случае, можно бы привести также отрывок из письма, единственного в своем роде по тону, настоящего оазиса в пустыне, разосланного Советом народных комиссаров (Совнаркомом) 5 января 1918 г. и взывавшего к творческим способностям масс: «Местные советы могут, в зависимости от условий места и времени, изменять, расширять и дополнять основные принципы, установленные правительством. Творческая инициатива масс, вот определяющий фактор нового общества. Пусть рабочие приступают к введению рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть они поставляют деревне произведенные товары, пусть они их обменивают на хлеб. Не должно оказаться ни одного товара, ни одного фунта хлеба, оставшегося вне контроля, так как социализм – это, прежде всего, контроль. Социализм – это не результат спущенных сверху декретов. Административный и бюрократический автоматизм чужд его духу; живой, творческий социализм является делом самих народных масс».

Отметим несовместимость объединения творческих способностей масс с существованием Совнаркома, в котором Ленин со своими коллегами издавал декреты и законы, не советуясь ни с кем, определяя содержание и судьбу революции в своем узком кругу.

Убедившись в ограниченности и относительности «анархизма» Ленина, рассмотрим теперь, как он отмежевывался от анархистов:

«Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают»³¹.

Здесь Ленин возвращается к старой полемике между противниками государственной власти и марксистами в первом Интернационале по поводу завоевания и уничтожения политической власти, полемики, которая стала прямой причиной раскола в Гааге. Противники государственной власти из Юрской Федерации, собравшись в Сент-Имье в сентябре 1872 года, определили свою позицию следующим образом:

«Сущность политической борьбы пролетариата:

Считая, что желание навязать пролетариату одну линию поведения и единообразную политическую программу в качестве единственного пути, который может привести его к социальному освобождению, является претензией столь же абсурдной, как и реакционной [...];

Считая, что любая политическая организация может быть только организацией господства в пользу каких-то классов и в ущерб массам, и что пролетариат, если бы он захотел захватить политическую власть, сам стал бы господствующим и эксплуататорским классом; съезд, собрав-

шийся в Сент-Имье, заявляет:

1. Что разрушение любой политической власти является первым долгом пролетариата;

2. Что любая организация так называемой временной и революционной политической власти для достижения этого разрушения может быть только очередным обманом и стала бы столь же опасной для пролетариата, как все существующие сегодня правительства;

3. Что, отбрасывая все компромиссы для того, чтобы прийти к свершению социальной революции, пролетарии всех стран должны установить, выходя за рамки всякой буржуазной политики, солидарность революционного действия»³².

Занятая позиция четко очертила границы вопроса и привела к рождению международного либертарного движения. Об этом уместно напомнить в связи с расхождениями, указанными Лениным. Кроме этой принципиальной позиции, Ленин усматривал еще одно фундаментальное различие в отношении к централизму и федерализму. «Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!»³³.

Следует отметить, что Бухарин в статье, опубликованной в 1916 году, совсем по-другому толкует расхождения с анархистами; для него не существовало несогласия по вопросу уничтожения всякого государства, даже пролетарского, различие во взглядах имеет место на уровне организации производства. Марксисты, по его мнению, настаивали на крайней централизации производства, тогда как анархисты были сторонниками децентрализованного и локализованного производства. Ленин в то время поправил его (см. *Письма издалека и Интернационал молодежи*), настаивая на противоположных концепциях, особенно по вопросу государства.

Именно в этих двух планах и произошло столкновение: с одной стороны, структура и сущность советской республики; с другой, форма и содержание организации производства.

ССЫЛКИ

1. *Michel Bakounine et ses relations slaves, 1870-1875*, Leiden, 1874, с. 364-368 (перепечатано в *Les Archives Bakounine*, Paris, Champ Libre, вышло 8 томов).

2. См. наше исследование о программах и организационной практике Бакунина в *Autonomie individuelle et force collective, les anarchistes et l'organisation de Proudhon à nos jours*, Paris, 1987, с. 21-59. В русском издании: с. 19-41.

3. *История политических партий в России*, Москва, 1994, с. 196. Во втором издании 2000 года этого труда, ставшего университетским учебником, приведенная цитата исчезла.

4. Эта речь приводится в кн. Ernest Lavigne, *Introduction à l'histoire du nihilisme russe*, Paris, 1880, с. 355-368.

5. Stépniak. *La Russie souterraine*, цит. соч., с. 362-372

6. *История политических партий в России*, цит. соч. (автор раздела В.В. Кривенко), издание 2000 года, с. 210-226.

7. *Анархисты, документы и материалы*, Москва, 1998, Т. 1, с. 168-170.

8. *Буревестник*, орган русских анархо-коммунистов, выходивший в Париже и Женеве с 20 июля 1906 до 1910 года, содержит постоянную переписку между русскими и украинскими группами. В №10-11, с. 2-26 приведена статистика по Одессе, в № 13 по Гуляй-Полю, в № 19 материалы о Борисове.

9. Рекомендуем читателю, желающему углубить свои ссылки на французскую литературу, обратиться к нашему исследованию *Автономия*, цит. соч., с. 61-139. В русском издании: с. 43-112.

10. *Там же*, с. 113-124.

11. Несколько десятков или сотен экземпляров.

12. Приводится Идой Мэтт в журнале *Masses*, № 12, декабрь 1947. Уточним, что объектом нашего изучения является анархизм в России; в отношении других частей бывшей русской империи – Украины, Польши и т. д. следовало бы провести отдельное исследование.

13. Сергей Канев, «Разгром русского анархизма», статья, опубликованная в историческом журнале Академии Наук СССР *Вопросы истории*, № 9, сентябрь 1968, переведенная нами на французский язык и напечатанная в программе спектакля по пьесе В.Вишневско-

го *Оптимистическая трагедия*, поставленного в Париже в 1974 году, с. 53-70. Статья была перепечатана в книге *Октябрьская революция и разгром анархизма*, М., 1974. См. также книгу С.Канева *Революция и анархизм*, М., 1987, 326 с.

14. Приводится в: П.Кропоткин *Великая французская революция, 1789-1793*, М., 1979, 500 с. Ленин предложил Кропоткину издать одновременно другие его произведения, чтобы склонить его к сотрудничеству, однако старый анархист отказался, поскольку публикация в государственном издательстве была для него неприемлема.

15. *Les Temps Nouveaux*, août 1920. Письмо датировано 28 апреля 1919. По-русски: Международный сборник, П.А. Кропоткин и его учение, под редакцией Г.П. Максимова, Чикаго, 1931, с. 196-204.

16. С.Н. Канев, *цит. раб.*

17. Е.Н. Корноухов. *Борьба большевистской партии против мелкобуржуазных революционеров анархистов в период подготовки и победы Октябрьской революции*. М., 1966.

18. *Анархисты, документы и материалы, цит. соч.*, Т. 2, 1917-1935, Москва, 1999, с. 64-68.

19. *Там же*, с. 125-126.

20. *Там же*.

21. *Там же*, с. 135.

22. *Там же*, с. 125-126.

23. С.Н. Канев, *Революция и анархия, цит. соч.*, с. 261.

24. Цитируется Каневым.

25. Цитируется Н.Сухановым, N.Soukhanov, *La Révolution russe* 1917, 1965, с. 170-171.

26. *Цит. соч.*, с. 118.

27. Канев ссылается главным образом на американских историков: Р.Пайпса, Рэдкея, Р.В. Дэниэлса, П.Авриша, Карра..., весьма субъективно приписывая им единство взглядов.

28. По поводу действительно «марксистского» и «революционного» в занятой Лениным позиции отсылаем читателей к превосходному исследованию А.Ленинга *Анархизм и марксизм в русской революции* (A.Lehning, *Anarchisme et marxisme dans la révolution russe*, Paris, 1971). Воспользуемся случаем, чтобы уточнить, что мы довольствуемся в данной работе приведением ранее неизвестных элементов информации, дополняющих по этому вопросу тексты уже существующие на французском языке.

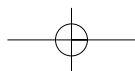
29. Ленин, *Государство и революция*, в *Собр. соч.*, Т. 25, с. 446.

30. *Paroles d'un révolté*, Paris, 1885, с. 105-108 о Коммуне.

31. *Государство и революция, цит. соч.*, с. 455.

32. Цитируется: A.Claris, *Les Ennemis de l'Internationale démasqués au congrès de La Haye*, с. 111 и 112. Genève, 1872.

33. *Государство и революция, цит. соч.*, с. 401.

III

Конфликт с большевиками

Я должен сказать вам откровенно, что согласно моему взгляду, эта попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры, в конце концов, потерпит банкротство. На России мы учимся, как нельзя вводить коммунизм даже с народом, который устал от старого режима и не оказывает активного сопротивления экспериментам новых правителей.

Идея советов, т. е. советы рабочих и крестьян, впервые возникшие во время революции 1905 года и немедленно, как только царизм был ниспровержен, реализованные Февральской революцией 1917 г., – идея таких советов, контролирующей экономическую и политическую жизнь страны – великая идея. Даже больше того, с этого момента она необходимо ведет к тому, чтобы эти советы составлялись из всех тех, кто принимает участие в производстве национального богатства своим собственным трудом.

Но поскольку страна управляется партийной диктатурой, поскольку рабочие и крестьянские советы явно теряют их подлинное значение.

Петр Кропоткин,

*Письмо трудящимся Западной Европы, 28 апреля 1919 года*¹

Расхождения. Советы: государство против общины

Канев дает достаточно верный анализ обеих концепций. Анархисты в соответствии с принципом либертарного федерализма проповедуют децентрализацию, тогда как Ле-

нин выдвигает на первый план усиленную централизацию власти на основе демократического централизма.

Эти противостоящие друг другу схемы могут быть вкратце изложены следующим образом: для Ленина республика должна быть организована в форме советской федерации национальных республик, исходя из принципа демократического социализма. Для анархистов власть должна быть децентрализована следующим образом: каждый индивид договаривается с другими индивидами о создании общины, федерация общин образует провинцию (город, округ, район, область), а из федерации провинций рождается всероссийская федеративная республика. Следует отметить, что каждая из составляющих частей рассматривается как совершенно свободная и независимая. По мнению Канева, такая децентрализация была даже применена на деле, и благодаря ей было создано несколько местных «республик», округов и районов. Он подчеркивает, что «при подобном распылении советская власть не смогла бы выстоять под ударами контрреволюции, но, к счастью, большинство трудящихся осознало эту опасность и выступило за сильную власть советов. Опыт октября показал рабочему классу и трудовому крестьянству, что только централизация управления, осуществленная большевистской партией, могла привести к победе».

Проблема приобрела свои очертания на III Всероссийском съезде советов 15 января 1918 года. Большевистская фракция предложила бороться против децентрализаторских тенденций и проводить линию на централизацию власти советов. Анархист Александр Гэ, член исполнительного комитета советов, возразил на это следующими словами: «Эта политика пронизана централизмом; нам нужно децентрализовывать, вести строительство снизу вверх, создавая общины на местах». Но съезд принял проект большевиков, который приобрел власть таким образом и послужил основой для Конституции Российской советской федеративной республики, принятой 10 июня 1918 года.

В органе анархо-синдикалистов *Голос труда* за 22 декабря 1917 и 4 января 1918 года Максимов, один из самых видных участников либертарного движения, в статье, оза-

главленной «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и наше отношение к ним», изложил анархистскую точку зрения по отношению к советам и к большевикам после Октябрьской революции. В ней говорится, что «советы были центром, через который воля масс превращалась в “закон”, который не был навязан извне и который проводился в жизнь без принуждения. Закон советов принимал во внимание только потребности и права местных, которые имели право не принимать этот закон. Эта концепция закона и обязательства очень отличалась от ленинской, для которого принуждение, ставшее внутренним, уже не является принуждением. (...) Советы были местом, где кристаллизовалась воля пролетариата, где она превращалась в действенный закон масс, возвышавший волю пролетариата и основанный не на силе и принуждении, где закон предлагался как воля большинства, без насилия при этом над волей меньшинства».

Эта концепция свободного порядка основывалась на независимом действии местных объединений и была диаметрально противоположна жесткому контролю со стороны центра большевиков. Максимов настаивает также на полной ответственности избранных перед избирателями. Однако, несмотря на превосходство советов, Максимов рассматривает их не как постоянные учреждения, а «как временную форму представительства, переходной парламентской структуры на пути к полной демократии».

В отношении большевиков Максимов заявляет, что из-за ненависти анархистов будь то к буржуазному или пролетарскому государству, начиная с момента, когда большевики начнут строить государство, анархисты выступят против них. «Наша помощь большевикам должна прекратиться, когда начнется их победа. (...) Мы останемся на поле битвы, но мы не пойдем дальше с большевиками, так как дальше начинается их “созидательная” работа, направленная на укрепление того, против чего мы боремся, и что составляет препятствие на пути к прогрессу, на укрепление государства. Не наше дело укреплять то, что, мы считаем, должно быть уничтожено. Мы должны решительно направить нашу борьбу на осуществление третьей и последней революции».

Участвовать в государстве, заявляет Максимов, означает «признавать тактику парламентаризма, (...) верить в силу декретов и законов, потерять веру в творческую силу самоорганизации масс». Он советует бороться за создание советских коммун, которые должны стать венами и артериями сети местных организаций, автономных и самоуправляющихся².

Таким образом, с той и другой стороны, советы рассматриваются как временные и переходные формы самоорганизации масс. Для большевиков они должны составлять основу пролетарского государства; для анархистов они должны преобразоваться в местные общины, которые, в свою очередь, образуют общерусскую федерацию свободных общин. Конфликт сводится, таким образом, к противопоставлению государство – община.

Напротив, установилось единство взглядов в отрицательном отношении к Учредительному собранию. Крутой поворот большевиков, которые раньше требовали во что бы то ни стало одновременно с властью советов созыва Учредительного собрания, объясняется только их поражением на выборах (самых свободных за всю русскую историю: с всеобщим правом голоса и тайным голосованием). Они на них получили лишь четверть всех голосов, эсеры, вместе правые и левые, получили абсолютное большинство, набрав более половины всех голосов. Однако эти выборы прошли в конце ноября 1917 года, после свержения Керенского. Что касается анархистов, верные, как всегда, своему антипарламентаризму, они в выборах не участвовали, заранее отказавшись от роли и представительства в этом Учредительном собрании, которое, на их взгляд, не могло выражать действительную революционную волю трудящихся.

Но уже перед выборами анархисты указывали на опасность роспуска Учредительного собрания, который означал бы усиление большевиков³; Кропоткин также был против, несмотря на свое отрицательное отношение к парламентской системе. Они хотели игнорировать Учредительное собрание, предоставив возможность разобраться тем, кто его избрал. Поэтому неблагоприятная роль, которую сыграл

кронштадтский матрос-анархист Железняков, потребовав утром на первом заседании от председателя Учредительного собрания эсера Виктора Чернова закрыть заседание, так как «караул устал» (!), была только личным поступком. Он был немедленно использован Лениным, который состряпал указ о роспуске, Железняков был не прав, когда повиновался приказу (который он потребовал в письменной форме) своего командира из Кронштадта, матроса-большевика Дыбенко, выполнявшего настоятельное требование Ленина. Последствия оказались самыми тяжелыми: в частности, этим было положено начало гражданской войны, так как устранение этого представительского и законного органа обнажило захват власти, осуществленный большевиками и их союзниками левыми эсерами.

Контроль или власть рабочих: фабрично-заводские комитеты

Решающее противостояние возникло на уровне производства. До Октября большевики создали себе несомненную популярность среди рабочих, подхватив их требование «рабочего контроля» над производством, присоединив его сначала к лозунгу «власти советов», а затем «диктатуры пролетариата». Рабочий класс ожидал таким образом, что те, кто осуществляет власть «от его имени», будут пекаться о его интересах, и в частности, что они узаконят и усилят органы рабочего самоуправления, которыми являлись фабрично-заводские комитеты. Они возникли спонтанно на протяжении марта, апреля и мая, чтобы восполнить недостаток, возникший из-за бездеятельности предприятий или даже саботажа со стороны владельцев. Зачастую комитеты брали в свои руки управление брошенными предприятиями. Однако коалиционное правительство по-прежнему поддерживало прерогативы и права собственников. Вплоть до октября установилось равновесие между их властью принимать решения и комитетами в вопросах производства, заработной платы, найма, снабжения и др.

При нормальном ходе событий Октябрь должен был бы склонить чашу весов в пользу комитетов и наложить санкции на происки бывших владельцев, короче говоря, узаконить «экспроприацию экспроприаторов».

Поэтому первый декрет от 16 ноября о рабочем контроле был воспринят с растерянностью. Декрет закреплял его существование и даже делал его обязательным, фабрично-заводские комитеты должны были существовать на всех «предприятиях индустрии, торговли, в банках, в сельском хозяйстве, на транспорте, в кооперативах и всех других предприятиях, использующих наемную рабочую силу или надомников». Этим декретом учреждался «всероссийский совет рабочего контроля», до того как будет созван съезд советов рабочего контроля, с участием представителей следующих организаций: 5 от ВЦИКа (Всероссийского центрального исполнительного комитета советов), 5 от всероссийского совета профсоюзов, 2 от центра рабочих кооперативов, 5 от всероссийского бюро заводских комитетов⁴, 5 от товарищества инженеров и техников, два от товарищества агрономов, по 1 представителю от каждой всероссийской профсоюзной федерации, насчитывающей менее 100 000 членов (по 2 представителя от более чем 100 000 членов), 2 представителя от профсоюзного совета Петрограда.

Далее в декрете было сказано, что «органы рабочего контроля имеют право вести надзор над всей коммерческой перепиской предприятия (...). Коммерческая тайна упраздняется». Предприниматели и избранные представители рабочих и служащих были «ответственны перед государством за строгое соблюдение порядка, дисциплины, а также охрану собственности». Предприниматели также «должны предоставлять органам рабочего контроля все бухгалтерские книги и документы за текущий год, как и за предыдущие».

Всероссийский совет рабочего контроля «разрабатывает общие планы рабочего контроля, дает инструкции, принимает решения, имеющие обязательный характер [...] и является самой высокой инстанцией во всех вопросах рабочего контроля»⁵.

Заводские комитеты располагали таким образом 5 представителями при 21 представителе извне. Предприятия оставались собственностью капиталистов, рабочие должны были довольствоваться правом «надзора над коммерческой перепиской, бухгалтерскими книгами и документами». Это было не так уж много.

Кроме того, заводские комитеты имели сильного конкурента в лице профсоюзов; впрочем, цель большевиков состояла в том, чтобы подчинить их профсоюзам. Это стало понятным с момента создания Всероссийского совета рабочего контроля. Представитель заводских комитетов заявил на нем: «Нужно знать, на что будет опираться рабочий контроль и каким образом будут учреждены подчиненные органы рабочего контроля. Заводские комитеты считают, что контроль должен быть делом комитета каждого учреждения. Эти комитеты затем соберутся в каждом городе чтобы создать центральный комитет для каждой отрасли индустрии и чтобы осуществлять затем координацию в региональных органах.»

Представитель большевистской фракции профсоюзов Ларин ответил на это, заявив: «Рабочий контроль не является исключительно делом рабочих каждого предприятия, а делом рабочих всей отрасли промышленности. [...] Профсоюзы представляют интересы всего класса, тогда как рабочие комитеты представляют частные интересы своего предприятия, и они должны подчиняться профсоюзам».

Представитель заводских комитетов Животов возразил ему: «У себя в заводских комитетах мы вырабатываем инструкции, которые поступают снизу и охватывают все отрасли промышленности; это инструкции жизни, цеха; следовательно, это единственные инструкции, которые могут иметь ценность. Они показывают, на что способны заводские комитеты, и, тем самым, они должны быть главными во всем, что касается рабочего контроля»⁶.

В этом отношении Животов только повторял изначальную позицию Ленина: «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящих-

ся и эксплуатируемых в деле творческой *организационной* работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, *нелепый*, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так наз. “высшие классы”, только богатые или прошедшие школу богатых классов.

Это предрассудок. Поддерживается он гнилой рутинной, заскорузлостью, рабьей привычкой, а еще больше грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя».

[...] Учет и контроль – вот *главная* экономическая задача каждого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще»⁷.

Эти слова звучат вполне как либертарные, но продолжение показывает их противоречивость и лживость: «[...] 2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящегося народа над эксплуататорами, и как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства.

3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала»⁸. Получается, что все началось сверху, где были разработаны «директивы и намечены пути». Впоследствии мы увидим, что Ленин перейдет к более резкому тону:

«На очередь дня становятся, в особенности, меры повышения трудовой дисциплины и производительности труда. Шаги, начатые уже в этом направлении, особенно профессиональными союзами, должны быть изо всех сил поддержаны, укреплены и усилены. Сюда относится, например, введение сдельной платы, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора [...]. Подчинение, и притом беспрекословное, во время труда, едино-

личным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных советскими учреждениями, снабженных диктаторскими полномочиями (как того требует, например, жел.-дор. декрет), обеспечено еще далеко и далеко недостаточно. Здесь сказывается влияние мелкобуржуазной стихии, стихии мелкособственнических привычек, стремлений и настроений, в корне противоречащих пролетарской дисциплинированности и социализму. Все сознательное в пролетариате должно быть устремлено на борьбу с этой мелкобуржуазной стихией, которая находит себе выражение не только прямое (в поддержке буржуазией и ее прихвостнями: мельшевиками, правыми эсерами и т. п. всякого противодействия пролетарской власти), но и косвенное (в том историческом колебании, которое по главным вопросам политики обнаруживает как мелкобуржуазная партия левых эсеров, так и опускающееся до приемов мелкобуржуазной революционности, подражающее левым эсерам «лево-коммунистическое» течение в нашей партии).

Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний – таков общий и итоговый лозунг момента»⁹.

Здесь тот же стиль, что и у одесских промышленников, которые заявляли в сентябре 1917: «Катастрофическое положение в стране требует самого сильного повышения продуктивности, и с этой целью (группа) считает необходимым: 1. замену почасовой оплаты на сдельную»¹⁰.

Для чего же тогда послужил Октябрь, если нужно повторять слова буржуазии и использовать ее методы и программу? Если производственные отношения остаются такими же?

Генеральный секретарь Всероссийского совета профсоюзов большевик Лозовский приоткрыл занавес, скрывавший правду, когда он обрушился на левых большевиков, которые восстали против этого курса:

«Они поддерживают мнение, что октябрьская революция – пролетарская и социалистическая и что надо немедленно применить максимальную программу. Это глубокая ошибка: Россия еще не созрела для социализации произ-

водства и должна пройти через продолжительный буржуазный и демократический период»¹¹.

Что обозначали тогда слова «власть советов» и «диктатура пролетариата»? Действительно, после долгого отступления Ленин и его безоговорочные сторонники в партии вернулись к достаточно сложной и специфической интерпретации марксизма.

Из-за недостаточной промышленно-технической зрелости пролетариата и отсутствия экономических кадров Ленин считал невозможным приступить к развитию производственных сил, в частности, крупной промышленности, только на основе революционной воли рабочего класса. Истинный социализм не стоял, таким образом, на повестке дня, так как для Ленина он всегда отождествлялся с таким состоянием развития производства, которое открывало бы общество изобилия, когда «на смену эре необходимости придет эра свободы». Здесь мы наблюдаем тот же экономический миллениаризм, согласно которому экономические отношения должны первенствовать и определять социальные отношения. Таким образом, вопрос о равенстве отброшен как мелкобуржуазная утопия. Однако, если приглядеться получше, все же именно это стремление к равенству было мотором русской революции, если не всех классовых битв в истории!

Вследствие этого, по мнению Ленина, рабочий контроль состоит в использовании компетентности специалистов (техников, инженеров) или даже капиталистов для того, чтобы, с одной стороны, продолжить развитие производства, проводя как можно большую централизацию, и, с другой стороны, чтобы просвещать рабочий класс, познакомить его с управлением производством, научить его «рентабельному» управлению, до тех пор, пока он не сможет сам обеспечивать производство.

Это означало отвлечься от различия в мотивации у рабочих между производством с непосредственной социальной направленностью, осуществляемым в их пользу, и продолжением того же, но отчужденного производства, выгода от которого пойдет не им, а хозяевам и специалистам. Это означало также проявить особое недоверие к творчес-

кому потенциалу рабочего класса, вдобавок к тому, что будут попораны его интересы, и все это произойдет, несмотря на красивые слова о «творческих способностях масс».

Это означало, наконец, питать иллюзии по отношению к предпринимателям и кадрам специалистов, считая, что они согласятся стать собственными «гробовщиками».

Результат был таков, что многие собственники покинули свои предприятия и что заводские комитеты были вынуждены взять их непосредственно в свои руки, со всех точек зрения. Здесь опять встала проблема: кому должно принадлежать предприятие? Для Ленина и большинства большевиков не могло быть и речи о том, чтобы оно принадлежало тем, кто на нем работает. Это значило бы для них возврат к капитализму, поскольку рабочие становились бы «мелкими собственниками» (этот термин и это опасение постоянно встречаются в выступлениях большевиков того времени).

Канев приводит в качестве примера фабрику бывшего министра временного правительства Коновалова в Иваново-Вознесенске. 4 января 1918 года руководство фабрики решило закрыть предприятие. На митинге рабочих, следовавшем за этим решением, предложение анархиста Романова взять теперь фабрику в свои руки было встречено с энтузиазмом. Узнав об этом, местная большевистская организация срочно направила туда губернского комиссара по труду Асткина, который приложил усилия, чтобы объяснить рабочим ошибочность их решения. 12 января рабочие приняли другое решение: «Все имущество Коновалова конфисковано в пользу государства», а 27 января Совнарком подтвердил национализацию фабрики. Канев добавляет, что этот случай является показательным, но что во многих других случаях срок между взятием предприятия в свои руки коллективом рабочих и его национализацией был значительно более долгим. Конечный результат, однако, всегда оказывался одинаковым.

Он забывает уточнить, что в некоторых случаях большевики предпочитали просто закрыть предприятия, чтобы они не достались коллективам. Интересы государства преобладали над интересами рабочих на местах. Здесь проявляет-

ся и другое важное противоречие. Это государство должно было представлять рабочий класс, его «диктатуру», но между этой «надстройкой» и ее «базисом» был слишком большой контраст. Это еще одно ленинское отклонение от марксистских заповедей.

Что означала национализация предприятия? С одной стороны, новое отношение собственности между рабочими и предприятием, с другой, это значило, что управление им осуществлялось чиновниками, назначенными «государством».

Результатом всего этого было половинчатое положение дел: прежде всего, сосуществование «частного» капитализма с «пролетарским» государством, затем, во все большей степени, с государственным капитализмом. Ленин беззастенчиво заявляет об этом:

«Что такое государственный капитализм при советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм - значит: проводить в жизнь тот учет и контроль, который капиталистические классы проводили в жизнь. Мы имеем образец государственного капитализма в Германии.¹² Мы знаем, что она оказалась выше нас. Но если вы подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России, обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий не сошедший с ума человек и не забивший себе голову обрывками книжных истин должен был бы сказать, что государственный капитализм для нас спасение»¹³.

Конечно же, не за такое «спасение» сражались бойцы Октября!

Образцом для Ленина был германский капитализм благодаря его высокой концентрации средств производства, что он неминуемо отождествлял с большей производительностью, следовательно, с шагом к «социализации»!

Точно так же следовало подчинить заводские комитеты профсоюзам, потому что сами профсоюзы уже были подчинены партии, и они помогли бы в этой централизации производства. До Октября профсоюзы, напротив, должны были уступать дорогу заводским комитетам, более боевым и, в особенности, настоящим выразителям воли рабо-

чих. Теперь самым важным было перенести эту волю на пирамиду рабочего контроля и его высшего руководящего органа Всероссийского совета рабочего контроля. Добавим, что этот совет собрался всего единственный раз, затем был замещен на другой орган, созданный декретом от 5 декабря: ВСНХ (Высший совет народного хозяйства). ВСНХ, экономическое соответствие Совнаркома, состоял из нескольких членов Всероссийского совета рабочего контроля, многочисленных представителей комиссариатов и некоторого числа экспертов, назначенных Совнаркомом за их компетентность. Это значило, что «рабочий контроль» был только вывеской, и что все теперь должно было решаться «сверху».

Этот вопрос возникнет снова, через два года, в этот раз в связи с профсоюзами. Будет пролито много чернил, прежде чем наконец Ленин резко выскажется не в их пользу. (Это случилось, правда, во время НЭПа, новой экономической политики, когда в особенности не следовало отпугивать капиталистов, руководителей предприятий и иностранных инвесторов): «Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями при этих условиях должно быть признано безусловно вредным и недопустимым»¹⁴.

Отступничество, отказ или подрыв того, что принято было называть свершениями и завоеваниями Октября, не могли оставлять безразличными всех тех, кто боролся и верил в победу пролетарского и социалистического Октября. Среди них были прежде всего рабочие и крестьянские массы, которые, в общем, не цепляли себе ярлыков, но считали себя революционерами, как и левые эсеры, максималисты, анархисты, разумеется, а также члены собственной партии Ленина, которые составили левое крыло большевиков (левые коммунисты, затем Рабочая Оппозиция, Демократические Централисты, Рабочая Правда, Рабочая Группа, которые следовали друг за другом, пока не была окончательно подавлена всякая оппозиция).

Следует признать, что среди всех этих защитников Октября именно анархисты отличались тем, что занимали самые радикальные, самые недвусмысленные и самые пря-

мые позиции. Именно они, вне всякого сомнения, лучше всего олицетворяли революционные чаяния рабочих и крестьян. Согласно сведениям, приведенным историком Панкратовой, специалистом по данному вопросу¹⁵, в период между февралем и октябрём 1917 года анархисты непосредственно руководили революционным Центром фабрично-заводских комитетов, который противостоял большевистскому Центральному совету заводских комитетов.

20 января на заседании Первого Всероссийского Съезда заводских комитетов анархисты предложили принципиальную резолюцию, отражавшую волю рабочих: «Контроль производства и контрольные комиссии не должны быть только проверяльщиками, они должны стать в настоящее время ячейками будущего, которые уже сегодня готовят передачу производства в руки рабочих» (цитируется по Панкратовой).

На Первом Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 года анархо-синдикалисты высказались за заводские комитеты, которые они считали основными жизненными органами революции; профсоюзы, как устаревшая форма представительства, должны им подчиняться (парадокс здесь у анархо-синдикалистов лишь внешний, как это видно из их резолюций на этом съезде).

Их представитель Максимов заявил на съезде: «Мы не должны забывать, что заводские комитеты как организации, созданные самой жизнью в ходе революции, ближе, намного ближе к рабочему классу, чем профсоюзы. [...] Это ядро будущего социалистического порядка».

Целями большевиков были, как мы видели, централизация и передача заводов в государственную собственность. Взгляды анархистов были диаметрально противоположными; они не видели преимуществ для рабочих в замене индивидуального собственника государством.

«Это не будет освобождением пролетариата, – объясняет Максимов, – когда многие индивидуальные грабители будут заменены одним очень могущественным грабителем – государством. Положение пролетариата останется таким же». Как это имеет место между работодателем и наем-

ным рабочим, между государством и рабочими обязательно будут возникать конфликты, – утверждает Максимов. Эти конфликты могут также проявляться в антагонизме между местным предприятием и центром производства. «Мы не должны также забывать, – продолжает он, – что государство, как противник организаций рабочего класса, будет стараться проводить свои собственные интересы в ущерб интересам рабочих». Он предложил создать не федералистскую организацию, а централистскую: «Целью пролетариата является создание координационного, а не субординационного центра. [...] Только такой центр, защищая местные интересы, смог бы регулировать русскую промышленность в общенациональном масштабе. Целью пролетариата является координация деятельности, поддержка любого местного интереса, создание центра, но не для того, чтобы издавать декреты и указы, а регуляционного, координационного центра, и посредством такого центра – организация промышленной жизни страны». Экономика должна планироваться снизу вверх, а не в обратном направлении. Такая плановая организация производства могла, на его взгляд, осуществляться только «путем спонтанного, независимого и самоуправляемого действия масс».

Таким образом, для исправления катастрофического положения в экономике анархисты предлагали, чтобы этим занялся непосредственно сам рабочий класс, без обязательной опеки со стороны профсоюзов, партии или государства, с целью создания «действительного рабочего контроля», а не «рабочего контроля государства». И только фабрично-заводские комитеты, соответствовавшие такому направлению, могли осуществить эти задачи¹⁶.

Как видно из сказанного выше, позиции были четко обозначены и с той, и с другой стороны. Из тактических соображений большевики поддерживали профсоюзы против заводских комитетов, в то время как до октября они поддерживали, как раз наоборот, заводские комитеты против профсоюзов. Анархисты же продолжали поддерживать только фабрично-заводские комитеты. Как и в случае советов, конфликт на уровне производства сводился к проти-

воречию между базисом (заводскими комитетами) и надстройкой (профсоюзная пирамида с государством на вершине).

Именно в недели, следовавшие за Октябрем, решалась судьба русской революции и был изменен естественный ход социальной революции. Как мы уже подчеркивали, анархисты оказались тогда единственными, кто активно защищал завоевания Октября; меньшевики и левые эсеры присоединились к новому режиму, находясь в легальной оппозиции или же участвуя в правительстве (левые эсеры). Что касается левого крыла большевиков, они сгорали от нетерпения, считая, что в конце концов победят трудящиеся массы (пока же они обеспечивали все же руководство ВСНХ). Естественно, таким образом, что государство хотело устранить в первую очередь анархистов, особенно ввиду того, что их влияние не переставало расти (ср. Канев). Для этого оно использует одно из самых древних орудий из арсенала реакционеров – начать кампанию клеветы о преступной деятельности этих элементов, посеять подозрение, дискредитировать, короче говоря, подготовить почву для репрессий и устранения этих непоколебимых сторонников Октября.

После противостояния: анархо-бандиты и анархо-большевики

Интересно познакомиться с мнением Ф.И. Каплана по этому вопросу. Согласно его точке зрения, именно «в значительной мере из-за поддержки анархистами рабочего контроля, то есть местных производственных объединений и взятия рабочими заводов в свои руки, большевики начали опасаться анархистов и стали их угнетать». Было установлено официальное различие между «идейными» анархистами и остальными. Приведем слова Троцкого: «Вы все знаете, что случилось в Москве. Без ведома советов и организаций трудящихся были захвачены здания. Случилось так, что когда советы занимали одно из зданий, эти хулиганы, прикрывшиеся маской анархизма, проникли в зда-

ние, чтобы их выбить оттуда, установили там пулеметы, захватили броневики и даже артиллерию». Каплан замечает по этому поводу: «Подобные подвиги означали, что анархисты препятствовали большевистской национализации, оказывали сопротивление политике большевиков в области труда, или противились образованию государства, и эти действия однозначно считались, таким образом, делом рук преступных элементов, так как, по словам Троцкого, «кучи золота, награбленного добра были обнаружены в их притонах. Это были попросту мародеры и грабители, компрометировавшие анархизм. Анархизм – это идея, хотя и ложная, а хулиганство – это хулиганство, и мы сказали анархистам: вы должны четко отмежеваться от грабителей. [...] Советский строй взял власть в свои руки не для того, чтобы грабить как бандиты с большой дороги и воры, а для того, чтобы утвердить дисциплину совместного труда и честную трудолюбивую жизнь». Ф.И. Каплан комментирует эти слова следующим образом: «Следовательно, идея анархизма была противопоставлена вооруженным действиям, направленным на осуществление этой самой идеи. Анархисты получили предупреждение, что не будет проводиться никакого различия между обычными преступниками и анархистами, до тех пор, пока анархисты будут участвовать в борьбе против большевистского порядка».

Обращаясь к анархистам, Троцкий подводит следующий итог: «Если вы хотите жить вместе с нами на основе принципов общей дисциплины труда, тогда подчинитесь вместе с нами дисциплине трудящихся классов, но если вы становитесь нам поперек дороги, пеняйте на себя, если правительство труда, власть советов обращаются с вами без церемоний.» Ультиматум был ясным: «Подчиняйтесь, или же готовьтесь к возмездию». Идейным анархистом считался тот, кто не становился поперек дороги большевикам» (Каплан¹⁷).

Достаточно любопытно слышать от Троцкого слова о «бандитах с большой дороги», сказанные по поводу анархистов-оппозиционеров, тогда как мы видели, что критерии приема в черную гвардию были очень строгими, и в нее могли записаться только лица с надлежащими рекоменда-

циями. Напротив, ЧеКа работала полным ходом, проводила обыски и арестовывала, кого только ей захочется, вне всякого контроля со стороны «трудящихся классов», и, несмотря на официальную отмену смертной казни, проводя произвольные и хладнокровные расстрелы в подвалах. Независимо от того, проходили ли они как уголовники или нет, кем были эти преступники? В действительности, и это станет для Троцкого печальной привычкой, он нагло врет: он представляет военное вмешательство большевиков как простую вылазку полиции, тогда как это был настоящий военный путч, проведенный, это следует подчеркнуть, не только войсками ЧеКа (в которых числились эсеры) но и башкирскими и литовскими отрядами. Власть не доверяла больше красногвардейцам и военным подразделениям Москвы, которые никогда бы не согласились на это братоубийственное выступление. Рассмотрим факты.

В ночь с 12 на 13 апреля двадцать шесть московских домов и зданий, занятых анархистскими группами и черной гвардией, были взяты штурмом. Считая, что на них напали белые, анархисты яростно оборонялись – пришлось подтянуть пушки чтобы сломить их сопротивление. По официальным данным со стороны анархистов 30 человек было убито и неизвестное количество ранено, со стороны штурмовавших было 12 раненых. 600 анархистов были задержаны; некоторых из них вскоре отпустили на свободу из-за возмущения, вызванного по всей стране, затем отпустили еще 350, а 50 еще долгие месяцы оставались в заключении как уголовники, прежде чем их также освободили. Но для многих из них это оказалось лишь отложенной партией, и они вскоре снова оказались в камерах и застенках ЧеКа. В последующие дни подобные нападения произошли в Петрограде, Вологде, Смоленске, Брянске и т. д.

Не будучи уверенной в победе в открытом бою, ленинская власть предпочла провести эти операции врасплох и разоружить своих опасных соперников. Отметим, что черная гвардия просуществовала еще некоторое время и ощутила себя достаточно сильной осенью 1918 года, чтобы попытаться захватить власть в Москве¹⁸. В плане вооруженной защиты революции между анархистами и большеви-

ками существовали такие же расхождения, как и в других отношениях. Центральным органам они противопоставляли местные объединения, усилия которых координировал общий штаб. Это же явление имело место и в ходе гражданской войны с ее противостоянием между партизанскими отрядами и Красной Армией.

Газеты *Анархия* и *Буревестник* были арестованы, а затем запрещены. Непокорные анархисты были брошены в тюрьмы или попросту расстреляны. Тем, кто заявил о своем нейтралитете или желании сотрудничать с ленинской властью, удалось провести анархо-коммунистический съезд с 20 по 28 декабря 1918 года, на котором не было принято никакой резолюции, ни конкретных решений по вопросу независимости движения, что сделало этот съезд исключением по сравнению с другими, как заметил один из его участников. Это наводит на мысль о том, что съезд, должно быть, проходил под «контролем» ЧеКа. Съезд не пошел далее совета бороться против идей режима внутри советов и фабрично-заводских комитетов, создавать в них анархистские фракции, в то время, когда эти структуры были уже ненастоящими, полностью подчиненными властью. Некоторые находят слишком легкий выход чувствам, объявляя буржуазию виноватой в подобном развитии ситуации¹⁹.

С этого момента все анархисты, которые поднимутся против реакции большевистской власти, будут систематически объявляться «анархо-бандитами и контрреволюционерами». «Отважные борцы Октября» были превращены в преступных контрреволюционеров – поразительный контраст.

Однако, самым важным были не эти открытые или замаскированные репрессии, – анархисты были достаточно многочисленны и сильны, чтобы им противостоять и даже, при случае, их победить – а скорее внутренний распад движения. До сих пор занимаемые позиции и их проведение в жизнь четко опирались на либертарные принципы. Все станет более запутанным с момента военной интервенции государств Антанты, которые вторглись в Россию, поддерживали и создавали фронты гражданской войны. В условиях

белой реакции, растущей контрреволюционной опасности анархисты прекратили критические выступления, отступили и даже подчинились новой власти. Происходит настоящая самоликвидация движения; все самые активные участники движения полностью втягиваются в вооруженную борьбу против белых или соглашаются занять ответственные должности в правительстве.

Видный анархистский деятель Александр Гэ (Гольдберг), бескомпромиссный интернационалист во время империалистической войны, активный член Исполнительного комитета советов, представитель анархистской фракции, человек, который прилагал усилия для убеждения Ленина и Троцкого, что «пролетариату не нужны железные батальоны, так как его сила состоит в организованных усилиях всех трудящихся», этот человек стал руководителем ЧеКа на Кавказе! Владимир Шатов, бывший член Военно-революционного комитета Петрограда в октябре, командует X Красной армией! Максимов записался в Красную армию, затем за отказ выполнять репрессивные задания был приговорен к расстрелу, но впоследствии освобожден, благодаря энергичному вмешательству рабочих-металлистов; бывший террорист 1905-1906 гг. Новомирский, автор теоретических анархистских работ, пользовавшихся авторитетом, поступает в коммунистическую партию и становится официальным представителем Коминтерна; Александр Шапиро и Герман Сандомирский поступают на работу в Комиссариат иностранных дел; Рогдаев становится комиссаром здравоохранения; Владимир Забрежнев, бывший делегат съезда в Амстердаме, поступает в коммунистическую партию и становится секретарем редакции московской газеты *Известия*; Максим Раевский, бывший издатель *Голоса труда* в Нью-Йорке и Петрограде, занимает неополитический пост в правительстве по рекомендации Троцкого; Волин уезжает из Москвы после запрета *Голоса труда*, работает в отделе культуры Воронежского совета, затем Харьковского, но отказывается от руководства образованием всей Украины; Кропоткин, вернувшийся в Россию в июне 1917 года, уединился в загородной местности и замолчал, чтобы не способствовать реакции, как он позже объяснил Эмме Гольдман.

Канев приводит очень интересные сведения о размахе этого явления. По данным перерегистрации членов Коммунистической партии СССР в 1922 году, 633 члена были бывшими анархистами (432 в России и 201 на Украине и других республиках).

Эти анархо-советы или анархо-большевики, как их называли анархисты, оставшиеся верными своим принципам, принадлежали до этого к самым активным участникам движения. Из двух зол они выбрали наименьшее. Чтобы уйти от белой чумы, им казалось, следует выбрать красную скарлатину. Потребовалось некоторое время, чтобы они поняли, что на самом деле это была холера, такая же губительная для революции. Многие впоследствии отреклись, самые упрямые стали жертвами «чисток», организованных в 1936-1937 годах «машинистом локомотива истории». Но большинство не вернулись с фронтов гражданской войны, погибли в боях с белыми или красными, против которых они «взбунтовались».

Идя от уступок к компромиссам, от компромиссов к сделкам с совестью, они считали, что имеют право пожертвовать на более или менее длительное время интересами либертарного движения и, в особенности, настоящим смыслом революции, которой они жили до этого момента, ради пресловутой эффективности и жалкого расчета.

В результате этого анархистское движение в России быстро развалилось под двойными ударами репрессий и отступничества. Несколько групп просуществовали еще недолгое время; некоторые погрязли в бредовой идейной путанице; самые непокорные начали прямую борьбу против новых хозяев, и их последним выступлением стало Кронштадтское восстание, использованное как повод для их окончательной ликвидации. С этого момента центр тяжести анархизма перемещается на Украину, где маховое движение вписало одну из лучших его страниц.

Революционный контртеррор: покушение Ковалевича

Репрессии, проводимые большевиками против своих политических противников, вызывали только протесты в

устной и письменной форме. Некоторые революционеры вспомнили тогда свои старые привычки, которые так часто использовали в борьбе против царского самодержавия и которые вновь стали, на их взгляд, необходимыми в борьбе против большевистского абсолютизма. Эсеры первыми ответили индивидуальными покушениями. Так, 25 июня 1918 года Моисей Володарский, большевистский руководитель из Петербурга, отличившийся своей жестокостью по отношению к политическим противникам, был убит на углу одной из улиц в своем городе. По той же причине 30 августа 1918 председатель ЧеКа Петрограда Моисей Урицкий пал под пулями Леонида Каннегиссера. В тот же день Фаня Каплан, старая эсеровская террористка, которая до революции провела одиннадцать лет в ссылке, выстрелила в Ленина и тяжело ранила его. После ареста Фаня Каплан заявила, что она давно задумала покушение на Ленина, так как он предал революцию.

В 1920 году в Москве Всероссийская ЧеКа опубликовала первый том *Красной книги ВЧК*. Этот труд, изданный под руководством Макинцяна, был вскоре изъят из обращения по очевидным причинам. Действительно, в этом томе были приведены описания, подкрепленные многочисленными, ранее неизвестными документами, трех главных антибольшевистских движений: вооруженного восстания в Ярославле в июле 1918 г., организованного Союзом в Защиту Отечества и Свободы Бориса Савинкова; восстания левых эсеров в Москве 5-6 июля 1918 г.; так называемого нападения Ко-валевича на главную квартиру Коммунистической партии в Москве 25 сентября 1919 г.

Рассмотрим более подробно это последнее выступление.

Вот факты. Газета *Известия* сообщала 26 сентября 1919 года, что в помещение Московского комитета коммунистической партии, где собрались ответственные партийные работники, была брошена бомба.

Вначале нападение было приписано неизвестному контрреволюционеру, затем на следующий день – бело-гвардейским террористам.

Заседание большевистских руководителей проходило в здании бывшего особняка графини Уваровой и штаб-квар-

тиры Центрального комитета левых эсеров в Леонтьевском переулке. Из 150 присутствовавших на собрании 12 было убито и 58 ранено. Среди убитых самыми важными персонами были Загорский, секретарь Московского комитета партии, который председательствовал на собрании, и Кропотков, член московского совета. Среди раненных находились партийные вожаки – Бухарин, Стеклов, Ольминский, Покровский, Ярославский, А.Ф. Мясников (Армянин), Слуцкий, Я.Е. Шляпников.

Вскоре ответственность за организацию нападения взяла на себя Всероссийский повстанческий комитет, заявление которого мы приводим:²⁰

«Граждане и братья!

Вечером 25 сентября на собрании большевиков в Московском комитете обсуждался вопрос о мерах борьбы с бунтующим народом. Властители большевиков все в один голос высказались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами, вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами».

Далее в заявлении излагаются цели комитета:

«Наша задача – стереть с лица земли строй комиссаро-державия и чрезвычайной охраны и установить Всероссийскую вольную федерацию союзов трудящихся и угнетенных масс. Нечего ждать прихода белой деникинской реакции и ухода красной – комиссарской. Мы сами должны установить свободный строй в стране теперь же, немедленно, не дожидаясь окончательной гибели завоеваний Октябрьской революции. Близится третья социальная революция».

«17 июня с. г. Чрезвычайный военно-революционный трибунал расстрелял в Харькове семь повстанцев: Михалева-Павленкова, Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полупина, Добролюбова и затем Озерова (речь идет о расстреле нескольких крестьян и членов штаба Махно). 25 сентября с. г. революционные повстанцы отомстили за их смерть Московскому комитету большевиков. Смерть за смерть! Первый акт совершен, за ним последуют сотни других актов, если палачи революции своевременно сами не разбегутся».

Действительно, как оказалось впоследствии, этот комитет был создан московской группой «Подпольные анархисты», объединявшей около тридцати человек и отличавшейся от других анархистов своим отношением к большевистской власти. Они считали себя «последовательными анархистами»²¹ и отказывались входить в соглашение с государством, каким бы советским и революционным оно ни казалось. Они развернули достаточно интенсивную пропаганду на протяжении выпавших им четырех месяцев свободного существования, выпустив среди прочего, кроме заявления, следующие листовки «Ждать нельзя», «Правда о Махновщине», «Где выход?» и два номера газеты *Анархия*.

Основное содержание занимаемых ими позиций достаточно хорошо отражено в последней листовке, адресованной большевикам:

«Вы у власти в России, но что же изменилось? Фабрики и земля не в руках трудящихся, а в руках предпринимателя – государства. Наемный труд, основное зло буржуазного строя, существует, поэтому неизбежны голод и холод и недостаток рабочих рук при одновременной безработице. Ради «необходимости потерпеть» для лучшего будущего, ради «защиты уже достигнутого» сохранена армия, бюрократический аппарат, отменено право стачек, слова, собраний, печати. Вы создаете красный шовинизм милитаризма, но что же защищать рабочему? Вы скажете: зато буржуазия отстранена, а рабочий класс у власти, но я скажу то же, что вы про меньшевиков: у власти лишь отдельные рабочие. Они теперь лишь бывшие рабочие, оторванные от своего класса. Угнетенные, по существу, не могут быть у власти: если же власть называет себя «пролетарской», то это даже худший обман. Вы будете возражать, что вы тоже хотите анархию, но нужно сначала сломить врага, а потом власть сама по себе упразднится. Но это тот же меньшевизм. Я верю, что у вас лично, субъективно, могут быть хорошие намерения, но объективно, по существу, вы представители класса чиновничьей бюрократии, производительной группы интеллигенции. Даже вам анархический строй даст большее благосостояние, чем теперь, но за своей наглой классовой чиновничье-государственной

идеологией люди, стоящие у власти, никогда от нее не откажутся. Поэтому как нельзя ждать примирения буржуазии с социальной революцией, а нужно применить силу, так нельзя ждать примирения властителей с анархией, а нужно сейчас же силой разрушить власть.

А ссылка на фронт – любимый прием постепенцев. Так Керенский, сохранив в России капитализм, звал рабочих вместе с Корниловым идти на фронт защищать «свободы»: так и вы, создав «бескомитетную», с царским офицерством милитаристическую Красную Армию, зовете не бунтовать против нового гнета, а идти на фронт защищать «уже достигнутое».

Мы смотрим не на красную вывеску, а на факт; и мы видим, что ваша политика, как и в свое время союз Керенского с Корниловым, ведет к неизбежной реакции внутри. Ничего еще не достигнуто и нам нечего защищать.

Мы зовем к немедленному восстанию за хлеб и за волю, а потом будем защищать свободу оружием свободы, а не рабства.

Только такой, мне кажется, и может быть позиция анархиста по отношению к «революционной власти». Ведь в этом-то и состоит отличие анархизма от социализма, что он считает, что ничего не изменилось, пока существует власть. Большевики прекрасно понимают это. Так, в брошюре «Анархизм и коммунизм» Е. Преображенский пишет, что лишь те анархисты, которые столь же непримиримо относятся к Советской власти, как и ко всякой другой, сохранили верность своему учению, хотя, конечно, Преображенский считает это учение «книжным» и «контрреволюционным»²².

Эти позиции резко отличались от позиций, занимаемых многими «законными» анархистами или открыто ставшими на сторону нового режима и сотрудничавшими с ним.

Их будет проще понять, если принять во внимание тот факт, что Казимир Ковалевич, рабочий железнодорожник из Московской области, в 1919 году несколько месяцев провел на Украине, где принимал участие в махновском движении и стал свидетелем большевистских репрессий.

Он вернулся с Украины в сопровождении двух десятков анархистов, двенадцать из которых были латыши, также участвовавшими в махновском движении. Они организовали в Москве крепкую подпольную сеть, созданную по образцу тех, которые существовали во времена царизма, с агитационным отделом, издававшим листовки и газету *Анархия*, боевой группой, типографией, мастерской по изготовлению бомб.

Боевая группа занималась также «экспроприациями» чтобы получить средства, необходимые для деятельности. Они экспроприировали таким образом три московских «народных» банка: на Димитровке, на Таганской площади и на Серпуховской площади. Часть группы отправилась также в Тулу, довольно значительный город, расположенный почти в двухстах километрах от Москвы, где они экспроприировали банк. Эта последняя операция была проведена совместно с организацией местных максималистов.

Действительно, по образцу махновского движения они достигли единства действия с некоторыми максималистами и левыми эсерами. Самые радикальные элементы вновь оказывались рядом друг с другом в новой революционной битве.

Группа из двенадцати латышей уехала на родину с частью собранных таким образом средств, чтобы там организовать «подпольные анархистские» группы. Остальные участники приняли решение организовать что-то серьезное по случаю годовщины Октября. Дата их выступления была передвинута вперед ввиду сложности обстановки и удачности предложения левого эсера Черепанова взорвать московскую штаб-квартиру коммунистической партии, тем более, что все руководители, включая Ленина, должны были участвовать в областном заседании 25 сентября.

Два месяца спустя, в конце ноября, по доносу, чекистами были захвачены врасплох два основных члена «анархистского подполья» Ковалевич и Соболев; они отстреливались из револьверов и бросали бомбы, затем взорвали себя. Шесть других членов организации, окруженные в одном из домов, также взорвали себя. Восемь членов орга-

низации были задержаны ЧеКа. Протоколы допросов и их признания воспроизведены в *Красной книге ВЧК*. Нам удалось воссоздать историю их движения именно на основе этих документов.

Причины, по которым *Красная книга ВЧК* была изъята из обращения, кажутся теперь более ясными. Простодушный редактор этого труда Макинцян не осознавал, что пространственные цитаты из листовок, воспроизведение протоколов допросов, короче говоря, всех документов, показывало со всей очевидностью, как и почему могли создаваться революционные организации для борьбы против нового самодержавного режима и указывали, так сказать, предмет для подражания. Надо было любой ценой избежать этой заразы.

С другой стороны, методы ЧеКа представлялись такими же полицейскими, как и методы Охранки. Воскрешение старых методов революционной борьбы и двусмысленность, которую они порождали в отношении большевистской власти, могли затуманить разум читателя.

Последовало наказание, и *Красная книга ВЧК* была быстро изъята из продажи, а следующий ее том так и не появился. Что касается Макинцяна, его имя совершенно забыто.

Чтобы закончить с этим описанием одного из аспектов революционного контртеррора, мы приводим последний протокол, напечатанный в *Красной книге*. Речь идет о заявлении Донато Андреевича Черепанова, левого эсера, вдохновителя покушения.

Черепанов был задержан 17 февраля 1920 года и допрошен в тот же день, в присутствии Дзержинского, председателем ЧеКа Лацисом, заместителем председателя и идеологом ЧеКа Ксенофонтовым, Романовским и другими высокопоставленными чекистами.

“1. Я совместно с Казимиром Ковалевичем организовал Всероссийский штаб революционных партизан, который главной своей целью наметил ряд террористических актов. Эта организация и провела взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возло-

жены на меня. В самом же метании бомбы я, по постановлению штаба, участия не принимал. Не будь этого постановления, я бы охотно принял на себя метание бомбы. До того, как остановиться на террористическом акте, этот вопрос дебатировался долго у нас в штабе. Высказывалось несколько мнений по этому поводу. Предлагалось бросить бомбу в Чрезвычайную комиссию, но это предложение было отклонено по следующим соображениям: чрезвычайка и сам гражданин Феликс Эдмундович Дзержинский являются только орудием, слугами партии и, следовательно, во всей политике ответственными являются не чрезвычайки, а партия.

Собрание 25 сентября главных ответственных партийных работников в Московском комитете как нельзя лучше могло быть рассматриваемо главным виновником, тем более что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина.

Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не видные партийные работники и никто из более крупных не пострадал. Этот акт, по нашему мнению, должен был революционизировать массы и указать путь, по которому должны идти настоящие революционеры: путь террора и ударов по голове насильников.

На замечание, что при взрыве пострадало много незначительных работников, я укажу, что ваша чрезвычайка в этом отношении не лучше.

2. Я полагаю, что всю власть необходимо передать профессиональным союзам, которые путем товарищеской дисциплины сумеют поднять производительность труда до необходимой в настоящий момент степени. В момент гражданской войны и такой колоссальной разрухи я признаю некоторую видимость принуждения труда. Профессиональные союзы сами мобилизуют достаточное количество людей, необходимых для обороны страны и защиты революции. В профессиональных союзах есть достаточно силы – путем исключения из числа членов – заставить повиноваться; вместе с тем будут избегнуты ошибки сплошной мобилизации: будет учтено и семейное положение, и пригодность мобилизуемого.

Те или другие объединения профессиональных союзов являются органами власти, а Всероссийский союз профессиональных союзов — верховным органом власти.

Совершенно неважно, если некоторые профессиональные союзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов всегда смогут, скорее, чем большевистское насилие, революционизировать и эти массы.

3. Как во время июльского восстания левых эсеров, так и теперь, я утверждаю, что партия левых эсеров в тот момент вовсе не хотела захвата власти, так как и тогда, и теперь мы против какой бы то ни было партийной диктатуры.

Единственная цель июльского восстания — сорвать контрреволюционный Брестский мир и выхватить из рук беков* (так называли большевиков в эпоху подпольной работы — А. С.) партийную диктатуру, заменив ее подлинной Советской властью. Лично я, по крайней мере, о захвате власти никогда не думал.

Хотя ЦК партии левых эсеров и исключил меня и всю московскую организацию из партии, но я считаю, что он неправомочен был это сделать, так как на последнем совете партии ярко выразилось настроение провинции и масс не в пользу ЦК, а в нашу пользу. Если бы этот совет не был сорван преждевременными арестами чрезвычайки чуть ли не при содействии самих чекистов, то с полной уверенностью можно было бы сказать, что этот ЦК не остался руководящим органом, поэтому мы считаем себя настоящими левыми эсерами, сколько бы ни было на сей предмет постановлений. Что касается Штейнберга, Шрейдера (группа левых эсеров, сторонников сотрудничества с большевиками — А. С.) и иже с ними — я на них смотрю, как на предателей и подлецов. История вынесет над ними свой правый приговор.

Об одном я сожалею: при аресте меня схватили сзади, и я не успел пристрелить ваших агентов.

То, что сейчас творится, сплошная робеспьериада!»²³.

Понятно, затем, что Черепанов был осужден к «сухой гильотине» по ленинскому рецепту, то есть казнен выстрелом в затылок.

ССЫЛКИ

1. П.А. Копоткин и его учение, Чикаго, 1931, с. 198.
2. Приводится в книге Frederick I. Kaplan, *Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labor, 1917-1920: the formative years*, New York, 1968, с. 142-170.
3. История политических партий, цит. раб., издание 1994 года, с. 377.
4. Выделено нами.
5. Напечатано в приложении к 22 тому Полного собрания сочинений Ленина, с. 613.
6. Дискуссия на Всероссийском совете рабочего контроля, заседание 28 ноября 1917 г.
7. Ленин, *Собрание сочинений*, том 26, с. 370.
8. Там же, с. 385.
9. Там же, том 27, с. 284-285.
10. А. Pankratova: «Les comités d'usines en Russie à l'époque de la révolution (1917-1918)», в *Autogestion*, № 4, decembre 1967.
11. Лозовский, *Профсоюзный руководитель*, 24 ноября 1917; орган Центрального совета профсоюзов.
12. Эти полные восхищения слова были произнесены 29 апреля 1918 года; до Берлинской Коммуны, до баварской Советской республики, до того как этот капитализм, которым так восхищался Ленин, учинил дикую расправу над германскими рабочими. Элементарное приличие не мешало Ленину и позже продолжать расточать ему похвалы.
13. Ленин, *Собрание сочинений*, том 27, с. 262.
14. Там же, том 33, с. 164, «Профсоюзы и управление предприятиями».
15. Упомянется в Kaplan, цит. соч. Приведенная ниже цитата воспроизводится по французскому переводу, напечатанному в *Autogestion*, № 4, цит. соч.
16. Все эти цитаты заимствованы из уже упомянутого труда Ф.И. Каплана, опирающегося на огромный документальный материал и отличающегося ясностью изложения. Выступления Максимова состоялись на третий день работы Съезда профсоюзов, 22 января 1918, и приведены в отчете съезда.
17. Kaplan, цит. соч. Заявление Троцкого было сделано 14 апреля 1918.
18. Victor Serge, *Mémoires d'un révolutionnaire*, Paris, 1950, с. 85.
19. Анархисты, документы и материалы, цит. соч., с. 161-198 (стенографический отчет).
20. Красная книга ВЧК, том I, издание второе, уточненное, Москва, 1989, с. 329-330.
21. С.Н. Канев, *Октябрьская революция и крах анархизма*, Москва, 1974, с. 336.
22. Красная книга ВЧК, цит. соч., с. 333-334.
23. Там же, с. 398-400.

IV

Большевицкая контрреволюция

[...] никакое государство, как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного представительства, не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимонародное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху/вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ.

М.А. Бакунин,
Государственность и анархия. Цюрих-Женева, 1873

На смену коалиционному правительству Керенского пришло «рабоче-крестьянское правительство», в лице Совета Народных Комиссаров, назначенных из числа выдающихся членов партии большевиков и левых эсеров. Эта смена команды означала только смену стиля власти, наступила эра декретов. Сущность этой власти не была поначалу достаточно очевидной, так как, в принципе, она представляла собой советы главных участников Октября: матросов, солдат и красногвардейцев, рабочих – тех, кто брал

Зимний дворец, и шире – всех революционных трудящихся России. В принципе, она также несла ответственность перед всеми своими учредителями, однако никакая контролирующая ни представительская структура не была создана, что вскоре обернулось устранением непослушных попутчиков: левых эсеров. С этого момента устанавливается «диктатура пролетариата», что предполагает ответственность перед рабочим классом в целом.

Затем, и это последний трюк, «власть» становится подконтрольной только партии, ставшей тем временем «коммунистической», самой сознательной части рабочего класса: «Диктатура рабочего класса может быть обеспечена только в форме диктатуры его авангарда, то есть Коммунистической партии» (Итоговая резолюция Центрального комитета Коммунистической партии XII съезду). Это повлекло за собой еще одну арифметическую прогрессию: диктатура партии становится диктатурой Центрального комитета, затем диктатурой семи членов Политбюро, чтобы стать в конечном счете диктатурой единственной «выдающейся¹» личности.

Все это произошло официально, так как, начиная с Октября, «правительство» действительно стало на позиции, выработанные Центральным комитетом, в частности, самым его «выдающимся членом», В.И. Лениным. Эта политическая монополия была закреплена целым рядом декретов, учреждавших контролирующие и карательные органы. Прежде всего были приведены в соответствие рабочие организации, рабочий контроль за производством, представлявший собой ключевое звено всей социалистической перестройки страны, был очень ловко повернут в другую сторону, а затем и вовсе упразднен: в июне 1918 года самые крупные заводы были национализированы, это значит, что они стали непосредственно зависеть от правительства и комиссариата промышленности. Следовательно, управление ими начало осуществляться чиновниками, назначенными этими инстанциями, что фактически снимает всякий контроль и возможность принимать решения со стороны советов, роль которых сведена теперь к функции приводного ремня для передачи директив, спущенных

«сверху». Таким образом, в ноябре 1920 года 4/5 больших предприятий вновь оказываются под индивидуальным руководством и подчиняются строгой дисциплине труда. Национализация распространяется на большинство маленьких заводов и магазинов, где сохранился еще рабочий контроль, или же они были попросту возвращены своим прежним хозяевам.

Всюду, где это было возможно, «буржуазные специалисты» были восстановлены в своих функциях, так что к концу 1920 года процент служащих «в белых воротничках», вместе старых и новых, по отношению к рабочим удвоился по сравнению с 1917 годом. Расцвела новая бюрократия.

Для подавляющего большинства рабочих восстановление господства вражеского класса на заводах означало предательство идеалов Октября. Их стремление к пролетарской демократии, временно осуществившееся в 1917 году, было отброшено и заменено на принудительные и бюрократические методы нового капитализма: железная дисциплина, вооруженные отряды на заводах, применение на производстве системы Тейлора, получившей, кстати, название милитаризации труда. Приведем рассуждение Ленина по этому поводу:

«Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора, – как и все прогрессы капитализма, – соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определяется именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма.

Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти.

[...] надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия – т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма – требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? – Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, – если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, *беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо»².

Неизвестная сторона учения товарища Ленина... Русские рабочие, оказывается, провели революцию, чтобы «научиться работать»! Они сбросили капитализм, оказывается, для того, чтобы перенять его самую худшую сторону – тейлоризм! Таким образом, оказывается, чтобы освободиться, им следует сделать самую большую уступку и пройти снова через полнейшее рабство.

В случае надобности для этого нужно «использовать методы принуждения таким образом, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не был дискредитирован»... Полюбуемся также «строгим единством воли», достигаемым путем

«подчинения воли тысяч людей одной личности» посредством абсолютной покорности «дирижеру» или посредством силы: в общем, добровольное рабство или палка! Да, действительно, Октябрь Ленина и его партии был совершенно несовместимым с Октябрем русских трудящихся, так как в нем было полное презрение к рабочему классу, к его борьбе и нищенским условиям существования, презрение «барина». От этого за десять миль пахло реакционностью, хотя и приукрашенной всяческой фразеологией, претендовавшей на квинтэссенцию «научного откровения Революции».

Троцкий, еще в большей мере ленинец, чем сам Ленин, руководил этой военизацией труда со свойственной ему грубостью, тем более, что был окрылен своими «успехами» в строительстве Красной армии. В январе 1920 Совет народных комиссаров (Совнарком) принял решение об обязательной трудовой повинности для всего взрослого населения и подчинении рабочих армии. Усиление дисциплины и присутствие армии внутри самих заводов вызвали многочисленные митинги в знак протеста против этой политики, митинги, организованные заводскими советами и профсоюзами.

Оппозиция по отношению к милитаризации вызвала даже внутренний конфликт в партии, который сосредоточился на профсоюзном вопросе. Для Троцкого подчинение профсоюзов государству должно быть полным, тогда как для некоторых членов партии – в числе которых Александр Шляпников, Юрий Лутвинов и Александра Коллонтай, объединившихся в это время во фракцию, получившую название «Рабочая Оппозиция»³ – независимость профсоюзов от государства и партии должна быть полной, и руководство экономикой должно быть передано профсоюзам. Эти оппозиционеры пошли в своей критике еще дальше и поставили вопрос о вырождении советского режима в новое бюрократическое государство, в котором господствует привилегированное меньшинство. В конечном счете, Ленин и его сторонники положили конец дискуссии по этому вопросу, приняв половинчатое решение: профсоюзы могут назначать своих собственных руководителей и свободно

обсуждать вопросы экономики, но государство продолжает держать в своих руках бразды правления экономикой. В действительности это оказалось кратковременной уступкой обстоятельствам, так как Троцкий решительно выступил против того, чтобы «ставить каким-то образом выше Партии право рабочих избирать своих представителей, как будто Партия не имеет права утверждать свою диктатуру, даже если эта диктатура вступает на время в конфликт с сиюминутными фантазиями рабочей демократии»⁴.

Именно с этого момента закрепляется чувство всемогущества партии, согласно которому в стране Октября ничто не могло решиться без того, чтобы кто-то не обмакнул перо в огромную кремлевскую чернильницу.

Вторая темная сторона правительства «серпа и молота» связана с болезненным крестьянским вопросом. Здесь также проявляется нелепость «диктатуры пролетариата» для страны, где 9/10 населения крестьяне, где рабочий класс только образовался и сохраняет крепкие крестьянские корни, где подавляющее большинство солдат, вмешательство которых сыграло решающую роль в боях с противниками советов, составляли крестьяне.

В октябре, чтобы получить взамен поддержку левых эсеров, власть «рабочих и крестьян» немедленно издала декреты, закреплявшие передачу земли в собственность крестьянам. Но для Ленина и большевиков, вернувшихся к самым окостенелым схемам социал-демократов по этому вопросу, крестьянин неспособен иметь революционную политическую сознательность, он может только стремиться стать «мелким собственником», «потенциальным кулаком». Поскольку союз с ним считается неизбежным, следует идти ему на уступки в этом направлении, то есть согласиться на разделение земель, конфискованных у крупных земельных собственников, у церкви и государства. Такая позиция равносильна отрицанию огромного революционного потенциала бедного крестьянства, то есть почти всего крестьянского населения, и его стремления к «коллективному владению землей», что составляло действительный смысл лозунга «Земля крестьянам». Как бы там ни было, как только левые эсеры были устранены и уста-

новлена «диктатура пролетариата», уступки были пересмотрены. Например, первая советская Конституция, хотя она так и не была воплощена в жизнь, как и все последующие, предоставила крестьянам право представительства, ограниченное 1 депутатом от 125 тысяч избирателей, тогда как рабочие располагали 1 депутатом от 25 тысяч избирателей. Следовательно, в большевистском сознании один рабочий стоил пяти крестьян⁵.

Подобное отношение впоследствии усиливалось, расширялось и привело к противопоставлению интересов рабочих и крестьян и созданию конфликта между городом и деревней.

Во время гражданской войны сложились условия для обострения этого искусственного антагонизма. Большевики с яростью проводили политику военного коммунизма по отношению к крестьянству, вооруженные отряды изымали излишки зерна и сельхозпродуктов для снабжения городов и Красной армии (которая насчитывала до 5 миллионов человек). Зачастую эти отряды не довольствовались излишками и изымали весь урожай, включая необходимые продукты питания и зерно для посева. Ленин делает следующее признание: «Своеобразный “военный коммунизм” состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия...»⁶.

Кроме зерна и овощей подлежали изъятию лошади, фураж, повозки, сапоги, гвозди и т. д., разумеется, без какого-либо возмещения. Таким образом, крестьяне подвергались систематическому ограблению, что привело к трагической ситуации, к их полнейшему обнищанию: у них не было ни сахара, ни керосина, ни табака, ни чего-либо ценного. Их приравнивали попросту к скоту, к предметам, не представлявшим никакого интереса. Странный союз!

Это нарастающее удушение крестьянства вызвало отчаянное сопротивление. С одной стороны, продотряды наталкивались на сопротивление вооруженных крестьянских отрядов, что вызывало в ответ карательные операции ЧеКа. С другой стороны, крестьяне начали прятать все, что могло быть конфисковано. Так, в 1920 году более трети

урожая не попало под конфискацию. На более высокой стадии сопротивления крестьяне стали производить ровно столько, сколько составляла их потребность, так что к концу 1920 года общая площадь засеянных земель представляла собой только 3/5 того, что было в 1913 году. Теперь большевики в глазах крестьянина стали «новыми господами».

До 1920 года крестьяне тем не менее терпели большевистский режим⁷ как меньшее зло, в большей степени опасаясь возврата белых, который повлек бы за собой возврат земель прежним собственникам и восстановление всех старых привилегий. Но после поражения последней попытки белых – наступления генерала барона Врангеля, — когда миновала опасность, гнев крестьян взорвался. Вся страна была охвачена пожарами вооруженных крестьянских восстаний: Тамбовская область, бассейн Волги, Украина, Северный Кавказ, Западная Сибирь...

Тем более, что зимой 1920-1921 года сотни тысяч солдат были демобилизованы и вернулись в свои деревни; большей частью они присоединялись к вооруженной оппозиции большевикам. В период с ноября 1920 по март 1921 число этих бунтов все возрастало. В феврале 1921 года, то есть за месяц до Кронштадтского восстания, в одном из докладов ЧеКа приводится цифра 118 крестьянских восстаний.

В Западной Сибири поднялась вся Тюменская губерния, а также большая часть Челябинской, Оренбургской и Омской. С 1920 по 1921 год мятеж охватил Тамбовскую губернию, где повстанческая армия под командованием левого эсера Антонова насчитывала 50 тысяч человек. Только в Западной Сибири под ружьем находилось более 60 тысяч повстанцев. На Украине анархо-коммунистические отряды махновского движения вели партизанскую войну против красной армии вплоть до августа 1921 года.

Большевикам с большими трудностями приходилось бороться с этими повстанческими движениями, и победить их удалось только благодаря превосходству в вооружении и в численности (для победы над Махно понадобились 1 000 000 солдат, Фрунзе, Буденный и все остальные «асы» Красной армии).

Для осуществления «своей» диктатуры пролетариата⁸ партии, находившейся у власти, требовалась покорная и слепая сила. С первых же дней была создана политическая полиция, которой было предначертано зловещее будущее: ЧеКа, «часовой революции»⁹. Армейские комитеты, отряды рабочей милиции и революционных крестьян были расформированы и растворены в Красной армии, которая легче поддавалась контролю со стороны центра. Ее возглавили бывшие царские офицеры, превращенные в «военных специалистов», к которым были приставлены политические комиссары.

«Красота и слава нашей партии – это красная армия и че-ка», – заявлял Зиновьев.

«Всероссийские и местные че-ка должны быть органами диктатуры пролетариата – беспощадной диктатуры одной партии»¹⁰, – писал со своей стороны Петерс.

Таким образом, постепенно, начиная с первых дней Октября, все завоевания были обманом отняты у революционных масс, вследствие чего большая часть трудящихся отвернулась от власти, что в значительной мере объясняет первые успехи контрреволюционных наступлений белогвардейцев.

Перед угрозой сил прошлого пролетарии села и города предпочли, несмотря на все, эту власть, которая им обещала быть гарантом их требований. Они закрыли глаза на все более авторитарные методы этой диктатуры партии; победившая революция должна была пройти через эти жертвы. Союз революционеров был необходим для победы над всеми объединившимися силами русской и международной реакции. Ради этой цели трудящиеся массы были готовы перенести все лишения, растратить лучшие свои силы. Многие пожертвовали своими жизнями, считая, что это ускорит освобождение труда не только в России, но и во всем мире. Их уже не было в живых, когда впоследствии можно было убедиться, что все эти жертвы послужили только для того, чтобы установить еще более безжалостное, чем прежде, отчуждение трудящихся.

Политическая монополия большевиков на революцию усиливалась по мере ликвидации их попутчиков: волны

арестов обезглавили ряды анархистов, левых эсеров и максималистов. Они были неудобными свидетелями, тем более, что осуждали, перед лицом трудящихся, отказ власти от завоеваний Октября: восстановление смертной казни, капитулянтский Брест-Литовский мир, создание ЧеКа и профессиональной армии, возврат «буржуазных специалистов», от простых тюремщиков и держиморд до царских чиновников и офицеров, не обходя и бывших владельцев заводов; саботирование рабочего контроля и советов и военизацию труда.

Официально все эти уступки представлялись как временные¹¹ и необходимые для сохранения «первого в мире рабочего государства». То, что это выглядело противоположным идеалам революции, – только видимое противоречие, поскольку партия обладала всеми правами, чтобы распоряжаться будущим революции и приравнивала его к своим узким партийным интересам. Следовательно, ничто не могло сдерживать большевиков: «У нас новая мораль. Наша *гуманность абсолютна*, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. *Нам все дозволено*, ибо мы *первые в мире* подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства»¹².

Отсюда применение старого далеко идущего принципа, который объясняет все: «цель оправдывает средства». Красный террор использовался вначале по отношению к контрреволюционным элементам из бывших привилегированных классов, затем был распространен на всех противников диктатуры пролетариата, то есть партии, которые с этого момента будут, также как и первые, рассматриваться как мелкие буржуа, кулаки, наемники реакции и т. д.

Эта машина репрессий будет доказывать свою эффективность до такой степени, что повернется против своих вдохновителей и раздавит их самих.

Самые искренние революционные элементы в партии, по крайней мере вначале, оказались в тисках этой логики. Выбирая между революцией и партией, они в большинстве своем отдадут предпочтение партии. Это очень хорошо выразил один из певцов большевизма Виктор Серж: «Бри-

танский патриотизм очень хорошо выражен в сильном лозунге: *“Неважно, права она или нет, это моя страна!”* Большевицкий образ мыслей предполагает, и это качество бесценно в классовой войне, одинаковый патриотизм по отношению к классу и партии: лучше быть неправым вместе с партией пролетариата, чем быть правым, но против нее. Никакая другая революционная мудрость не является более глубокой¹³. Точно также оппозиция внутри партии не ставит под сомнение природу власти, она требует лишь внутрипартийной демократии и «действительно рабочей» диктатуры, не замечая в этом фундаментальных противоречий с революцией.

Их критическое сознание задушено верой в догму партии, догму, которая делает их глухими по отношению к пролетарской действительности. Один из главных тезисов Ленина, значение которого не было должным образом оценено в то время, состоял в проповеди государственного капитализма:

«[...] прямо уже гомерический смех вызывает открытие, сделанное “левыми коммунистами”, будто Советской республике при “правобольшевистском уклоне”, грозит “эволюция в сторону государственного капитализма”. Вот уже подлинно, можно сказать, напугали! И с каким усердием повторяют “левые коммунисты” и в тезисах, и в статьях это грозное открытие...

А того не подумали, что государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

[...] Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими.

[...] Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача – учиться государственному капита-

лизму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства.

[...] Рабочие – не мелкие буржуа. Они не боятся крупнейшего “государственного капитализма”, они его ценят, как их, *пролетарское*, орудие, которое *их, Советская*, власть употребит в дело против мелкобуржуазного распада и развала»¹⁴.

Запомним это «гениальное» определение пути, ведущего к социализму: капиталистическая государственная монополия и повторенная фраза Руссо: «Бороться с варварством варварскими методами». Но что представляет собой это пресловутое государство? Зиновьев отвечает на этот вопрос без обиняков:

«Государственный капитализм – это тот самый который мы сумеем организовать, тесно связан с государством: а государство – это рабочие, их часть самая прогрессивная, это их передовой отряд, это мы!»¹⁵.

Как далеко мы ушли от государства типа Парижской Коммуны, за которое ратовал Ленин в работе *Государство и Революция*! Мы можем наблюдать скрытое логическое продолжение этого тезиса: социализм в отдельно взятой стране – СССР, бастионе мирового социализма.

Эта «новая» и «оригинальная» концепция пролетарской революции требует все же некоторых объяснений. Кое-кто усматривает в политике Ленина того времени или «действенный» эмпиризм, или преднамеренный оппортунизм, в зависимости от занимаемой ими точки зрения. Однако это положение является для Ленина постоянным, как он сам об этом заявляет:

«Кричащим меньшевикам мы укажем просто хотя бы на то, что еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда»¹⁶.

Дело в том, что Ленин всегда стремился быть верным историческому материализму, по крайней мере в «своем» его понимании. Он выдвинул государственный капитализм в качестве антитезиса частнособственническому капитализму Керенского, поскольку государственный капитализм готовил экономическую основу для установления социализма, занимающего место синтезиса в этом диалектическом построении. Диалектические скачки между этими различными фазами, например, момент превращения государственного капитализма в социализм, якобы должны быть обеспечены партией.

Очевидная порочность этого диалектического рассуждения состоит в выборе антитезиса: государственный капитализм не может быть ни противоположностью, ни антиномией частному капитализму, он является всего лишь его следствием. Отметим механистичность и ложность такого рассуждения: в нем недооценивается человек как субъект истории, он рассматривается лишь как механический продукт определенных экономических условий. Кроме того, желание искусственно контролировать движение истории под строгим надзором партии свидетельствует об идеалистическом волюнтаризме, полной противоположности диалектическому марксизму, к сторонникам которого настойчиво причислял себя Ленин. Это ему не помешало обрушиться на тех, кто действительно дал диалектическую критику ситуации: участников Крондштатского восстания, маховское движение, Антонова и другие пролетарские восстания.

Ленин с удивительной легкостью маневрирует среди всех этих противоречий и даже возводит их в закон, в котором состоит для него вся «соль диалектики».

Так, в отношении пролетариата он заявляет:

«Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией»¹⁷.

Какая ошеломляющая логика: нет капитализма, нет пролетариата! Значит, давайте оживим или быстренько создадим капитализм! Единственная разница состоит в том, что партия сохраняет свою власть: «пролетарское» государство.

Приведем еще одно высказывание с «диалектическим» объяснением этой странной концепции:

«И мы, научившиеся немного за три и четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, «новой экономической политике». Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным *оптовым купцом*... [...] Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму»¹⁸.

Действительно, Ленину захотелось поиграть в «ученика чародея», выставляя напоказ всю безответственность своего поведения. Вся тяжесть ответственности перед пролетариатом и историей за суждения о будущем социальной Революции в России и в мире, построенные на основе ошибочных схем, ложится на него

Один из лучших анализов эволюции большевистской власти в эту эпоху был сделан Антоном Силигой, хорватским коммунистом, пребывавшем в СССР с 1926 по 1935 год, сосланным в Сибирь, где его видение революции обогатилось благодаря контактам с политическими ссыльными различных политических направлений, постоянно обменивавшимися своими мнениями.

Силига анализирует этот период следующим образом:

«Советское правительство и высшие круги коммунистической партии начали проводить в жизнь свою программу

усиления власти бюрократии. Наделение “исполкомов” властью, которая до сих пор принадлежала советам, подмена диктатуры класса диктатурой партии, перемещение власти внутри самой партии с ее членов на кадровых работников, замена двойной власти бюрократии и рабочих на заводах единственной властью аппарата, все это должно было “спасти Революцию”!

Именно в это время Бухарин выступил с защитной речью в пользу “пролетарского бонапартизма”. “Ограничивая самого себя”, пролетариат якобы облегчил борьбу против буржуазной контрреволюции. Таким образом проявляла себя уже огромная и почти мессианская самодостаточность коммунистической бюрократии. [...]

В революции, проведенной изначально во имя осуществления социализма, не так удобно сказать напрямик: “Теперь мы новые господа и новые эксплуататоры”. Гораздо легче назвать изъятие заводов у рабочих “победой социалистического способа производства”, господство бюрократии над пролетариатом “усилением диктатуры пролетариата”, а новых эксплуататоров “авангардом пролетариата”. Поскольку помещики были уже “защитниками крестьян”, буржуазия “авангардом народа”, бюрократы, конечно же, могли быть “авангардом пролетариата”. Эксплуататоры всегда считали себя авангардом эксплуатируемых.

[...] В очередной раз история подтвердила справедливость следующей фразы из старого революционного гимна: “Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой”, справедливость лозунга рабочего движения: “Освобождение трудящихся будет делом рук самих трудящихся”. Современные революции должны будут добиться осуществления полного социализма, или же они неминуемо превратятся в антипролетарскую, антисоциалистическую контрреволюцию”¹⁹.

Таким образом, непосредственно сразу после октябрьской революции были определены главные черты большевистской власти и строя. Вырождение «рабочего государства», которым, по Троцкому характеризуется сталинский период, было только достойным продолжением. Сталин развил до предела уроки своего учителя Ленина.

Мир и судьба крестьянства

Основная масса русских солдат, мобилизованных во время войны 1914 года была, разумеется, крестьянской. Попад в ловушку массового истребления под огнем немецкой артиллерии и пулеметов, именно она выступила против безумия этой бойни, и ее решающее давление на чашу весов опрокинуло старый строй. Поскольку война продолжалась при временном правительстве либералов и эсеров, солдаты массово дезертировали с фронта, чтобы вернуться в свои общины и приступить к разделу помещичьих земель – осуществить мечту о «черном переделе» 1870 годов – и вернуть себе таким образом землю, отнятую много веков назад. Но в этот раз крестьяне имели веский аргумент, которого им не хватало раньше: оружие, прихваченное с фронта. Несмотря на настойчивость «революционных властей», которые через земельные комитеты требовали пока отложить раздел до созыва Учредительного Собрания, крестьяне приступили к нему немедленно. Вдумчивый наблюдатель Пьер Паскаль замечает: «Любопытная вещь, с революцией мир получил новый толчок, он не только не умер, но и ожил, он был воскрешен, там где до этого, казалось, исчез, и с тех пор активно действует»²⁰. Каким образом? Очень просто, достаточно было, чтобы «правительственное давление исчезло, и община ожила. Надо было делить землю, принимать решения, устанавливать социальный порядок: общинный сход оказался готовым к этой роли».

Благодаря привычному порядку делить в соответствии с потребностями всех членов путем общего согласия, земельная собственность кулаков и помещиков была вполне естественно включена в мир. Следует отметить, что ее владельцы не были отстранены от раздела: они получили право участвовать в разделе на равных основаниях со всеми, как и безземельные крестьяне²¹. Кроме того, восемь миллионов городских жителей вернулись в сельские общины, из которых они вышли, или во вновь созданные коммуны. Решения подписывались всеми заинтересованными лицами на общем сходе и передавались в случае необходимости в местный комитет или совет.

Первый акт ленинской власти только закреплял свершившийся факт, за исключением маленького нюанса, на который многие не обратили внимания: право собственности на землю было передано государству. Уже в июне 1917 года Ленин заявил в открытую:

«Мы спрашиваем себя: если говорить, что земля перейдет к народу, то же ли это самое, что сказать, что земля перейдет к трудящимся? И мы даем ответ: нет, это не то же самое! [...] Вольный труд на вольной земле – это значит, что все старые формы землевладения сведены на нет, никакого иного землевладения, кроме общегосударственного, нет; каждый берет землю в аренду у государства; есть государственная общая власть, власть всех рабочих и крестьян; у этой власти берет один крестьянин, как арендатор; между государством и крестьянином никаких посредников нет; всякий берет на равных началах; это есть вольный труд на вольной земле.

Значит ли это, что земля передается всем трудящимся? Нет, не значит»²².

Поскольку вначале соотношение сил было не в его пользу, Ленин сделал вид, что не замечает мир. Он ввел декретом сельские советы, затем из-за их неэффективности заменил их на «комбеды», создал государственные коммуны и владения, затем вновь видоизменил советы, имея постоянно ввиду свой план использования сельского пролетариата в больших государственных хозяйствах. Замкнувшись в своем марксистском догматизме, он придумал подразделение крестьян на классы и категории, которые, конечно, существовали до 1917 года, но с тех пор присутствовали только в его воображении: бедняки, середняки и кулаки²³. Он объявил им безжалостную войну в виде принудительных изъятий урожая²⁴ и карательных отрядов в случае сопротивления. Это сопровождалось запретом на прямые обмены между городом и деревней.

Эта война партии-государства против крестьян была лицемерно названа «военным коммунизмом». Она повлекла за собой многочисленные жертвы, как в результате расстрелов, так и вследствие голода (6 миллионов в 1921-1922 годах). Только когда партия увидела, что может потерять

власть из-за распространившихся крестьянских восстаний, которые привели в марте 1921 года к Кронштадтскому восстанию, она отступила, объявила НЭП (новую экономическую политику) и, как это ни парадоксально, восстановила сельский капитализм вместе с новыми кулаками! Продразверстка была заменена натуральным налогом. В итоге мир получил признание и право на целый раздел в Земельном кодексе 1922 года, в котором ему дается определение и предоставляется что-то вроде избирательного права, характеризуются его отношения с советами, уточняются его права на землю и т. д. Фактически он продолжил свое прежнее существование.

Паскаль описывает сцену мирского схода, полностью подобную той, которую мы приводили выше в описании Степняка. Если принимаемое решение было важным, оно скреплялось подписями под протоколом, который передавался бюрократам из совета и волостного исполнительного комитета. Это случалось приблизительно раз пятнадцать в году. Община не имела никакого постоянного органа, никакого председателя ни кассира, которые «могли бы создать угрозу захвата какой-либо власти». В ней находился только неопределенный представитель, который созывал сходы и поддерживал отношения с советом. Все функции разделялись между ее членами. Единственным платным работником оказался пастух, важный персонаж, который занимался стадом. Земельные наделы делились как прежде. Короче говоря, все было восстановлено, как до 1917 года, как если бы «военный коммунизм» показался лишь преходящим безумным отклонением. Но новый хозяин – партия-государство – был далек от филантропии: он закупал продукты по ценам, которые сам устанавливал, и продавал фабричные продукты (низкого качества) по недоступным ценам (в три раза дороже, чем до 1914 года), так как ему нужно было экспортировать зерно чтобы получать необходимые средства для своего расточительного образа жизни и для финансовой поддержки мировой большевизации.

Несмотря на быстрое восстановление экономики, проблема оставалась целиком нерешенной для наследников Ленина – Троцкого и Сталина, – которые соперничали друг

с другом в усилении «войны с кулачеством», до тех пор, пока не победил второй из них, который упразднил НЭП и мир, начав насильственную коллективизацию в 1929-1934 гг. За этой политикой в действительности скрывается самый большой геноцид XX столетия. В качестве хитрости было использовано преследование «кулака», поистине демонического существа, «врага народа, бедного крестьянства и государства». В западных учебниках истории, школьных и университетских, он получил определение, совершенно лишенное критической оценки по отношению к официальной ленинско-сталинской версии, «богатого крестьянина-собственника»²⁵. Это двойная бессмыслица: во-первых, потому что Земельный кодекс 1922 года провозгласил всю землю полной собственностью государства, которая отдавалась в пользование крестьянам, ее обрабатывавшим; во-вторых, как мы уже видели, кулак, каким он был до 1917 года, исчез в ходе революции, был поглощен миром. Конечно, кодекс 1922 года продолжил и расширил столыпинские реформы, позволяя крестьянам, которые этого хотели, устроиться в своем единоличном частном хозяйстве, на пресловутых столыпинских хуторах. Более полумиллиона крестьян воспользовались этой возможностью, заслуживая таким образом название кулаков, но не имея роли ростовщика и эксплуататора, отличительной для до-революционного кулака. Они составляли лишь небольшую часть по отношению к 96% земель, переданных миру²⁶. Внутри мира некоторые крестьяне благодаря своему личному труду стали несколько более зажиточными, чем остальные члены общины, заслужив особое внимание государства с налоговой точки зрения и политического определения в качестве кулаков.

Как в точности обстояли дела в этом отношении? В 1927 году наиболее зажиточные крестьяне имели две-три коровы, одну или две лошади, кое-какие сельскохозяйственные машины и десяток гектаров пашни на семью, состоявшую в среднем из семи человек. Их доход превышал лишь на 50% прибыль самых бедных крестьян и составлял лишь одну треть налоговой платы рабочей семьи в Москве!²⁷ Между прочим, они составляли от 3 до 5% от всего крестья-

янства, оставшуюся часть составляли середняки и батраки. Все старались жить единомышленно и в согласии между собой, каждый хотел достичь собственными усилиями улучшения условий жизни своей семьи. Таким образом, можно сделать вывод о полной ложности утверждений о якобы имевшемся богатстве и эксплуатации одних другими, что большевистские властители представляли как классовую борьбу между сельскими капиталистами и бедными крестьянами. Зато чиновник-бюрократ, преследовавший этих мнимых кулаков, имел значительно более высокие доходы. Как бы там ни было, сталинская власть изобрела еще понятия «зажиточные крестьяне» и «подкулачники».

Настоящей целью этой стратегии уничтожения было устранение самых активных крестьян, зачинщиков, способных оказать сильное сопротивление режиму. Представленные как само воплощение классового врага, как люди второго сорта, они были «ликвидированы» (ленинско-сталинский термин, достойный словаря бандитов, использовавшийся для обозначения массовых расправ и часто гибельного выселения крестьян, мужчин, женщин и детей). Это было нелегко, и власть прибегла к искусственному голоду, чтобы довести до конца это преступное дело. Эта политика, осуществляемая во имя принципов псевдомарксизма, не получила отклика в душах части членов партии, «ликвидаторов», которые вскоре, в свою очередь, были «ликвидированы». По самым точным оценкам это порабощение крестьянства обошлось ценой жизни более 13 миллионов жертв, главным образом в областях, не покорившихся режиму во время гражданской войны: на Украине, на Волге, казацком Дону и Кубани, и т. д.; населенных преимущественно украинцами, что, по сути, было геноцидом против украинского народа. Это «окончательное решение» крестьянского вопроса замалчивается или сильно смягчается западными историками²⁸ по причине, которую мы указали в начале исследования: крестьянство не «интересно» само по себе, поскольку представляет собой архаическое явление и, следовательно, препятствует прогрессу.

Почти все крестьянские хозяйства²⁹ были переведены в новую систему колхозов, которые не были социалистичес-

кими кооперативами, а представляли собой предприятия, находившиеся под руководством назначаемых государством чиновников и обязанные выполнять нормы производительности, навязанные далекими бюрократами. Это было государственное крепостное право, худшее из того, что знала история. Это произошло потому, что мужики поверили на слово красивым обещаниям, которые щедро рассыпал Ленин в 1917 году. Они были простодушными и не знали еще тонкостей его языка, его двурушничества и его многоэтажной диалектики, которые привели страну в рабство. Приведем в конце еще одну цитату из Пьера Паскаля, который был не революционером, а христианским интеллигентом-идеалистом, честным человеком, временно заблудившимся, как и многие другие, в большевизме, что делает его мнение тем более объективным: «Если бы после революции рабочим и крестьянам России была предоставлена свобода, они бы сумели построить городское общество на основе профсоюзов и сельское общество на основе общин. Большевистские руководители, интеллигенты, полные недоверия по отношению к “трудящимся”, о которых они столько говорили, сознательно задушили эти естественные установления своим политическим и правительственным аппаратом. [...] Сама община, если бы ей предоставили свободу, а также помогли советом, поддержали, обеспечили снабжение, привела бы сельскую экономику к большому расцвету и сделала бы возможным коллективное обогащение, не образовав при этом никоим образом пропасти между своими членами»³⁰.

В заключение этого раздела укажем, что в наше время земельная проблема в России сохраняет полностью свою актуальность: коллективистский образ мышления колхозников противоречит частной собственности и испытывает трудности в определении своего места в пост-большевизме.

Поражение или победа? Установление партократии

Самоубийственное поведение анархистов относительно к большевизму, испытанных бойцов с большим опытом революционной борьбы, требует некоторых пояснений.

Прежде всего существует субъективная причина, которой нельзя пренебречь – многие из них долго и упорно сражались за революцию, следовательно, они испытывали, какое-то чувство привязанности к ней, даже если она существовала в несовершенной форме. Этот революционный «патриотизм», свойственный также борцам других направлений (меньшевикам, левым эсерам и максималистам, включая, конечно, и «левых» большевиков) заставлял их принимать то, что они считали временными уступками или компромиссами, обусловленными обстоятельствами, пока физическое выживание революции было в опасности. Они надеялись урегулировать все спорные вопросы впоследствии. Точно так же рассуждало подавляющее большинство революционных рабочих и крестьян. Их всех подталкивало неожиданное превращение большевиков во главе с Лениным, который в 1917 году отмахнулся от своего марксистского багажа и занял «либертарные» позиции. Они были, таким образом, убеждены в невозможности пересмотра завоеваний октября, необратимости и окончательности хода революции. Такая позиция, в большей степени эмоциональная, чем логическая, настоящее «пари Паскаля на будущее», была скорее актом веры, чем продуманным убеждением. И развитие событий показало, что то, что казалось им обусловленным обстоятельствами и временным, все более укоренялось в мрачной и угнетающей действительности.

Их общий предшественник Бакунин удивительным образом предвосхитил эту ситуацию и показал сущность этого «ученого» меньшинства в одной из своих как всегда чрезвычайно прозорливых работ: «Нам говорят, что в народном государстве г-на Маркса не будет привилегированного класса. Все будут равны не только с юридической, но также с экономической точки зрения. По крайней мере, нам это обещают, хотя я очень сомневаюсь, что при том способе, каким за это берутся, и том пути, по которому хотят следовать, смогут когда-либо сдержать свое обещание. Больше не будет класса, но будет чрезмерно сложное правительство, которое не удовлетворится политическим руководством и администрированием масс, как это делают

все существующие сегодня правительства, а станет еще командовать ими экономически, сконцентрировав в своих руках производство и справедливое распределение богатств, обработку земли, устройство и развитие фабрик, организацию и руководство торговлей, наконец, применение капитала для производства единственным банкиром – государством. Все это потребует огромной науки и много голов с переизбытком мозгов³¹ в этом правительстве. Это будет царство научной интеллигенции, самый аристократический, самый деспотический, самый высокомерный и самый презрительный из всех строев. Образуется новый класс, новая иерархия из мнимых и настоящих ученых, и мир разделится на меньшинство, господствующее во имя науки, и огромное непросвещенное большинство. И тогда, берегись масса непросвещенных!»³². Как не узнать в этом меньшинстве «ученых», «компетентных» людей партию-которая-обладает-научной-истиной, партию Ленина, его соратников и продолжателей?

Таким образом, мы подошли к рассмотрению более объективных причин не только самоотречения самых радикальных борцов революции, но также успеха методов и целенаправленности большевиков. В Ленине есть одна черта, которая особо поражает: что бы он ни делал, каковы бы ни были его виражи, повороты и полные перемены курса, предпринятые на протяжении 1917-1923 годов, которые неминуемо привели бы любого другого к потере доверия, что бы он ни делал, он всегда прав. Он прав, потому что был не прав, потому что ошибался... Он всегда прав, поскольку он может быть только правым; действительно, он непогрешим, и если он заблуждается, то это только для того, чтобы лучше найти путь, который ведет к истине, потому что он является живым символом этой истины. Каждый верный ленинец не только убежден в этом, но даже не в состоянии представить себе какую-либо иную возможность. В этой вере обнаруживается глубокая тенденция, явление, выходящее за пределы русской революции и затрагивающее идеологию современного общества в целом. Эта метаполитика, выходящая за пределы религиозной веры в мессию и пророчества, имеет свои корни в рождении

индустриальной эры и ее отождествлении со сциентической торговой буржуазией девятнадцатого века, и она вполне естественно унаследована «партократией», установленной Лениным³³.

Действительно, ни единство, ни дисциплина, за которые ратует Ленин в революционном движении, невозможны без единства мысли, без догматизированной идеологии, воплощенной в партии, владеющей исключительным полномочием принимать решения во всех отраслях и подразделениях социальной и экономической жизни. Начиная с этого момента, возможны всяческие фантазмагии.

Эта партократия, обладающая всеми характерными чертами класса, может состоять только из людей, которые умеют «правильно» говорить, «правильно» писать, «правильно» организовать и контролировать. Они должны иметь определенное образование, определенные навыки умственного труда, определенную способность к обобщению и дедукции: это могут быть только умственные работники, интеллигенция. И в России, если мы посмотрим биографии ведущих деятелей интересующего нас периода (не говоря уже о последующих), то увидим, что имеем дело только с «профессиональными» революционерами, получившими образование (служащими, публицистами, преподавателями, инженерами, бывшими университетскими работниками и только в крайнем случае с несколькими рабочими-самоучками). Их мир был очень далек от обыденной жизни и образа мыслей пролетариев города и деревни. Им было, следовательно, очень трудно выражать и, тем более, представлять настоящие и действительные чаянья этого пролетариата. В конечном счете верх взяли их собственные классовые интересы. Это обстоятельство объясняет также, почему идеологические принципы сыграли только дополнительную роль и служили только удобной ширмой. Эти соображения касаются всех «ответственных» руководителей, к какой бы революционной группе они не принадлежали.

Ничего удивительного, следовательно, нет в том, что большинство видных деятелей объединились вокруг большевистской партии, где можно было получить синекуру и при этом не участвовать в производстве³⁴.

Уроки опыта анархистов в 1917 году

Все русские анархисты, которые не стали «коллорабационистами» ленинского режима, оказались под колпаком, не имели возможности высказываться ни устно, ни письменно, и при малейшем нарушении подвергались преследованиям со стороны ЧеКа и попадали в тюрьмы. Так продолжалось до заключения договора между Москвой и махновским повстанческим движением на Украине, одним из условий которого со стороны повстанцев было требование освобождения брошенных в тюрьмы либертариев. Это требование было удовлетворено, и все освобожденные направлялись в Харьков, где должен был состояться общий съезд движения. К сожалению, после победы над белыми и Врангелем Ленин решил избавиться от всех, кто мешал поголовной большевизации, и вновь в эту огромную облаву попали кандидаты в участники съезда. В худшем случае их расстреливали, в лучшем они попадали в чекистские застенки. Те, кому удалось избежать этой участи, уходили по мере возможности в подполье. Некоторые впоследствии сражались с оружием в руках во время восстаний, вспыхивавших по всей стране, во имя третьей революции – после первой и второй революций, направленной против царизма и буржуазии – против комиссарократии и диктатуры большевистско-коммунистической партии, за установление строя свободно избранных трудящимися советов. С этого момента лозунг свободных советов объединил всех сторонников социальной революции и возврата завоеваний 1917 года.

В феврале 1921 года некоторые анархисты были освобождены, чтобы они смогли присутствовать на похоронах Петра Кропоткина при условии, что они вернутся в свои камеры в тот же вечер! В следующем месяце Кронштадтское восстание повлекло за собой новые аресты в либертарной среде. Несколько месяцев спустя, во время съезда красного профсоюзного Интернационала, заключенные-анархисты начали голодовку с целью привлечь внимание к своей судьбе. Благодаря энергичному вмешательству делегации французских анархистов около десятка русских бор-

цов были освобождены и получили разрешение на эмиграцию. Анархо-синдикалистское издательство Голос труда просуществовало до 1922 года включительно. Затем созданная при музее Кропоткина ассоциация осталась единственной возможностью для публичного выражения до 1929 года, когда ГПУ (преемник ЧеКа) приняло решение созвать съезд анархистов, участники которого должны были констатировать банкротство своих идей и самораспуститься. Но это оказалось даже лишним для высшего руководства, и либертарные идеи официально провозгласили системой «вне закона».

Анархисты, которым удалось уехать за рубеж чтобы находиться вне досягаемости для когтей чекистов, не оставались бездеятельными: они публикуют документы и свидетельства, чтобы рассказать правду о московском режиме. В Соединенных Штатах, где существовала сильная колония русских либертариюв, продолжают выходить газеты и журналы. Во Франции Петр Аршинов и Нестор Махно начинают издание отличного ежемесячного журнала *Дело Труда*. Журнал был посвящен обобщающим размышлениям об уроках, которые следует извлечь из поражения анархистского движения в России. Поражение объяснялось, главным образом, не ленинскими репрессиями, а, в особенности, недостаточной последовательностью в идеологии и отсутствием единства в практике³⁵.

После долгой ночи активного и пассивного сталинизма, которая продолжалась до перестройки, начавшейся в 1986, и падения берлинской стены в 1989, либертарные идеи вновь обрели большую жизненную силу в самой России и во всей бывшей московской империи. Мы стали свидетелями рождения и расцвета многочисленных изданий, групп, федераций и движений. Произошли значительные выступления против армии, военной службы, войны в Чечне, диктатуры бывших коммунистических и других вельмож, в защиту трудящихся, и можно только радоваться этому пробуждению. Однако не были учтены уроки упущений, подчеркнутых группой *Дело Труда*, а эти выступления остались разрозненными и по сей день не сумели стать альтернативой режиму. Некоторые активисты предпочли

разыграть свою личную карту и ринулись в избирательную борьбу, подобно зеленым на западе. Следует отметить, что очень трудно сориентироваться во всеобщей сумятице, царящей в России в эпоху теперешнего дикого капитализма. Таким образом, можно судить о той пропасти, которая отделяет существующее положение от вековых чаяний о свободе, равенстве и братстве, выраженных в 1917 году.

В качестве общего вывода по нашему исследованию, представляется необходимым напомнить о функционировании органа прямой демократии и самоуправления, которым на протяжении долгих веков являлся мир, послуживший образцом для либертарной коммуны, в том виде, как ее определил Кропоткин. Его сила состояла в его деятельности, основанной на единстве и общем согласии³⁶. Такой общей координации действий между сельскими общинами, крестьянскими, фабричными и заводскими комитетами и советами, то есть между крестьянами, рабочими, служащими и другими трудящимися в 1917 году не доставало, что сделало возможным политиканское отклонение. Бдительность должна начинаться с каждой личности, каждого сознательного и ответственного члена общины – основной гибкой социальной сущности. Федеративные связи должны осуществляться избираемыми ответственными работниками, исполняться лично, под постоянным контролем избирателей, с немедленным отзывом в случае недовольства и отклонения от категорически определенного мандата, метаполитика «исключительных личностей», харизматических лидеров, «высших спасителей» или просто «компетентных» людей должна быть исключена. Только в таких условиях индивидуальная свобода сможет примириться с императивами общественной жизни. Роль либертарианцев состоит как раз в том, чтобы поддерживать постоянное присутствие этого бдительного сознания.

А.С. 1973-2000

ССЫЛКИ

1. Эту теорию «пролетарского» бонапартизма (режима личной власти) Бухарин сформулировал в 1920 году в своем труде *Экономика переходного периода* (с.115 русского изд.). Ленин отметил по поводу этого отрывка (см. *Ленинские сборники*, том 11, русское изд. 1930 года): «Это верно ... но такое слово употреблять не следует.»
2. «Первоочередные задачи советской власти», В.И.Ленин, *Полн. собр. соч.*, том 27, с. 229-230, том 27, с. 238-239.
3. Фракцию, представившую знаменитую «Платформу рабочей оппозиции» Коллонтай X съезду.
4. Речь на X съезде партии (1921), приведенная Исааком Дойчером в *Les syndicats soviétiques*, 1950.
5. Что касается Ленина, он отмечает, что в России «один пролетарий сильнее, чем двести крестьян» (*Сочинения*, том 32, с. 37).
6. *Собр. соч.*, том 32, с. 321.
7. Здесь необходимо дать пояснения по поводу систематического употребления названия «большевики» по отношению к Ленину, Троцкому и их сторонникам. В марте 1918 Ленин вновь повторил предложение, выдвинутое им в 1917 году, преобразовать русскую социал-демократическую партию большевиков в коммунистическую партию, вернувшись к манифесту Карла Маркса. Поскольку в 1917 году надежда на слияние с меньшевиками, братьями, ставшими противниками, не была полностью потеряна, это предложение было отклонено. В 1918 Ленин хотел порвать с социал-демократией и представлявшим ее II Интернационалом. Как следствие, Партия согласилась с такой позицией, но, в действительности, ни практика, ни содержание учения не изменились, поэтому более правильно и точно употреблять термин большевистская, а не коммунистическая. Впрочем, большинство ленинцев и троцкистов не ошибаются на этот счет, говоря о большевистской модели русской революции.
8. Мы сказали бы диктатуры «над» пролетариатом.
9. *Красный меч*, № 1, 18 августа 1918. ЧК значит буквально Чрезвычайная Комиссия (при Комиссариате внутренних дел).
10. *Еженедельный журнал ЧеКа*, №27, 1918.
11. Лениным, поскольку Троцкий считал, что военный коммунизм должен длиться десятилетиями, до полной победы социализма!
12. *Красный меч*, №1, 18 августа 1918.
13. V.Serge, *L'an I de la révolution russe, les débuts de la dictature du prolétariat* (1917-1918), Librairie du Travail, Paris, 1930, p.105.
14. «Детская болезнь левизны и мелкобуржуазные идеи, май 1918», *Собр. соч.*, том 27, с. 301-302, 307, 316.
15. Зиновьев, *Анτισоветские партии и тенденции*, 1922, с.8.
16. *Собр. соч.*, том 33, с. 4.

17. Том 33, с. 43.

18. Том 33, с. 36. (Если бы лучше читали Ленина, возможно, меньше было бы ленинцев впоследствии.)

19. Anton Ciliga, *Lénine et la Révolution*, dans «Les Cahiers Spartacus», janvier 1948.

20. *Цит. раб.*, с. 31-32.

21. Точно так же это произошло во время коллективизации земель в революционной Испании в 1936.

22. Ленин, *Собр. соч.*, том 24, с. 460.

23. То есть, соответственно: бедняки - крестьяне, не имеющие ни лошади, ни коровы, середняки - крестьяне, имеющие одну лошадь и одну корову, и кулаки, «богачи», обладающие лошадьми и коровами и иногда современными сельскохозяйственными орудиями.

24. Бертран Расселл, посетивший Ленина в Кремле в мае 1920 года, писал, что тот начал «смеяться над обязанностью крестьянина обменивать пищевые продукты на бумагу; его забавляло то, что русские бумажные деньги не имеют никакой ценности», *La pratique et la théorie du bolchévisme*, Paris, 1921, с. 44.

25. Влияние этого чувствуется в определении этого слова в самом распространенном французском энциклопедическом словаре *Le petit Robert*, Paris, 1993, с. 1245: «Богатый крестьянин собственник в России. Класс кулаков был упразднен после коллективизации, предпринятой в 1929 году.»

26. Эта цифра приводится С.Розенблюмом для 15 миллионов крестьянских хозяйств, *Земельное право в России*, Москва, 1925, с. 9.

27. Все эти сведения приведены в замечательном исследовании Роберта Конквеста, которое мы настоятельно рекомендуем читателям: *La Grande Terreur*, которому предшествует *Sanglantes Moissons, la collectivisation des terres en URSS*, Paris, Laffont, 1995, переведенном на русский язык. Мы советуем также обратиться к книге Merle Fainsod, *Smolensk à l'heure de Staline*, Paris, 1967, а также к описанию этих кошмарных событий в книге Виктора Кравченко: Victor Kravchenko, *J'ai choisi la liberté!* («Я избрал свободу»). Paris, 1949, с. 158-187, «La récolte infernale» («Адская жатва»).

28. За единственным исключением: Robert Conquest, *цит. соч.*, с. 1-372, где подводится итог этого периода: 13 миллионов жертв среди крестьян с 1930 по 1937 год, из которых 6 миллионов – жертвы раскулачивания, и 7 миллионов, погибших из-за искусственного голода 1932-1933 года (с. 330-331).

29. То есть 93,6% из 20 157 500 в 1938 году. Данные приводятся в книге: Serge Prokhorovitch, *Histoire économique de l'URSS*, Paris, 1952, с. 163. Автор отмечает, что 20% хозяйств прекратили свое существование, и считает главной причиной этого переселение в города!

30. *Цит. раб.*, с. 41 и 44.

31. Намек на Маркса.

32. *Lettre aux compagnons du Jura*, том III, *Полн.собр. соч.*, изданных Институтом Социальной Истории в Амстердаме.

33. Этот неологизм был создан подпольной оппозицией в СССР.

34. Ср. анализ этого социально-политического явления в нашей работе: S.W. Makhaïski, *Le Socialisme des intellectuels*, Paris, 1979 и 2001.

35. Об этом рассуждении и вызванной им дискуссии см. нашу работу *Индивидуальная автономия и коллективная сила*, Париж, 2002, *цит. соч.*

36. Отметим частичное схождение с выводом Александра Солженицына, который в своем очерке *Как нам обустроить Россию*, напечатанном в 1990 году, ратует за «демократию малых пространств», начиная с исконного существования мира и веча. Он выступает за распространение самоуправления в форме земств, которые должны заменить советы и объединяться на четырех уровнях: местном (небольшой город, округ большого города, селение, волость); уездном (большой город или современный район в России); региональном и национальном (общерусском). Приведем цитату из его очерка: «Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропорочной жизни, да само понятие “гражданской свободы” теряет смысл.

Демократия малых пространств тем сильна, что она *непосредственная*. Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы *народные собрания*, а не правительственные» (Париж, 1990, с. 40).

СОДЕРЖАНИЕ

I. Традиции демократии и равенства в древней Руси	5
Вече: прямая демократия, самоуправление и принцип выборности	7
Царизм: самодержавие и рабство	22
Сельская община: мир	28
Спор о мире	38
Бунтовщики и отверженные: беглецы, мятежники и казаки	46
Религиозные диссиденты: мистические секты и общинные движения	50
От мира к совету	57
II. Русские анархисты: от Бакунина до 1917 г.	65
Революция 1917 года	77
Ленин анархист?	85
III. Конфликт с большевиками	95
Расхождения. Советы: государство против общины	95
Контроль или власть рабочих: фабрично-заводские комитеты	99
После противостояния: анархо-бандиты и анархо-большевики	110
Революционный контртеррор: покушение Ковалевича	115
IV. Большевицкая контрреволюция	125
Мир и судьба крестьянства	140
Поражение или победа? Установление партократии	145
Уроки опыта анархистов в 1917 году	149

